

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2009

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинс (Великобритания)

Главный редактор: Ю.П. Сенокосов
Ответственный секретарь: С.А. Максимов
Художественный редактор: Людмила Иванова
Корректор: Людмила Бусуек
Верстка: Ольга Козак
Фото: В. Иванов, О. Начинкин

Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Шведского агентства по международному
сотрудничеству для развития и группы компаний «Рольф».

Содержание

№ 2 (48) 2009

<i>К читателю</i> Юрий Сенокосов	5
Семинар	
<i>Инфраструктура свободы слова</i> Михаил Бергер	7
<i>Дискуссия</i>	15
<i>Свободные мысли</i>	21
Тема номера	
<i>Российское местное самоуправление: нынешнее состояние и пути развития</i>	23
<i>Россия: пространство депопуляции</i> Глеб Гурин	29
<i>Субсидиарность в современной социальной и политической интерпретации</i> Сергей Большаков	34
Вызовы и угрозы	
<i>Россия и Запад: путь к новому миропорядку</i> Николай Злобин	43
<i>Безразветвленные банкиры? Не надо спешить с выводами...</i> Стивен Нельсон	50
Выборы	
<i>Электоральные кампании "партии власти": антифизическое меню</i> Наталья Балакирева	56
Дискуссия	
<i>Способна ли Россия воспитать политическую элиту?</i> Сергей Магарил	62
<i>"Сумеречное общество"</i> Дмитрий Горин	73
Ценности и интересы	
<i>Внутренняя холодная война</i> Максим Трудолюбов	79

Точка зрения*Закон маятника* 86
*Александр Волков***Жизнь в профессии***Анастасия Лебедь:*
"Как художник, я в первую очередь чувствую картинку..." 94
*Евгения Формальнова***Из истории русского либерализма***Земство в борьбе за первую российскую конституцию* 99
*Евгений Ефремов***Наш анонс***Россия 1993–2008: итоги трансформации*
Кризис либерализма: взгляд политолога 105
*Андрей Рябов***Книги***Контрапункт* 112
*Александр Архангельский***Nota bene***Выпускники Школы о Школе* 116**К читателю**

Почему в России слабое гражданское общество? И когда наша власть и бюрократия поймут, что перед законом все равны? Известно, как реагировала на пробуждавшееся в стране гражданское сознание российская бюрократия еще в 60-е годы XVIII века во время заседаний екатерининской Уложенной комиссии, когда зашла речь об отмене крепостного права. Она ответила: народ еще не созрел для свободы, его надо к этому подготовить. И пока шла эта «подготовка», не без влияния идей Французской революции, в самом начале которой была провозглашена, как известно, знаменитая Декларация прав человека и гражданина (1789), в России снова заговорили о «правах гражданина» и о свободе: Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», декабристы, поэты. Но что характерно, и на это обычно не обращают внимания. В начавшейся наконец подготовке и проведении реформы 1861 года («бескровной русской революции», как назвал ее с гордостью Достоевский) участвовали только просвещенная интеллигенция и просвещенное дворянство, но не участвовало так называемое третье сословие, то есть, казалось бы, наиболее заинтересованная в этой «революции» буржуазия, появившаяся в России в результате развития товарно-денежных отношений. Она не выдвигала естественных для нее требований: права на свободу личности, совести, равенства граждан перед законом, защиты от произвольного ареста, неприкосновенности частной собственности. К гражданским и политическим правам, которых долгое время добивалась европейская буржуазия, выступая против феодальных прав и аристократических привилегий, русская буржуазия фактически до начала XX века была равнодушна. Поэтому, я думаю, не случайно в своем стихотворении «Поэт и гражданин», опубликованном в 1856 году, поэт и одновременно журналист — предприниматель Н.А. Некрасов вопрошал:

*Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?*

И несколькими строчками выше известная фраза: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Потом вспоминаю другого поэта — декабриста К. Рылеева и его забытую формулу: «Я не поэт, я гражданин». И прихожу к заключению, что не просто «обязанность», но чувство свободы было присуще этому человеку и гражданину.

Именно этого — чувства свободы и стремления к ней — боялась царская, а затем советская власть, поскольку, как и

*Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»*

царская, она была абсолютно уверена, что, по выражению современного юриста С.С. Алексеева, «власти не потребно право — ей достаточно закона». И оправдывала свою политику и действия «социалистической законностью», не нуждавшейся в праве как основе юриспруденции. И при этом в стране широко употреблялось слово «гражданин». Но в каком значении? В значении «гражданин начальник». Так в тюрьмах, в судах, в прокуратуре и заключенные, и даже только подозреваемые в чем-то люди могли обращаться к официальным лицам, свидетельствуя тем самым о взаимной отчужденности «граждан» в соответствии с волонтаристским представлением о законе.

А если отвлечься от укоренившихся при советской власти привычек при употреблении слова «гражданин», что оно все-таки означает? Ведь ясно, что гражданин это не только член гражданских организаций, и тем более не профессия, не должность, не обозначение принадлежности к патриотам или не патриотам, к «правым» или к «левым». Как очевидно и другое, что оно употребляется обычно в процессе *общения* людей, в основе которого лежат сложные человеческие отношения, опосредованные институционально.

Появилось же это слово, когда житель города, или горожанин, объявил себя *гражданином* (англ. *citizen*, фр. *citoyen*). То есть по меркам исторического времени сравнительно недавно — в Декларации прав человека и гражданина эпохи французской буржуазной революции, которая подвела своего рода итог предшествующему политическому развитию европейского общества, и было провозглашено, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

А в России, где борьба за свержение самодержавной власти радикальной интеллигенцией закончилась победой пролетариата? Мог ли наш народ — без права частной собственности, политических свобод, независимой судебной системы, свободы слова — стать действительно гражданами? И что делать сегодня, когда процесс буржуазно-демократического развития страны начала XX века, прерванный в 1917 году, снова скован авторитарной бюрократической властью?

Необходимо прежде всего, на мой взгляд, преодолевать взаимное недоверие между людьми на путях гражданского просвещения и осознания смысла свободы. Поскольку свобода это не выбор, как принято думать, между свободой и не свободой, так как сам выбор возможен только в условиях свободы.

Свобода, как и мораль, абсолютна, это очевидно, но наше отношение к морали, как и к свободе, должно быть относительным, то есть оформленным в виде правовых юридических норм, так как чисто механическим путем моральную норму вывести невозможно. Моральный опыт можно извлечь только из окружающей действительности, и тогда абсолютное, не переставая быть абсолютным, становится относительным. В этом смысле свобода, подобно естественному свету Солнца, благодаря которому мы видим окружающий мир, воспринимаем пространство, различаем в нем различные предметы, оттенки цветов, позволяет людям, сознающим себя гражданами, тоже видеть, что их окружает в общественном пространстве, и узнать, для чего существует правовое государство, создаются демократические институты и как они работают.

Следовательно, слова «свобода» и «гражданин» стоят в одном ценностном ряду, и если мы это поймем, как граждане страны, вступившей на путь экономической свободы, мы научимся соблюдать и защищать наши *общие* гражданские и политические права, гарантированные Конституцией. А значит, и контролировать власть и бюрократию, участвуя в политической конкуренции и отстаивая свои взгляды в публичном пространстве.

Инфраструктура свободы слова*

Разговор об инфраструктуре свободы слова, мне кажется, даже важнее, чем дискуссия о собственно свободе слова. Была ли свобода слова, скажем, в позднем бронзовом веке, примерно три-четыре тысячи лет назад? Я говорю об этом времени потому, что более-менее достоверные источники информации ведут начало с того времени, например Ветхий Завет. Известно, что Ветхий Завет существовал сначала в устной форме, и соответствующая информация распространялась из уст в уста, но очень точно. То есть практически такой вариант радио. Я очень люблю один эпизод из этого средства массовой информации: он касается захвата израильянами ханаанского города Иерихон. В 1406 году до нашей эры израильяне во главе с Иисусом Навином (об этом говорится в одноименной книге Ветхого Завета) пришли в Ханаанскую землю, которая им была обещана Богом Израилевым. На их пути стоял город — совершенно неприступная крепость. Восемь тысяч воинов молча, не говоря ни слова, с ковчегом Господним на плечах — это переносной храм — ходили вокруг Иерихона шесть дней. Тишину нарушали только звуки семи труб, в которые трубили идущие с воинами семеро священников. И вот на седьмой день священники особенно усердно дунули в трубы, все воинство израильское разом и громко воскликнуло, стены разрушились, и войско вошло в Иерихон. Ну, а дальше — библейские ужасы, уничтожение всех, включая женщин и детей. Но с тех пор все знают про иерихонскую трубу, которую можно, я думаю, тоже считать одним из первых средств массовой информации.

Теперь важный вопрос: что произошло в действительности? Раскопки обнаружили, что стены Иерихона упали наружу; вряд ли обороняющиеся их туда толкали. Значит, было что-то такое особенное, например землетрясение, эффект резонанса, но кроме книги Иисуса Навина об этом нет альтернативной информации. Возможно, она и была, но осталась не зафиксированной. Отсюда простой вывод: любая информация, сво-

Михаил Бергер,
генеральный директор
медиахолдинга «Румедиа»,
профессор кафедры
медиаменеджмента
и медиабизнеса
ГУ-ВШЭ

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 4 ноября 2008 года.

Тайат (Эрнесто Микагеллес). Победа воздуха. 1931

бодная или зависимая, чтобы стать фактом материальной жизни, должна быть как-то упакована и распространена. Это и есть инфраструктура свободы слова, инструмент ее фиксации и распространения. Если пользоваться единственным источником, остается в него свято верить, хотя могут быть и другие взгляды на ту же проблему.

Мы живем не в бронзовом веке и можем спокойно инвентаризировать все, чем обеспечена или не обеспечена свобода слова и независимая информация в России. Эта инфраструктура держится на трех «китах».

Первый «кит» — юридическая база. Есть ли у нас юридическая база для свободы слова? Да никаких сомнений: наш закон о СМИ — один из лучших в Европе. Есть конституционная норма, прямо и недвусмысленно запрещающая цензуру. Есть Гражданский кодекс и другие законодательные акты, дающие возможность любому физическому или юридическому лицу совершенно свободно учредить телекомпанию, радиостанцию, газету, об Интернете я вообще не говорю, лишь бы там не было призывов к войне, насильственному свержению конституционного строя и к расовой и национальной вражде.

Итак, юридически в России свобода слова вполне качественно обслуживается. И это надо признать. Правда, есть некоторые ограничения для иностранцев по владению электронными СМИ, но это норма существует и в самых демократических странах. Следовательно, чтобы реализовать названные права, нужны деньги. Свобода слова — удовольствие платное и недешевое. Кто-то должен платить за «музыку». Между прочим, правительства всего мира, как ни странно, не горят желанием оплачивать критику в свой адрес, или вообще любую неконтролируемую информацию. Значит, должен быть кто-то другой, кроме правительства,

желающий и способный заплатить за праздник информации.

Второй «кит» инфраструктуры независимых СМИ — это их технические или технико-экономические возможности. Кто кроме правительства может и хотел бы заплатить за банкет, чтобы была какая-нибудь другая информация, что-нибудь, не связанное с властью? Ответ очень простой: частные лица в любой форме — собственно частное лицо, частная компания или общественная организация. В идеале было бы лучше всего, если бы частные граждане попросту скидывались на общественное телевидение и радио, как это происходит с BBC в Великобритании. Но почему-то этот опыт не приживается за пределами Великобритании, плохо распространяется. Попробуем рассмотреть другие конструкции.

Допустим, вы решили создать новую и совершенно независимую телекомпанию. Возможно это? Возможно. Никаких препятствий, если, конечно, у вас есть деньги. Тогда вы без особых проблем, сейчас это легко, ну, максимум коробка конфет, регистрируете телекомпанию, скажем, с названием «Вдруг ТВ». Нанимаете лучших журналистов, сейчас они подешевели. Легко снимаете разоблачительные репортажи, самые острые ток-шоу с участием таких людей, которых уже лет восемь никто не видел в телевизоре. И уверяю вас, вы это сделаете совершенно без всяких проблем. Хорошо, сделали, а дальше? Куда с этим счастьем идти? Ключевое слово — частота, в смысле место в эфире, техническая возможность, инфраструктура. То есть осталась самая малость, не хватает технической детали — канала распространения. Как доставить ваши слова и изображения к потребителю? Как дать ему знать, что вы в полной мере реализовали свое право на независимую точку зрения?

Итак, нужна частота. Где ее взять? В Министерстве связи, разумеется, где

же еще. Или на вторичном рынке. Тут как с квартирами, есть вторичный рынок. И здесь начинаются первые, не политические, я это подчеркиваю, сложности. Чтобы получить частоту из рук властей, надо победить на конкурсе. Другого способа не существует. Для всех городов с населением больше двухсот тысяч человек, чтобы получить право на вещание, нужна частота, то есть место в эфире. А для этого надо договариваться с военными, долго, примерно до двух лет, расчищается частота, с «заносами» и прочими прелестями нашей традиции. Хотя не исключено, что в последний момент выяснится, что где-то под Белгородом эта частота будет мешать китайским летчикам. Но вот — частота все же есть. Она ваша? Нет, надо еще, чтобы ее выставили на конкурс. А потом собралась комиссия и победила радиостанция «Звезда» с концепцией патриотического воспитания. Или кто-нибудь еще, потому что конкурс — это абсолютно субъективная вещь. Сидят девять членов комиссии и решают, чем музыкально-спортивная концепция лучше информационно-развлекательной. И это решение окончательное, как решение Конституционного суда, его нельзя пересмотреть. Поэтому, если вы хотите таким путем создать телекомпанию, которая вещала бы хотя бы в половине субъектов федерации, жизни не хватит.

Следующий вопрос. Речь не о том, чтобы победить во всех субъектах федерации, это невозможно чисто технически. Если, конечно, это не федеральные каналы — Первый, Второй, НТВ — и еще 5, которым сразу на блюде все частоты преподнесли. Но устроено так не только в России. Хочешь вещать еще где-то кроме Москвы, например, или Екатеринбурга, ты должен выиграть конкурс отдельно на каждый субъект. Ясно, что это невозможно. У вас денег завались — вы попробуете купить? Только учтите, продажа лицензий запрещена законом. Можно, ко-

нечно, запрет обойти, купив юридическое лицо, на которое выписана лицензия, свободно. Но возникает другая проблема: ничего не продается. Вот давно ли был в свободной продаже Первый канал? Он приватизировался в девяносто пятом, но не продавался. Про Второй не говорю — это стопроцентно государственное унитарное предприятие. Но на этом рынке и я в том числе пытаюсь что-то покупать. Иногда получается: небольшую радиостанцию в небольшом городе купить можно. Но серьезную телекомпанию или медиахолдинг, даже региональный, купить сложно по целому ряду причин. Во-первых, не продается, это рынок продавца. И, во-вторых, это всегда политически чувствительное приобретение. Допустим, СТС политически абсолютно стерильная организация, но здесь возникает другая проблема. Даже со своими шестьюдесятью или семьюдесятью миллионами аудитории против тотального охвата Первого канала, эта компания до кризиса, не знаю, как сейчас, стоила больше четырех миллиардов долларов — дороже чем Аэрофлот или Михайловский горно-обогатительный комбинат.

Много ли потенциальных покупателей такого товара в России из числа российских граждан или налоговых резидентов? У профильных медиакомпаний таких денег нет, а у больших корпораций так много других забот, что они иногда покупают либо с разрешения, либо по поручению. Думаю, что даже для Центрального банка четыре-пять миллиардов долларов это уже деньги. Чтобы купить радиостанцию в Москве, просто одну частоту FM, нужно заплатить во семь или десять миллионов долларов.

Существенно ниже входные барьеры в печатных СМИ. Чтобы издать газету, не надо покупать лицензию, участвовать в конкурсе. Достаточно просто зарегистрировать СМИ и вперед, полная свобода. Как, допустим, КПРФ никто

же не запрещает иметь газету «Правда», и КПРФ ее имеет. Однако, чтобы запустить и раскрутить газету на московском рынке требуется примерно двадцать миллионов долларов. Места заняты все, и чтобы кого-то подвинуть — читателей больше не становится, нужно отобрать их у других. Причем наличие инвестиционной суммы ничего не гарантирует. Например, в начале нулевых годов Владимир Потанин потратил пятнадцать миллионов долларов на запуск и раскрутку газеты «Русский телеграф». Сегодня такой газеты нет, как и денег этих. Никто ничего политически не запрещал. Как не запрещал политически неудовлетворенному миллиардеру Александру Лебедеву запустить газету «Московский корреспондент», существование которой он дважды искусственно прерывал. Второй раз, по-моему, окончательно. Газета была весьма критична, правда, в основном к одному из представителей больших властей — Лужкову. Никто никаких серьезных политических капканов не расставлял, Лебедев газету закрыл сам: надоело бессмысленно тратить деньги. Бизнесмен Алишер Усманов купил издательский дом «Коммерсантъ» за 180–200 миллионов долларов. Данные не точны, компания не публичная, рынок непрозрачный, официальных данных нет. Если компания не котируется на рынке, мы про нее ничего не знаем. Но, думаю, что цифры близки к истине. Финский медиахолдинг Sanoma приобрел российский издательский дом Independent Media за сто шестьдесят миллионов евро без всяких препятствий. Если Алишер Усманов, как мне кажется, купил «Коммерсантъ» неожиданно для себя, то финны вполне осмысленно купили одно из лучших в России издательств. Хочу подчеркнуть, что отсутствие ограничений привело к тому, что сегодня из ста десяти крупнейших и самых успешных издательских домов России примерно семьде-

сят процентов аудитории и примерно столько же доходов собирают компании со стопроцентным или со стратегическим участием иностранного капитала. Здесь наш рынок сказочно открыт. Можно только догадываться, почему это произошло, но дело обстоит именно так.

Итак, у нас можно спокойно покупать готовые газеты и творить с ними все, что хочешь. Есть одна, правда, проблема — деградация самого сектора ежедневных газет в первую очередь. К сожалению, сокращается спрос на оперативный комментарий и газетную аналитику. С еженедельными изданиями не все так очевидно, а вот с ежедневными — это вопрос времени, особенно с учетом нынешней обстановки: слишком велики расходы на производство и на дистрибуцию, то есть инфраструктуру, о чем, собственно, и идет речь. Таким образом, свобода слова, покупки, поглощения и продажи в печатных СМИ практически полностью нейтрализуются незначительностью аудитории, экономической бессмысленностью предприятия.

А вот экономически привлекательный рынок электронных СМИ, где производство независимого контента может еще и приносить прибыль, опирается на инфраструктуру, полностью контролируемую государством. То есть оно распоряжается не только предоставлением лицензии, но и владеет всей системой распространения сигнала. Российской телерадиосети (РТРС) принадлежат трансляционные средства по всей стране, включая космическую связь, которая обслуживает передачу спутникового сигнала. С одной стороны, государство вроде бы решает при этом социальную задачу, потому что иначе сигнал не дошел бы до половины территории России, где нет зрителей, интересующих рекламодателей. Государство же, которое доставляет сигнал до последней деревни, выполняет социальную роль. А с другой сто-

роны, держит контроль над системой распространения сигнала, и это очень сильный инструмент влияния. Мы все в этом убедились, когда в 2003 году закрыли канал ТВС. В России есть несколько частных телевизионных вышек. Например, в Самаре, Красноярске, но они, конечно, не меняют реальную картину инфраструктуры. Еще советское правительство завещало нам присматривать за инфраструктурой СМИ. Полиграфические предприятия нельзя было приватизировать до 2003 года просто как стратегические объекты.

Справедливости ради надо сказать, что проблема влияния принадлежащей государству инфраструктуры на медиарынок, проблема влияния на свободу слова возникла даже не в прошлом веке, а еще раньше. «Конкуренция частной типографии, имеющей гораздо больше шрифтов, две скоропечатные машины и свою литографию, положительно убила дело губернской типографии», отмечалось в представлении Томского губернского правления губернатору в 1880 году. «Чтобы частные типографии не мешали губернским работать, губернские правления нередко препятствовали созданию в городе новых типографий и литографий. Так случилось, например, в Томске, где из-за нежелательности конкуренции с губернской типографией купеческому сыну Пьянкову было отказано в пае на организацию литографии». Это я цитирую один из рефератов из Новосибирска (В.Н. Волкова. Гос. публ. н-техн. библ. СО РАН). А вот еще замечательная цитата, чуть более поздняя, 1909 год — из «Вестника печатного дела» — органа Общества владельцев печатных заведений Санкт-Петербурга: «Мы, прежде всего, встречаемся с совершенно ненормальной конкуренцией, которую создают для типографов-промышленников наши казенные типографии, не только монополизирующие извест-

ного рода печатные работы, но и сбивающие цены на типографском рынке вообще. В то время как Австрия, Германия, Северо-Американские Соединенные Штаты и Франция имеют по одной государственной типографии, а в Англии, например, ее нет совершенно, у нас в России в каждом губернском городе есть своя государственная типография. В Петербурге казенных типографий свыше двадцати, а в Москве около десяти. Все эти типографии не только принимают частные заказы, но даже ищут их путем публикаций в газетах». И дальше из этого письма: «Не обязанные амортизировать имущество, платить налоги, словом, нести все расходы, неизбежные для частных предпринимателей, постоянно обеспеченные большим количеством монополизированных работ, русские казенные типографии процветают, в то время когда частные типографии не знают, как сводить концы с концами».

Сегодня, как и сто лет назад, государство не только контролирует всю медийную инфраструктуру, но является, я думаю, крупнейшим собственником на медиарынке. Сто процентов собственности ВГТРК находится у ВГТРК. Может быть, не все представляют себе размер этого ФГУПа. Телеканал «Россия» — принимается практически на всей территории Российской Федерации. Телеканал «Культура» — это спасибо властям, я с удовольствием плачу. Далее «Спорт», «РТР-Планета», информационный канал «Вести-24». На сто процентов принадлежат государству «РИА Новости», телеканал Russia Today, ИТАР ТАСС. Недавно появился телеканал «Звезда» Министерства обороны, питающийся деньгами налогоплательщиков, телекомпания «Мир», доля в телекомпании «Евроньюс», радио «Маяк» — полностью, «Радио России», радиостанция «Вести FM». Во всех регионах работают филиалы ВГТРК, государственное ТВ. Государственному телевидению принадле-

Энрико Прампolini. Похороны романтизма. Трансфигурационная эстетика. 1934

жит контрольный пакет Первого канала. Государство также косвенно влияет на формально частные телекомпании — НТВ, TNT, НТВ+ через материнскую компанию «Газпром-Медиа», у которой мама, как мы знаем, просто «Газпром».

Не будем забывать о непрямом контроле. У того же «Газпром-Медиа» шесть FM радиостанций, включая любимую мной «Эхо Москвы», Радио Попса, Некст, Релакс, СИТИ FM, Детское радио. Государство интересуется не только элек-

тронными СМИ: у него большая доля на рынке печатных СМИ.

Отдельного внимания заслуживает структура доходов печатных СМИ. Вот отчет «Роспечати» за прошлый год. В структуре доходов российских печатных СМИ доходы от продажи экземпляров и подписки больше, чем доходы от рекламы. Все, кто знаком с медиа, поймет, что так грибы не растут, это невозможно. Тем не менее статистика, которой я не могу не верить, я это изучал, говорит именно об этом. Из ста четырех миллиардов рублей доходов 58% — это доходы от розничной продажи и подписки. В нормальной же структуре доходов примерно 70% составляет реклама. Я долго не мог понять, в чем дело, пока не осознал, что учредители большинства региональных газет и 80% муниципальных — органы местной и государственной власти. Они мягко заставляют подписываться на подконтрольные издания и организуют те самые поступления от подписки и продажи. И еще один ресурс. По закону о бюджете в 2008 году «Российская газета», например, получает аж почти три миллиарда рублей, больше ста миллионов долларов государственных дотаций, то есть наших с вами денег. И часть этих денег точно будет потрачена на организацию подписки, на прямую и скрытую рекламу.

Общая сумма дотаций государства в 2008 году составила восемьдесят два миллиарда рублей. Главными потребителями этих денег являются ВГТРК — четырнадцать миллиардов рублей, больше полумиллиарда долларов, и формально частное НТВ вместе с Первым каналом — около двух миллиардов рублей на распространение сигнала. В бюджете Москвы на 2008 год заложено 4,8 миллиарда рублей на текущее содержание городского телевидения и почти семьсот миллионов рублей на городскую периодическую печать. Но я как налогоплательщик не хочу тратить на это деньги! И так делает не только Мо-

сква — бюджетом Республики Татарстан на финансирование СМИ в 2008 году предусмотрено 3,4 миллиарда рублей. Вспомнишь поневоле письмо печатников 1909 года о том, что казенные типографии портят рынок.

Теперь одна очень важная проблема: как распределяется аудитория между государственными и частными каналами? Если позволить себе смелое, на грани бесстрашия предположение, что государство решает свои задачи только на госканалах и никак не вмешивается в работу частных, каковы будут размеры этих двух «огородов»? Так вот, совокупная доля аудитории, по данным опросов за первую неделю октября, государственных или контролируемых государством каналов составила 64,4%. Разумеется, при полной свободе учреждать частное телевидение. В этих обстоятельствах самой реально свободной зоной СМИ остается Интернет: низкие барьеры входа, либеральное регулирование. Но здесь те же инфраструктурные проблемы. Если в Москве проникновение Интернета составляет 60%, то в среднем по России — 20–25%, что говорит об информационном неравенстве регионов.

Наконец, несколько слов о третьем «ките». Есть ли в обществе влиятельные политические силы, участвующие в выборах и заинтересованные в приходе к власти и отражении независимой от властей точки зрения? Если их нет, тогда говорить о независимых СМИ бессмысленно, даже при наличии закона, даже при наличии денег, при свободном доступе к инфраструктуре. Не будет независимой печати, если нет сил, заинтересованных в том, чтобы всплывала всякая неприятная информация о действующих чиновниках. И второй вопрос: а есть ли в самом обществе достаточный запрос на независимую информацию? Входит ли свобода слова в «потребительскую корзину» среднестатистического россиянина? Боюсь, что ответ вы знаете без меня.

Дискуссия

Вячеслав Лукин, координатор Нижегородского правозащитного союза: — В Нижнем Новгороде было «Эхо Москвы», его закрыли с приходом губернатора Шанцева. Потребность у людей есть. Я знаю лично пять тысяч человек, которые готовы вложить свои деньги, чтобы открыть эту радиостанцию. И есть через чего передавать. Как можно это сделать тогда?

Полина Санаева, главный редактор журнала «Бизнес — Успех», Республика Дагестан:

— Я хотела сказать, что у нас не такая ситуация в регионе. У нас есть по крайней мере две газеты, независимые от государства, которые читают все, хотя есть и куча дотируемых государством газет, которые никто не читает. Мне кажется, в каждом регионе есть одна-две газеты, которые выстояли в конкуренции с государственными.

Алексей Коваленко, генеральный директор ООО «ВР-Софт», председатель НП «Автоклуб “Хибины”», Мурманская область:

— У меня, скорее, даже не вопрос, а комментарий. Вы очень правильно сказали насчет сомнительности официальной структуры доходов от рекламы и распространения. Я еще являюсь собственником двух небольших газет у себя в регионе, и мы были вынуждены из-за сложности логистики и дабы увеличить тиражи перейти вообще на бесплатное распространение. Так как по крайней мере, в нашем регионе, получается экономически выгоднее распространять бесплатно газету, даже содержащую контент, не рекламную, нежели пытаться создать систему логистики и продавать через торговую сеть.

Анастасия Степанова, корреспондент ВГТРК «ГТРК Владимир»:

— Я работаю в филиале ВГТРК во Владимире. Прискорбно, но соглашусь с вами, что запрос если и не отсутствует, то он чрезвычайно мал. Вот небольшой пример — митинг памяти Анны Политковской, который ежегодно проводится седьмого октября во многих регионах. В прошлом году во Владимире пришли семь человек, в этом году — двадцать, хотя число журналистов у нас больше трехсот. Мне не дали осветить это событие на моем канале, и никому не дали. Вот такая ситуация...

Илья Лазаренко, председатель Контрольно-счетной палаты г. Смоленска:

— Михаил Львович, я вам благодарен за то, что вы предлагаете посмотреть на проблему совершенно с другой стороны, потому что боль-

шинство людей смотрят на нее скорее как дилетанты. Спасибо, только это я хотел сказать.

Михаил Бергер:

— Спасибо, коллеги, за содержательные вопросы и за комментарии. Занимаясь в последние годы организацией медиабизнеса, я пришел к убеждению, что, только создав сильную и независимую в экономическом смысле компанию, можно обеспечить свободу слова. Другого способа нет. Это касается и проблемы «Эха Москвы» в Нижнем Новгороде. Насколько я знаю радиорынок Нижнего Новгорода, думаю, что Шанцев тут ни при чем.

Нижний — один из самых конкурентных радиорынков, у вас много FM-радиостанций, и на всех рекламных денег не хватает. В Москве выдано сорок восемь лицензий на вещание в FM-диапазоне, вещают тридцать восемь или тридцать девять радиостанций. В Нью-Йорке тридцать пять. При этом средние рекламные расходы на душу населения в России около сорока долларов в год. В Польше — сто, в Чехии — двести, а в США — около четырехсот. В России зарегистрировано тридцать пять тысяч печатных изданий, из них реально выходит семнадцать тысяч. И они, как голуби, кидаются на сто миллиардов рублей бюджета печатной прессы. В США выходят тысяча пятьсот газет, на пятьдесят миллиардов долларов рекламных денег. И там газеты закрываются, и там они уходят в сеть. Притом что я обожаю «Эхо Москвы» и много времени провожу у его микрофона, это в целом не коммерческий формат. Нигде, кроме Москвы, «Эхо» не может заработать денег на свою жизнь. Где-то, может быть, они оправдывают расходы, но зарабатывать деньги, как в Москве, не могут. Если есть пять тысяч человек, я думаю, этого было бы достаточно для существования радиостанции, которая еще немного зарабатывала бы на рекламе. Вы создадите некоммерческое партнерство в какой-то форме — нужно говорить с юристами, здесь много нюансов, как оформлять добровольно взносы. Не думайте, что это будет легко.

Комментарий из Дагестана. Так счастливо сложилось, что я совсем недавно был в Дагестане. Первое, что я всегда делаю, включаю телевизор и просматриваю местную рекламу. Во-первых, за два часа я не увидел ни одного объявления о приеме на работу. Я так понимаю, что работы в Дагестане нет. В любом другом регионе 80% объявлений в бегущей строке — прием на работу. Второе — очень узкий круг рекламодателей, в основном концерты и немножко косметики, продукты ухода за телом и так далее. Я примерно представляю, сколько стоит выпускать ежедневную газету, содержать радиостанцию. То, что я знаю про дагестанский рынок, говорит мне о том, что там нет достаточного количества рекламных денег. Может быть, есть спонсоры, но это к медиарынку не имеет отношения и к свободе слова тоже. Свободной может быть только телекомпания, радиостанция, которая зарабатывает деньги на рынке. Как только у нее появляется держатель, владелец в виде частного лица или компании, это уже решение других задач.

С другой стороны, в Дагестане я обнаружил признаки реальной политической борьбы, хотя мне показалось, что это борьба, скорее, кланов. Там есть реальный плюрализм, не важно, на какой основе, есть оппозиционная газета «Черновик». При этом работают четырнадцать газет, которые дотируются правительством. Я слышал горький рассказ главы дагестанского Союза журналистов, что вот, нет денег, а у нас газета выходит самым большим тиражом на аварском языке. Я спросил его про доходы от рекламы, а он на меня посмотрел как на сумасшедшего. Но жаловался, что нет денег на газеты, сидя в здании Дома печати площадью примерно тысяч семь квадратных метров... Достаточно было бы сдать половину площади, в конце концов, если нужно дотировать эту газету.

Теперь по поводу бесплатного распространения печатных изданий. Вы абсолютно идете в мировом тренде, потому что во всем мире число бесплатных газет увеличивается. Первые бесплатные газеты «Метро» появились в Швеции, потом пришли в Москву, в Питер... Это очень успешная модель, потому что единственный товар, который производят СМИ, это аудитория, которую потом перепродают рекламодателям, политикам, любым заказчикам. Поэтому, если вы способны увеличить эту аудиторию, просто раздавая газету, и докажете рекламодателям, что вашу газету не выкинут сразу, а подержат в руках хотя бы три минуты, то это становится реальным товаром.

Город Владимир и неудача с организацией митингов памяти Политковской. Мы с ней учились на журфаке в МГУ, Аня на курс младше. Помню ее, хотя мы не были близко знакомы. Для всех нас ее убийство — страшная трагедия. Не понимаю ярости местных властей, их усердия в самоцензуре. Но, знаете, уже достижение: было семь человек на митинге, стало двадцать. А в следующий раз, может, будет двести. Почему вас не выпустили в эфир, не понимаю. Это проблема самоцензуры: боятся вещатель, издатель и главный редактор, на всякий случай боятся, и это, конечно, очень большая проблема.

Виктория Евликова, специалист по работе со СМИ компании развития общественных связей «Кросс», Москва:

— Из вашего выступления, и я разделяю ваше мнение, понятно, что серьезная проблема свободы СМИ — это нежелание людей получать, искать, вообще разбираться в информации. Почему же люди не хотят разбираться в той действительности, в которой живут? Как стимулировать их к поиску информации? Второй вопрос касается цинизма журналистского сообщества. Я работаю со средствами массовой информации, жила раньше в Ярославле, теперь — в Москве, и просто поражена, как спокойно здесь берут деньги за любые публикации, это нормально, говорят мне... А как вы считаете?

Павел Харченко, заместитель председателя региональной общественной организации гражданского образования «Диалог», г. Брянск:

— Хотелось бы услышать ваше мнение о кабельных сетях, которые сегодня вполне имеют свою аудиторию. Я держу свой журнал «Соци-

альный вестник» и сайт в Интернете. Мне говорят, да ради бога, мы хоть десять кабельных каналов отдадим, но сможете ли вы их заполнить? Я смог бы заполнить двенадцать часов новостными программами и какими-то другими материалами, но другие двенадцать часов заполнить — это проблема. Можно это сделать, показывая разных звезд-исполнителей, но оказывается, что надо заключать с ними соглашения, то есть найти фирмы, которые их представляют, все это официально оформить. Вот такая проблема.

Николай Сорокин, руководитель Костромской школы публичной политики:

— У нас в регионе есть достаточно крупный частный медиахолдинг, который объединяет шесть газет и две радиостанции. Я спрашиваю его владельца и директора, почему они не заведут телеканалы? Частоты нет? Мне отвечают: да нет, тут продавалась частота, но в Костроме это не рентабельно: частный телеканал в регионе, в провинции окупаться не может. Его может содержать какая-то бизнес-группа ради каких-то политических целей, чтобы усилить свое влияние и так далее. Газеты — бизнес малоприбыльный, а вот радиостанции, по моему мнению, это бизнес очень хороший. Согласны ли вы с этой позицией? Может ли телевидение в провинции, в небольшом городе, как наш, двести семьдесят тысяч населения, быть бизнесом?

Хабиб Магомедов, помощник депутата Государственной думы РФ, Республика Дагестан:

— Какова, на ваш взгляд, роль журналистской этики в журналистской профессии? Вы как управленец, как руководитель медиа-холдинга требуете от своих подчиненных соблюдения этических норм? Насколько совместимы бизнес и журналистская этика?

Роман Хабаров, и.о. начальника отдела участковых уполномоченных милиции УВД по Левобережному району городского округа, г. Воронеж:

— Я обнаружил среди руководимых вами средств массовой информации «Милицейскую волну». Кто покупатель «милицейской волны»?

Михаил Бергер:

— Если позволите, я начну с «милицейского» вопроса. В нашем холдинге четыре FM-радиостанции. Должен сказать, что один из самых рентабельных бизнесов в медиа — это радио. Нет времени объяснять, почему, просто примите это на веру. Аудитория «Милицейской волны» — это в принципе люди среднего возраста, это примерно аудитория радиостанции Ретро FM — люди, выросшие в конце восьмидесятых — начале девяностых, экономически активные, не добившиеся больших высот, но крепко стоящие на ногах. У радиостанции неплохие коммерческие позиции, мы чуть больше года работаем с «Милицейской волной» как партнеры, и у нас здесь большое свое программирование. Мы считаем, что это хороший, удобный альянс.

Теперь важный вопрос: хотят ли люди свободы слова? Есть ли в обществе такой запрос? Для меня драматический вопрос, трагичный. У меня есть ощущение, что запрос этот недостаточен. У наших сограждан так складывается история. Может быть, еще какое-то время нужно, чтобы ситуация переменялась. Сейчас у народа другие ценности: пенсия, зарплата вовремя, жилье, электричество, плохое, но гарантированное медицинское обслуживание, плохое, но гарантированное образование и прочее. А свобода слова — это как десерт. Есть борщ и мясо с картошкой, ну и ладно. А пирожное есть — хорошо, нет — обойдемся. Нет этой физиологической потребности. Пока нет.

Деньги берут — слушайте, страшная проблема. Думаю, что я одним из первых с ней столкнулся, когда руководил блоком экономических отделов в «Известиях» как раз во второй половине восьмидесятых — начале девяностых, когда только частный бизнес возникал. Испытывали и я, и мои сотрудники страшное давление. Из банков, ресторанов люди разные приносили деньги: ребята, вы же правду о нас расскажете, да еще и деньги получите. Вот как хорошо: долг исполняешь, еще за это и приплачивают. Я старомоден в этом смысле и считаю, что брать деньги иначе, чем у кассира, на работе нельзя. Нельзя брать деньги у источника информации. Это смертный грех. И я в этом убеждал своих сотрудников, тратил очень много времени как редактор на то, чтобы ловить за это. Пойманные увольнялись немедленно, без всякого предварительного следствия — если я был точно уверен, что человек взял, то он больше не работал. Я всегда привлекал на свою сторону коллег, объясняя им, что человек, который взял деньги за статью, украл деньги у вас. Потому что вместо заказа рекламы кто-то отдал деньги кон-

кретному Пете, Саше, и он вас всех обокрал. И я находил поддержку у всех. Конечно, и сейчас есть люди, которые таким образом зарабатывают. Это беда и разрушение доверия к СМИ, к журналистам.

О кабельных сетях. За ними будущее, но пока, хочу вас огорчить, общая доля аудитории, связанной с платными сетями, — 8–9% по стране. У нас есть кабельный бизнес, есть двадцать пять тысяч абонентов, поэтому я знаю, что это такое — бизнес очень интересный. Но есть и проблема контента. Тот, кто производит содержание, тот и будет на коне. Что же касается авторских прав, то вы обязаны платить за интеллектуальную собственность. Только не надо искать кого-то лично — есть РАО, есть ассоциированные представители исполнителей. Неприятно, но надо платить. Все-таки люди должны получать за свои труды.

Делать телевидение в Костроме невыгодно. Допустим, в регионе есть частота, которой владеет местный коммерсант. Он предоставляет эту частоту любому сетевому каналу — РенТВ, ТНТ, СТС, неважно, с кем договорился. Формируются региональные окна для новостей, для шоу и так далее. В такой конструкции можно делать прибыльное телевидение. Но вот стопроцентно собственное программирование в не миллионном городе не реально. Нет таких денег на местном рекламном рынке, чтобы поддерживать круглосуточное вещание. Мы в Липецке производим три с половиной часа телепродукта ежедневно. Это довольно много, но мы много зарабатываем. У нас три телекомпании, сейчас прибыльный бизнес, который поначалу был убыточный. Но это эффект медиахолдинга, это отдельный профессиональный разговор. Поэтому с правильным партнером, если это ТНТ или СТС, можно победить даже на рынке города в триста тысяч населения.

Наконец, журналистская этика, ее роль. Знаете, я чувствителен к вопросам этики, просто по-человечески. Здесь много зависит от воспитания. Я считаю, что тут не хватает некоторой религиозности. Не важно, какая конфессия, важно, чтобы у людей были базовые ценности. Если они есть — грешно врать, грешно воровать. Более того, я иногда, не то, что иногда, читаю лекции журналистам — студентам, и иногда, когда тема попадает в настроение, я цитирую библейские заповеди, одна из которых — «не укради». В широком толковании воровство понималось не только как воровство предметов. Есть такое понятие, и было три тысячи лет тому назад — воровство понимания. И это воровство считалось одним из самых страшных грехов. Оно толковалось как попытка представить вещи лучше или хуже, чем они есть. Это как раз то, чем занимаются пиарщики. Конечно, каждый человек создает свой собственный моральный кодекс, свою систему ограничений и разрешений. Это зависит от многих факторов: и от воспитания, и от атмосферы в коллективе. Если собралась группа рвачей, которые продают все налево и направо, там человек, который не берет деньги, просто будет вытеснен, выжат. Если атмосфера иная, тогда трудно туда «занести» деньги. Но жизнь, конечно, сложнее, чем эти простые схемы...

Свободные мысли

(Из выступлений на семинаре экспертов Школы)

Елена Немировская, основатель и директор Московской школы политических исследований

Журналисты первыми записывают историю.

Оппозиция — не враг, это просто другое мнение.

Начальство уйдет, когда появится общество.

Людмила Алексеева, президент Московской Хельсинкской группы

У каждого свой порог неприятия лжи.

Не каждый адвокат — это обязательно защитник.

Революцию устраивают не голодные люди, а сытые, которых вовремя не накормили.

Бедность — главная причина, порождающая апатию.

В России материальный достаток стоит впереди гражданских прав.

Гражданин — человек, который не надеется на барина, а надеется только на себя.

Голодные не ходят на концерты, но они не ходят и на митинги.

Ирина Ясина, руководитель Клуба региональной журналистики, вице-президент фонда «Либеральная миссия»

Встаньте перед зеркалом и скажите: я все могу, от меня все зависит.

Только сильный может быть милосердным.

Вниз осталось очень мало ступенек, и нам уже некуда спускаться.

Любой путь начинается с развилки.

Есть вещи, которые нам еще не под силу, есть вещи, которые нам уже не под силу, но мы должны пробовать.

Квентин Пил, редактор международного отдела «Файненшл Таймс»

Журналист — это заинтересованный турист.

Максим Трудолюбов, редактор отдела комментариев газеты «Ведомости»

*Нет у государства интересов — интересы есть у общества.
Так работает система, у которой нет независимых альтернатив.
Современная система представляет угрозу для самой себя.*

Коффи Шелби, старший научный сотрудник НКО «Форум свободы», попечитель Музея новостей (Вашингтон), президент отдела деловых новостей Си-эн-эн (1999–2001)

*СМИ — не спящий охранник.
Если у вас трудности — не теряйте веру.
Пресса — механизм системы сдержек и противовесов.
Идеал прессы — сторожевой пес. Но сейчас пресса в США выполняет роль бойцовского пса.
Россия — это великая страна, и в Школе вы говорите о великих вещах.
Россия дала мне очень много, и я верю, что у России великое будущее.
Правда выйдет на поверхность не потому, что люди любят правду, а потому что любят выводить на чистую воду лжецов.*

Артем Марченков, медиа-активист блог-портала «Движение»

Блоггер — коммуникативный капиталист.

Александр Архангельский, основатель и ведущий ТВ-программы «Тем временем», журналист, писатель

*Каждый журналист — услуга, но услуга не власти, а общества.
Общество — главный владелец свободы слова.
Общество не может развиваться, если нет связи между активным меньшинством и пассивным большинством.
Судьба российской империи: стоит, стоит российская империя, потом три дня — и нету, стоит, стоит советское государство, потом три дня — и нету...
У нас нет не свободы слова, у нас нет конкуренции информационного потока.
Это не корпоративная солидарность, а корпоративная трусость.
Четвертой властью можно быть, только если ты не участвуешь в первых трех.
Свобода слова — это потребность, которая воспитывается.*

Записала *Виктория Евликова*

Президент России Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г. обозначил работу по развитию местного самоуправления в качестве одной из приоритетных задач государства — «местное самоуправление должно открывать гражданам возможность самостоятельно решать свои локальные проблемы без указаний и распоряжений сверху». Учитывая стратегическую и тактическую актуальность темы, Институт современного развития выбрал проблематику местного самоуправления в качестве одного из первых своих проектов. В 16 субъектах РФ в июне-декабре 2008 г. институтом были проведены социологические исследования, включавшие 145 фокус-групп с населением, представителями малого и среднего бизнеса, неправительственных организаций, средств массовой информации, экспертных групп с теми, кого принято называть «муниципальным сообществом» — главами муниципальных образований, депутатами их представительных органов, руководством местных администраций. Параллельно был проведен стандартизированный анкетный опрос участников экспертных групп — представителей муниципального сообщества. Ниже публикуются основные выводы и предложения из Сводного доклада по результатам проведенных исследований, опубликованного небольшим тиражом под редакцией председателя правления Института современного развития проф. Игоря Юргенса.

Российское местное самоуправление: нынешнее состояние и пути развития

Полевыми исследованиями на территории 16 регионов России позволяют взглянуть на современное российское самоуправление с точки зрения его основных субъектов: населения и людей, осуществляющих муниципальное управление на выборной или профессиональной основе. При этом обнаруживаются и основные проблемы муниципального развития, и специфика отдельных территорий, и разброс мнений относительно возможных направлений совершенствования системы местного самоуправления в Российской Федерации.

Активность граждан и проблема субъекта в муниципальной системе

Важнейшей институциональной проблемой формирования местного самоуправления в современной России является то, что оно пока так и не обрело

в полной мере своего потенциально главного субъекта, ключевого игрока — сообщество граждан, проживающих на конкретной территории. Дефицит активности снизу единодушно признают как сами граждане, так и работники муниципальных органов.

Готовность к участию в местном самоуправлении отдельных категорий населения, представителей малого и среднего бизнеса, некоммерческих организаций, средств массовой информации, несколько выше. Однако и они на практике ограничиваются участием в самых простых его формах, например в муниципальных выборах, а порой сознательно отказываются и от подобной минимальной активности, не видя в ней смысла.

В качестве причин пассивности жителей называются ментальные факторы — сохранение стереотипов сознания советского времени, выражающихся в ориентации на поддержку центральной власти, иждивенческих настроениях; деидеологизация и отсутствие интереса к политике у молодежи.

Вместе с тем участники фокус-групп отмечают потенциально высокую значимость института местного самоуправления, но считают, что его реальное место в механизмах принятия решений не создает действенных стимулов для повышения активности населения. Ментальным сдержкам может и должен быть противопоставлен прагматический интерес к участию в управлении местом своего проживания. В отсутствие же у местного самоуправления реальных ресурсов жители демонстрируют ограниченный личный интерес к участию в нем.

Результаты исследования позволяют говорить о двух важнейших закономерностях:

- 1) чем ближе местное самоуправление к людям, чем ниже территориальный масштаб его осуществления, тем более заинтересованы в нем граждане;
- 2) чем выше ресурсная база местного самоуправления, его возможность влиять на происходящие в городе или селе процессы, а также — чем выше информированность жителей, тем большую муниципальную активность проявляет население.

При этом как главы муниципальных образований, так и часть самих жителей настаивают на активной роли государства в привлечении людей к непосредственному осуществлению местного самоуправления. Эксперты отмечают, что самоуправление будет иметь ресурс деятельной поддержки жителей, если они будут видеть ощутимые результаты своей активности.

Муниципальное сообщество как движущая сила местного управления

В отсутствие низовой активности основной, а порой едва ли не единственной группой людей, ответственной за состояние дел на местах, становятся руководители муниципальных образова-

ний: прежде всего их главы, отчасти — муниципальные служащие и местный депутатский корпус. Исследование показывает, что именно на них легла реальная работа по решению практически всех вопросов жизнеобеспечения местного населения. Этот факт фиксируется как самим муниципальным сообществом, которое осознает свою ответственность, так и жителями, которые приписывают муниципальным властям даже решение государственных задач на местах (социальная защита, содействие занятости).

Опрос представителей муниципального сообщества показывает, что по своим социально-демографическим характеристикам, образованию, ценностным ориентациям составляющие его граждане образуют достаточно цельный портрет субэлитной группировки с отчетливыми идейно-политическими взглядами. Они имеют высокий уровень образования, больше, чем население в целом, склонны поддерживать демократию и рыночную экономику, а также склонны ценить гражданские свободы и воспринимать принципы права. Следовательно, существуют предпосылки для того, чтобы российский муниципальный класс стал серьезным актором развития территорий. Однако для этого необходимо как создание системы организационных условий и стимулов работы органов местного самоуправления, так и расширение их ресурсной базы.

Результаты муниципальной реформы: общая оценка перемен

В оценке российской реформы местного самоуправления 2003—2008 годов, связанной с введением в действие Федерального закона №131-ФЗ, наблюдаются принципиальные различия между муниципальным сообществом и населением в целом. Если муниципа-

лы рассматривают ее как новый этап в развитии системы публичной власти в России, то большая часть населения про нее просто не слышала (за исключением наиболее включенных в муниципальную систему людей — бюджетников, предпринимателей, журналистов).

Большинство информированных о реформе признают, что произошедшие изменения (прежде всего, появление нового, поселенческого уровня публичной власти за пределами больших городов) носят необратимый характер. Базовые результаты реформы приняты основными игроками — главами поселений, муниципальных районов, городских округов, муниципальными служащими, региональными властями — и рассматриваются как потенциал для дальнейшего развития.

Однако общие результаты реформы пока оцениваются неоднозначно. При общей позитивной оценке замысла реформы, под которым понимается приближение власти к населению, упорядочение системы публичной власти, более четкое разграничение компетенций между ее уровнями, к практической реализации реформы накопилась масса вопросов и критических замечаний.

Отмечаются недостаточность финансовых средств для эффективной работы муниципалитетов; попытки государства переложить ответственность на муниципальные органы; стремление государственных органов к чрезмерной унификации их работы и администрированию; непоследовательность во внедрении и коррекции законодательных рамок и управленческих схем, касающихся работы органов местного самоуправления.

Вместе с тем и население, и муниципалы говорят о точечном появлении позитивных практик. Помимо повы-

шения ответственности власти каждого уровня за зону своей компетенции, отмечается и некоторый рост эффективности в решении отдельных вопросов местного значения (чаще все-

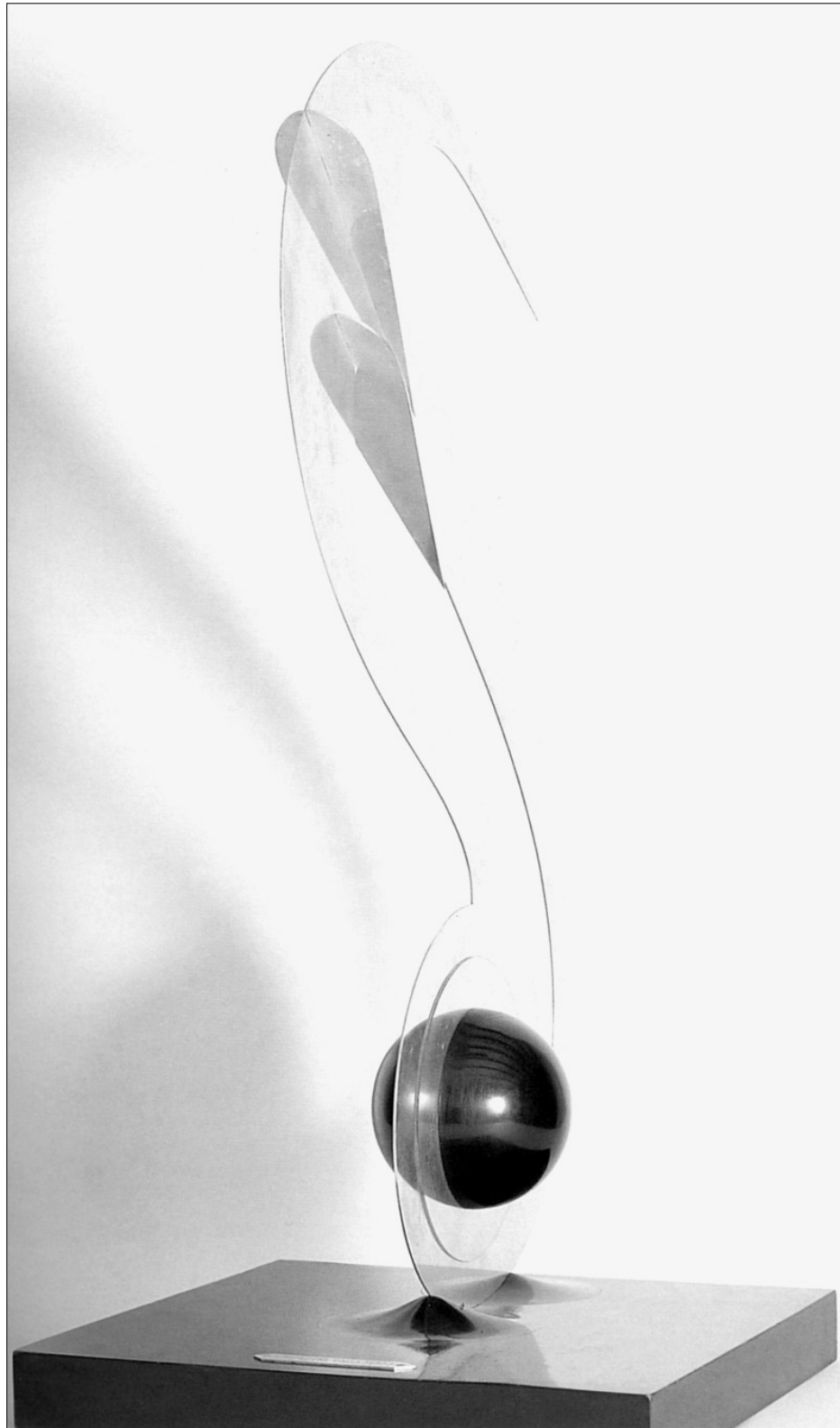
Существуют предпосылки для того, чтобы российский муниципальный класс стал серьезным актором развития территорий

го назывались вопросы благоустройства), и значительное сокращение сферы так называемых нефинансируемых мандатов.

Территориальная организация местного самоуправления: нынешние противоречия и перспективы

Сложившееся после муниципальной реформы территориальное устройство местного самоуправления муниципальным сообществом воспринимается чаще как проблемное (жители этих проблем, как правило, не замечают). По мнению большинства его представителей, положенные в основу муниципально-территориального деления географические критерии (пешеходная, транспортная доступность, текущие и перспективные границы населенных пунктов) должны были быть дополнены экономическими (наличие достаточных финансов и имущества) и организационными (работоспособность системы управления).

Существующие географические критерии, по мнению респондентов, не всегда реалистичны в принципе, а на практике — не всегда и соблюдаются. Несмотря на, казалось бы, жесткие федеральные стандарты даже северные муниципальные районы Томской области или Карелии вполне сопоставимы по размеру с территориями среднестатистического субъекта Федерации и

Тайат (Эрнесто Микагеллес). Освобождение от земли. 1931

Центральной России — 15–30 тыс. кв. км., а северные районы Красноярского края или Якутии многократно превышают их.

Нынешняя фактическая эластичность принципов формирования территорий муниципальных образований признается полезной; предлагается законодательное расширение прав субъектов Федерации при регулировании территориальной организации местного самоуправления. При этом от сохранившегося инерционно (часто с советских времен) муниципально-территориального устройства многие эксперты предлагают идти к последовательному его совершенствованию.

Самоуправление в городах и сельской местности: потребность в дифференцированном подходе

Исследование показывает очевидную специфику самоуправления в городах и на селе. Жители сельской местности, несмотря на более консервативный менталитет, готовы к более активному участию в местном самоуправлении, понимая под ним прежде всего близкий и доступный поселенческий уровень. Однако ресурсная слабость поселений сдерживает подобную активность. Как население, так и муниципальное сообщество склонно воспринимать муниципальные органы района скорее в качестве исполнительного инструмента региональных властей, который перестал быть автономным и завязанным на жизнеобеспечение местного населения. Однако это воспринимается обычно как данность, а не аномалия. При этом сами главы районов ориентированы на вертикаль власти гораздо больше, чем руководители городских округов.

В городских округах муниципалы больше ориентированы на самостоятельность; население же отмечает организа-

ционные проблемы, связанные с правом местного сообщества самому решать вопросы управления жизнью в муниципалитете. Таким образом, очевиден определенный консенсус в признании необходимости усиления государственной поддержки сельской местности (в сочетании с низовым самоуправлением там) и расширения возможностей городов самостоятельно регулировать свою жизнедеятельность и ресурсы.

Вопросы местного значения и жизнеобеспечение местных сообществ

Подходы к тому, какие вопросы должны решаться муниципалитетами у населения и муниципалов практически совпадают. В целом соглашаясь с их законодательно установленным списком, респонденты часто поддерживают идею включения в него всех вопросов жизнеобеспечения граждан (в том числе социальной защиты, охраны правопорядка) и исключения из данного перечня вопросов безопасности, которые они считают сугубо государственными. В качестве по сути государственных сфер часть муниципального сообщества воспринимает также образование и здравоохранение, однако сами жители не склонны высказывать подобную позицию.

Органы местного самоуправления: оценка формирования и работы

Как население, так и муниципальные управленцы воспринимают положительно идею подотчетности муниципальных органов населению. Большинство из них высказывается за выборные механизмы формирования органов местного самоуправления гражданами (включая и выборы глав). Части глав поселений импонирует модель форми-

рования представительного органа района из числа делегатов поселений, однако отмечается, что она может использоваться для ослабления городов-доноров внутри района. Модель ситименеджера находит как сторонников (прежде всего в регионах с либеральной политической культурой), так и противников, причем перевес на стороне скептиков. Оценивая работу органов местного самоуправления, население склонно акцентировать внимание на личных качествах руководителей, а сами муниципалы — обозначать имеющиеся организационные и финансовые проблемы (дефицит кадров, слабая материальная база).

Проблема ресурсов: экономическая база местного самоуправления

Дефицит экономических ресурсов (прежде всего, финансовых) у муниципальных образований не только единодушно отмечается местными управленцами, но и не остается незамеченным для населения. Критические замечания вызывает дотационность абсолютного большинства муниципалитетов, минимальный размер поступлений от местных налогов (на землю и имущество физлиц), повсеместная финансовая зависимость самоуправления от региональной власти. Такое положение не только снижает качество муниципальных услуг, но и лишает муниципалов мотивации к экономическому развитию территории.

В целях исправления ситуации эксперты чаще всего предлагают закрепить за муниципальными образованияами дополнительные доходные источники (транспортный налог, дополнительные отчисления от НДФЛ, часть налога на прибыль и природоресурсных платежей), обеспечить большую фискальную автономию муниципалитетов и финансирование в пол-

ном объеме переданных государственных полномочий, освободить бюджетные учреждения от поимущественных налогов, а муниципальные органы — от государственной пошлины. Также предлагается расширить возможности муниципалитетов по управлению муниципальным имуществом и землей, скорректировать законодательство о муниципальном заказе.

Государственный контроль — проблемы и пределы

Одной из ключевых проблем местного самоуправления, по мнению муниципального сообщества, является гипертрофированный государственный контроль. В большинстве регионов отмечают, что ответы на запросы информации государственными органами отнимают львиную долю времени, еще больше трудностей вызывают бесконечные проверки муниципалитетов. Выход некоторые участники экспертных групп видят в том, чтобы основания для проверок органов местного самоуправления были бы соответствующим образом закреплены законодательно, в том, чтобы была определена оптимальная периодичность проведения этих проверок, а также в том, чтобы был создан единый проверяющий орган, который бы был наделен функциями контроля над муниципальными образованиями.

* * *

Большинство респондентов считают, что местное самоуправление способно стимулировать инновационное развитие территории, создание новых рабочих мест, открытие новых производств, может оно повлиять и на изменение культурной среды. Однако все это требует его организационного и финансового укрепления, просветительской работы с населением, формирования его позитивного имиджа в СМИ.

Россия: пространство депопуляции

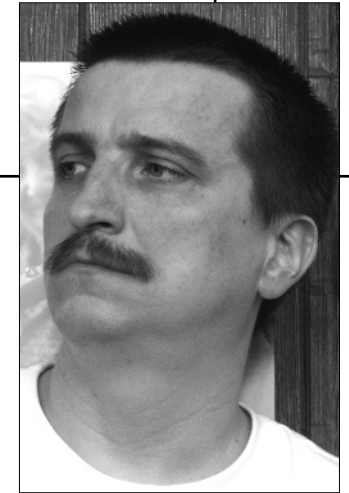
Обширные пространства России оказываются одним из ключевых факторов нашей политики и экономики. Как пишет российский исследователь Л. Смирнягин, «мы являемся свидетелями коренной трансформации общественного пространства России, территориальной структуры российского общества. Все с большим и большим ускорением в стране разворачиваются сдвиги цивилизационного масштаба» (<http://www.polit.ru/research/2007/01/08/smirnyagin.html>). Важнейшей особенностью этих сдвигов стало стремительное сокращение существующей сети поселений.

«Мерзость запустения»

К сожалению, объективные статистические данные о масштабах и характере этих изменений практически отсутствуют. Так получается, что жизнь нашей муниципальной глубинки представляет собой загадочное явление, о котором мало что известно. Тем не менее множество свидетельств говорит о том, что в России разворачивается совершенно небывалый процесс, меняющий страну невиданным образом. Его можно назвать кризисом пространственной организации, выражающемся в стремительном пространственном сжатии и опустошении некогда огромных обитаемых территорий.

На большей части сельской территории страны, за исключением Черноземья, людей становится все меньше. Молодежь покидает деревни, села и малые города. Остающееся население стремительно стареет. Уже сегодня в целом ряде сельских районов «самое молодое» поколение — 40–45-летние люди. Они остались, чтобы доживать свой век, понимая, что следующего поколения на их земле, скорее всего, не будет. Их дети уже уехали навсегда.

В ряде регионов Нечерноземья (например, в Кировской области) ежегодно исчезают порядка 200–300 населенных пунктов. В Псковской области из 8 тысяч сел, внесенных в список населенных мест, более 3 тысяч являются необитаемыми или сезонно обитаемыми. В Архангельской области из 3965 сельских населенных пунктов исчезли более 1200, и примерно

*Глеб Тюрин,
директор Института
общественных
и гуманитарных инициатив
(Архангельск)*

столько же находится на грани исчезновения. В ряде районов убыль населения за минувшее десятилетие превысила 30 процентов. В Хабаровском крае в 2007 году значились 426 сельских населенных пунктов, и из них примерно 200 можно отнести к категории исчезающих — численность жителей здесь упала ниже 100 человек. Уменьшение численности населения в этом субъекте Федерации составляет примерно 6–7 тысяч человек в год, причем край остается самым благополучным среди дальневосточных регионов: в Приморском крае убыль населения составляет 25 тысяч человек в год.

Разумеется, тенденции депопуляции противостоит встречная тенденция — новая городская (или дачная) «колонизация». Горожане осваивают сельские пространства вокруг больших городов, вдоль магистралей, покупая дома для своего сезонного пребывания. При этом выстраиваются новые социальные структуры: крестьянский уклад этих поселений постепенно уходит в прошлое. Наблюдается и экономическая экспансия — в ряде сельских районов даже появляются новые сельхозпредприятия и фермерские хозяйства. И все же этот процесс не перекрывает потери населения.

По словам В. Глазыхева, «если между двумя переписями в России исчезла одна деревня из трех, то в течение ближайших десяти лет... исчезнет один малый город из трех. На них просто не достанет людей». Е. Гонтмахер пишет по тому же поводу: «Нам надо научиться жить на большой территории со сжимающимся населением». Но чтобы этому научиться, надо понять, как это делать.

Шагреновая кожа местной цивилизации

К настоящему моменту страна разделилась на две части:

— *Территории роста*, которые могут развиваться и которые начали развиваться. Это примерно 15–20 экономических зон, в которых производят продукты, конкурентоспособные не только на российском, но и на международном рынке. Это в основном крупные города, точнее, крупные промышленные агломерации, хотя на юге и в черноземной части России сегодня есть и довольно обширные сельские территории, которые обладают достаточно высокой конкурентоспособностью. Одновременно имеется некоторое количество локальных зон, в которых также возможно успешное производство, в том числе и сельскохозяйственное. В результате реализации национальных проектов количество таких локальных зон должно вырасти; на них позитивно скажется мировой продовольственный кризис и растущий спрос на продовольствие.

— И все же в основном российская глубинка — это *стагнирующие территории*. Это части страны, либо лишенные материальных и человеческих ресурсов, либо используемые крайне неэффективно в силу разных причин. По существу, к этой категории можно отнести большую часть пространств России, где затраты на единицу произведенных товаров и услуг намного выше, чем в благоприятных зонах. Это огромная нагрузка, которая для целых районов, и тем более поселений, оказывается просто непосильной. Причем она тяжелым бременем ложится не только на их бюджеты, но и на бюджеты вышестоящих уровней — региональные и

федеральные. Поэтому бюджеты огромного числа российских муниципальных образований сегодня дотируются на 80–90 процентов.

Такая схема их жизнеобеспечения становится неподъемной. Она не решала всех проблем и раньше, во времена высоких цен на нефть и огромных доходов федерального бюджета. Уже тогда не хватало средств

для поддержки жизни депрессивных территорий. Ведь еще во времена неслыханного нефтяного изобилия в ходе парламентских слушаний в Государственной думе

И. Шувалов (тогда совет-

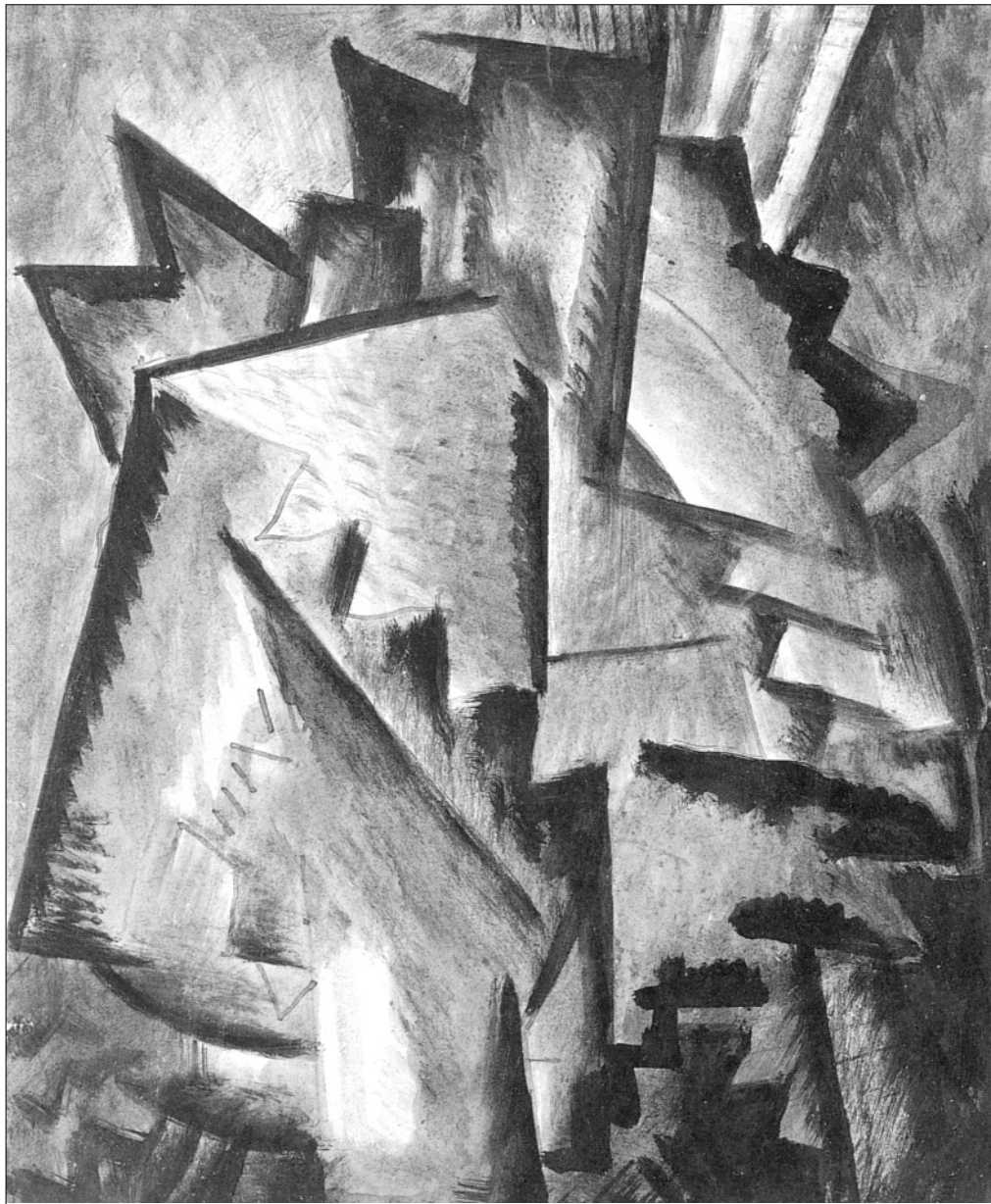
ник В. Путина) высказался вполне определенно: «Денег не будет хватать ни регионам, ни муниципалитетам, ни Федерации. Это данность» (*Муниципальная власть*, 2005, № 4).

В результате огромному числу муниципалитетов приходится просто отказываться от программ и услуг, в том числе и жизненно важных. Например, в отдаленных от центров поселениях закрываются производства (если они вообще остались), магазины, школы, фельдшерско-акушерские пункты, прочие учреждения социальной инфраструктуры. У муниципалитетов зачастую просто нет выхода: они вынуждены следовать нормативам, получаемым «сверху». Но решение о закрытии школы или пункта медпомощи, как заметил лидер Всероссийского совета муниципальных образований В. Гальченко, — это, по сути, решение о ликвидации населенного пункта, потому что жить в нем никто, кроме пенсионеров, не станет. Исчезновение такого поселения просто будет чуть отсрочено. Таким образом, местное цивилизованное пространство страны оказывается шагреновой кожей, быстро и безвозвратно сжимающейся.

Экономика нашей стагнирующей глубинки представляет собой сочетание нескольких особенностей, стоящих на пути преодоления бедности. Основные финансовые потоки здесь имеют, как было сказано, бюджетное происхождение: кроме бюджетных дотаций самому муниципалитету в этом же ряду оказываются зарплаты работникам бюджетной сферы, пенсии, пособия. Многие товары, потребляемые в таком муниципальном образовании (включая одежду, продукты питания, топливо и многое другое), также приходят извне, поскольку собственного их производства практически нет. В итоге внутри территории происходит «встреча» пришедших извне денег и товаров, после которой товары потребляются, а деньги «покидают» территорию.

Местные ресурсы, даже если они есть, в том числе природные, остаются по большей части не используемыми. Не задействованы и люди: они оказываются пассивной стороной, по отношению к которой кто-то совершает некие экономические действия. Почти отсутствуют транзакции, инициируемые самими жителями муниципалитета и позволяющие им в обмен на произведенные ими товары или услуги получать деньги, которые оставались бы в местной экономике, развивая ее, а не отчислялись бы в федеральный бюджет, а затем возвращались в виде

*Чем меньше населения проживает
на территории, тем сложнее и дороже
обходится поддержание его
жизнедеятельности*

Михаил Соколов. Город. Ночь. Из серии «Города». 1916–1918

дотаций. Такой экономический конструкт соседствует с натуральным или полунатуральным хозяйством, которое становится для людей основным источником внутреннего потребления. И в том и в другом случае территория почти не создает добавленной стоимости, не генерирует богатства. Лишь у отдельных представителей бедствующих социумов есть возможность зарабатывать; у большинства же вообще нет никаких шансов выбиться из бедности.

Нередко муниципалитеты имеют на своей территории некие ресурсы (например, лес, местное минеральное сырье, рекреационный потенциал и т.д.), которые могли бы обеспечивать нормальные условия жизни людей или, по крайней мере, существ-

венно снизить зависимость территории от дотаций, если бы не отсутствие транспортной, энергетической инфраструктуры, стартового капитала и прочих условий. Результат — деловая и социальная апатия, полное исчезновение субъекта действия, консервация статус-кво. Для большинства местных обитателей, включая и представителей власти, гораздо привычнее ждать помощи «сверху».

Смена парадигмы

Создать на большой территории человеческие условия жизни сокращающемуся населению, чтобы сохранить хотя бы его, значит понять, что в рамках только административного подхода и с опорой исключительно на бюджетные возможности решение проблемы российской глубинки обречено. Нужны иные, неадминистративные, решения. Между тем экономический разрыв между территориями становится все более глубоким. Так, в 2000 году максимальный среди регионов объем промышленного производства, приходящийся на душу населения, был больше минимального в 64 раза, а в 2005 году — уже в 281 раз! Далее, отношение максимального и минимального показателей приходящихся на душу населения налогов и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2000 году составляло более 50 раз, в 2005 году — уже 194 раза.

Пытаясь сократить вопиющие разрывы в развитии и помочь неблагополучным территориям, государство в последние годы активно обращалось к межбюджетному выравниванию, иначе говоря, изымало «излишки» у богатых и отдавало их бедным муниципалитетам. Но подобное решение чревато неприятностями, поскольку у благополучных и преуспевающих исчезают стимулы к собственной активности. И, самое существенное, это почти никак не отражается на главных негативных процессах, происходящих в глубинке, в первую очередь на депопуляции стагнирующих провинциальных территорий.

Обезлюдение пространства страны — угроза ее существованию: России просто не будет, если все ее население соберется в десяти — пятнадцати мегаполисах и нескольких благополучных регионах.

Причем, если не создать новых механизмов управления территориями, риски и затраты будут только возрастать: чем меньше населения проживает на территории, тем сложнее и дороже обходится поддержание его жизнедеятельности. Для значительного числа наших сельских территорий уже в ближайшие десять лет вполне вероятен сценарий полного запустения, а контролировать полностью незаселенные территории государство просто не сможет.

Стоит задуматься о способах сохранения существующей сети поселений, пересмотреть господствующую в настоящее время централизованную парадигму управления и развития территорий, предоставить существенно большую самостоятельность местным сообществам в решении проблем развития своих территорий: не отбирать у них доходы, строить транспортную сеть за государственный счет, создавать энергосети, давать льготы местным сообществам для открытия бизнеса.

Интерес к принципу субсидиарности в сегодняшней России носит не академический, а жизненно-практический характер. В 2009 году вступил в действие в полном объеме федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Идет процесс разграничения полномочий между уровнями публичной власти в стране, за ними закрепляются права по распоряжению общественными ресурсами и ответственность за качественное предоставление услуг населению. Процесс идет сложно, через столкновение различных экономических и политических интересов. Противоборствующим сторонам нужны аргументы, нужен язык для выражения своих позиций. Особую роль идейные споры приобретают, когда мы имеем дело с явлением, неукорененным в нашей действительности. Принцип субсидиарности пришел к нам из «другой жизни». Перевести его «на российский язык» — и в теории, и на практике — задача непростая. Но таков удел всех реформаторских начинаний. А организация местного самоуправления в России — это большая политическая и социальная реформа.

В. Панкращенко,
исполнительный директор Общероссийского конгресса муниципальных образований

Сергей Большаков,
доктор политических наук,
профессор
(Санкт-Петербург)

Субсидиарность в современной социальной и политической интерпретации

В настоящий момент в отечественной и западной политической науке продолжаются дебаты о рациональных и ценностных основаниях принципа субсидиарности (системы разрешения проблем на возможно более низком уровне), о векторе его развития в практической плоскости. Поэтому имеет смысл обратиться к истории этого понятия (от лат. *subsidiarius* — резервный, вспомогательный).

По мнению немецкого политолога Д. Дитриха, идейные начала принципа субсидиарности прослеживаются уже в трудах Аристотеля¹. Продолжая традицию, начатую Платоном, Аристотель размышлял о том, что такое справедливое государство и какой общественный строй является наилучшим. При этом предпосылкой субсидиарности, согласно Дитриху, является также обращение древнегреческого мыслителя к отдельному человеку, осознающему ответственность за свои действия как перед самим собой, так и перед обществом в целом. Аристотель критиковал Платона за то, что тот «приписывает слишком много единства государству и превращает его в индивид»². Главным в полисе Аристотель считал гражданина — «существо политическое», участвующее в суде, управлении и выработке законов, основанных на справедливости и преследующих цель создания общего блага.

Затем идея субсидиарности, по мнению Д. Дитриха, а вслед за ним А. Фоллесдэля, свое дальнейшее развитие получила в работах Фомы Аквинского (1225–1274). Взгляды известного идеолога Средних веков, с точки зрения становления принципа субсидиарности, представляют интерес в плане адаптации общественно-политических взглядов Аристотеля к догмам католической церкви. В работе «О правлении властителей» Фома Аквинский развивает концепцию Аристотеля о человеке как «политическом животном», называя его «животным социальным и политическим», для которого наиболее естественной является жизнь в обществе.

Однако идейным вдохновителем современной концепции субсидиарности считается Иоганн Альтузий (1557–1638), который переосмыслил основные принципы учения Аристотеля и Фомы Аквинского и разработал на их основе собственную концепцию субсидиарно структурированного сообщества. «История современной демократии, — пишет по этому поводу американский политолог Д. Элазар, — берет свои истоки в протестантской Реформации XVI века и в первую очередь прослеживается у тех представителей протестантизма, которые развивали теологические и политические взгляды, вернувшие западный мир на путь народного самоуправления, свободы и равноправия»³.

Отдельные исследователи полагают, что модель государства Альтузия представляла собой попытку соединить «демократический дух греческого полиса со стратегической стабильностью Римской империи»⁴. Иные склоняются к тому, что таким образом Альтузию удалось «обеспечить автономность социоэкономического и культурно-религиозного многообразия мелких сообществ в новом территориальном контексте современной экономики и торговли»⁵. Тем не менее важность работы Альтузия, стремившегося найти баланс в распределе-

нии полномочий между автономными сообществами, составляющими, по его выражению, консоциацию, и универсальными требованиями консоциации, оценивается положительно приверженцами обеих позиций.

Консоциация⁶ — главное понятие в теории политики Альтузия. В XX веке оно прочно вошло в лексикон политологии. В частности, этот термин был использован в 1967 году Д. Аптером в значении «группа общественного единения» при анализе политического конфликта в Уганде, а несколько позже получил большое распространение благодаря работе А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах». В современном понятийном аппарате политической науки под «консоциацией» понимается прежде всего политическое сообщество, построенное на принципах пропорционального представительства и сохранения прав субъектов, из которых оно состоит.

Субсидиарный характер деятельности вышестоящих уровней консоциации по отношению к нижестоящим является нормой социального взаимодействия в теории Альтузия, что предполагает максимальную самостоятельность в действиях и способствует увеличению эффективности всей системы. Болезненный для многих государств вопрос определения предметов ведения различных субъектов также разрешается здесь на основе субсидиарности. В качестве императива при таком разграничении полномочий выступает принцип достижения консенсуса между всеми заинтересованными сторонами, что предполагает высокий уровень солидарности внутри социума.

В своей работе Альтузий выделяет пять видов консоциации. Все они могут быть разделены на две группы: частные и общественные, каждая из которых находится на определенном уровне общественной иерархии. Семья, как «частная и естественная консоциация»,

Фортунато Денеро. Драка. 1926

находится на первом уровне общественного устройства.

Колледжи, сословия и корпорации, участники которых связаны различными профессиональными или социальными интересами, составляют второй уровень организации общества, который он определяет как частный и гражданский.

Города и провинции, являясь видом общественной консоциации, представляют следующую ступень иерархии. Тогда как **государство** является универсальной консоциацией высшего уровня.

Наконец, пятый вид консоциации, по Альтузию, — **конфедерация**, которая представляет «функционально и политически ограниченное объединение нескольких государств»⁷.

Каждый вид консоциации имеет свое собственное целевое назначение. Так, частные консоциации служат реализации строго лимитированных целей. Семья обязана обеспечивать экономические потребности своих членов, а корпорация — интересы составляющей ее

группы людей. Общественные консоциации должны, по мнению Альтузии, создавать инфраструктуру для реализации гражданами своих социальных интересов. Нравственным основанием для существования консоциации каждого типа он считал ее направленность на обеспечение полнокровной и счастливой жизни ее членам. Существование консоциаций только тогда является оправданным, когда они выступают как «инструменты поддержки полноценной общественной жизни индивидуумов»⁸.

Государство, по Альтузию, необходимо для того, чтобы, во-первых, включить всю социальную активность в сферу политического и, во-вторых, придать институтам права и правления статус участников процесса общения в консоциации. Иначе говоря, впервые в европейской политической мысли Альтузий формулирует понятие «государства» как политической системы, включающей экономическую, политическую и культурную сферы.

Альтузий поясняет, что процесс объединения консоциаций в структуру сле-

дующего уровня должен происходить *субсидиарно*, то есть *дополняюще*. «Так как общественные консоциации образуются из частных, они должны *дополнять*, но не поглощать их». Связи между разноуровневыми консоциациями должны основываться на «сотрудничестве, равноправии, гармонии интересов частной и общественной сферы, но не их оппозиции»⁹.

Таким образом, политика, согласно Альтузию, это прежде всего процесс достижения консенсуса в процессе взаимного общения, установление общественной солидарности, а не формальная процедура принятия тех или иных решений. Он признает, что достижение абсолютного консенсуса возможно лишь в небольших по численности консоциациях: «чем меньше консоциация и чем уже ее цели, тем больше вероятность достижения общего мнения»¹⁰.

В многочисленных консоциациях (в частности, в государствах) процесс принятия решения основывается на мнении «представительского меньшинства»¹¹. В целях соблюдения принципа общего блага, решения, касающиеся всего государства, по мнению Альтузии, должны поддерживаться действующим в государстве законом. Система права, являющаяся связующим элементом межконсоциативных и внутриконициативных отношений, называется *jus symbioticum*¹², или симбиотическим правом. Автор определяет его как «право, действующее в общественной сфере».

Непременным требованием к каждой консоциации является соблюдение общих интересов: «консоциации обязаны стремиться к участию в решении общих задач, направленных на достижение условий, возможностей, пользы для всех»¹³.

Таким образом, субсидиарность в понимании Альтузия предполагает не только обязательства представляющих государство правителей по отношению к нижестоящим консоциациям, но и

обязанность последних действовать в интересах поддержания общего социального и политического баланса.

Альтузий отстаивает свою точку зрения и по поводу того, какие направления деятельности должны быть подотчетны правительству, или какой объем полномочий может входить в сферу компетенции высших органов консоциаций: «У правителей бывает столько власти, сколько ее было делегировано им всеми членами консоциаций. То же, что не было передано правителям, должно рассматриваться как находящееся под контролем людей или всей консоциации»¹⁴.

Отдельные элементы теории субсидиарности Альтузия получили оформление в современной конституционной, политической и правовой традиции Запада. В частности, в наиболее развитом виде идея Альтузия о широких правах частных уровней консоциации (семья, корпорация) нашла применение в моделях всеобщего благоденствия, в концепциях гражданского общества, демократического федерализма, народного суверенитета и т.д.

В начале 1980-х годов европейские государства, составлявшие экономические сообщества, стали приходить к пониманию того, что отсутствие традиций солидарности является серьезным препятствием для дальнейшей европейской интеграции, в том числе и в экономической сфере, так как более сильные участники ЕС стремились к максимизации собственных выгод зачастую за счет своих партнеров по Союзу. Между тем субсидиарность представляет собой органичное сочетание двух ценностных начал — свободы и солидарности в разумных пределах и соотношениях.

Обращаясь в этой связи к христианским истокам субсидиарности, один из западных исследователей в своем анализе влияния на политические процессы католической социальной доктрины

ны в XX веке отмечает: «Все социальные энциклики содержат конкретные программы действий и определяют содержание социально-политического курса»¹⁵.

В частности, в опубликованной в 1931 году энциклике папы Пия XI «В год сороковой» отмечалось, что правильно организованное и хорошо функционирующее экономическое общество не менее важно, чем политическое общество с аналогичными характеристиками, поскольку ни капитализм с его свободной конкуренцией, ни социализм с государственным регулированием этому условию не отвечают. В энциклике предлагалось нечто среднее: замена существующего «горизонтального деления общества между капиталом и трудом на производства, организованные как гильдии, являющиеся одновременно промышленными группами и органами регулирования»¹⁶. А в 1990-е годы начинается обсуждаться такая важная тема как «государства социальной поддержки» и их воздействие на общество. В частности, в энциклике «Сотый год» (1991) папа Иоанн Павел II провозгласил, что государство всеобщего благоденствия, прямо вмешиваясь в жизнь общества и лишая его ответственности, противоречит принципу субсидиарности. Это ведет к «потере человеческой энергии и чрезмерному увеличению количества государственных органов, в которых доминирует бюрократический стиль мышления, а не задачи служения своим клиентам, что к тому же сопровождается огромными бюджетными тратами»¹⁷.

Согласно социальной доктрине католической церкви, общей целью как государственного, так и частного секторов любого общества является достижение всеобщего блага. При этом понятно, что для того, чтобы добиться этой цели, каждый из секторов должен осуществить ряд тех или иных мер, которые входят в сферу его компетенции.

В делах же, полномочия по реализации которых могут быть отнесены как к частному, так и к общественному сектору (таким как производство и распределение товаров и продукции, содействие инновациям и научным исследованиям и др.), должен применяться принцип приоритета частной инициативы, или принцип субсидиарности. Другими словами, если индивидуум имеет какие-либо интересы по осуществлению той или иной инициативы, то при распределении полномочий они должны учитываться в первую очередь, поскольку католическая социальная доктрина исходит из того, что таким образом человек сможет «сделать лучше не только себя, но и будет взаимодействовать с другими людьми с целью улучшить и их». В этом заключается понятие «всеобщего блага», которого люди могут добиваться собственными силами¹⁸. Именно в подобной трактовке принцип субсидиарности получил развитие в социальных католических энцикликах.

Так, в упомянутой энциклике папы Пия XI «В год сороковой» принцип субсидиарности излагался следующим образом: «Должен оставаться непоколебимым следующий важный принцип социальной мудрости: подобно тому, как не дозволено отнимать у индивидуума то, что он способен создать по собственной инициативе и собственными силами, так несправедливо и то, что вышестоящее сообщество возлагает на себя задачи, с которыми способно справиться нижестоящее. Любая общественная деятельность сущностно и концептуально является субсидиарной; она должна поддерживать членов социального организма, а не уничтожать или поглощать их... Государство должно передавать нижестоящим уровням полномочия по решению задач, являющихся вспомогательными по отношению к более важным задачам. Это делает государство сильнее и эффективнее в решении тех проблем, которые

падают под его исключительную компетенцию. Носители государственной власти должны быть убеждены в том, что, чем строже соблюдается принцип субсидиарности, тем лучше будет обеспечено поуровневое (соподчиненное) устройство государства, тем сильнее будет авторитет государства в обществе и тем эффективнее и счастливее будет государство»¹⁹.

В последнее время, говоря о субсидиарности, все чаще обращаются к исследованиям О. Нелль-Бройнинга, внесшего значительный вклад в формирование этой концепции. В процессе создания конституции ФРГ, участвуя в общественной дискуссии по новому общественно-государственному устройству Германии, Нелль-Бройнинг обратился в своих работах к субсидиарности в более широкой трактовке, охватывающей не только узкоэкономические отношения в обществе, но и взаимодействие различных уровней политической системы.

Под субсидиарностью О. Нелль-Бройнинг понимает поддержку определенного государственного уровня со стороны вышестоящего уровня при условии, что «все задачи решаются на максимально низком уровне, способном их решить», и «только в том случае, если нижний уровень доказал свою неспособность справиться с проблемой самостоятельно»²⁰.

В результате анализа католических социальных энциклик и творческого наследия О. Нелль-Бройнинга могут быть выделены основные характеристики принципа субсидиарности, реализация которых предполагает соблюдение следующих требований:

- Во-первых, индивидуумы и небольшие сообщества должны обладать определенной автономией, необходи-

мой для того, чтобы добиваться своих целей и осуществлять те или иные задачи в рамках своей компетенции.

- Во-вторых, более крупные сообщества или сообщества, располагаю-

Высшие уровни государственной власти должны вовлекаться в непосредственную деятельность только в том случае, если для достижения цели необходимы ресурсы, превышающие возможности структур более низкого уровня

щиеся на более высоком уровне общественного устройства, должны оказывать помощь общностям, находящимся в их подчинении, не подавляя и не поглощая их.

- В-третьих, более крупные сообщества или структуры, находящиеся на более высоком уровне общественного устройства, должны возмещать недостаток в ресурсах отдельным индивидам или небольшим сообществам, если дефицит ресурсов препятствует тому, чтобы они могли самостоятельно решать те или иные задачи. Процесс дотирования, «субсидирования» должен осуществляться вплоть до полного восстановления потенциала местных сообществ.

Современные политические процессы модернизации Европейского союза и Восточной Европы все чаще заставляют обращать внимание на реализацию доктрины субсидиарности и ее политического возрождения.

С этим понятием все чаще связывается проблематика федерализма и политический механизм функционирования данного процесса, ставится вопрос использования федеративных принципов в будущей общеевропейской конструкции и в обосновании роли регионов и местных сообществ в этой конструкции²¹.

Характеризуя проблематику современных общественных отношений и роль в них органов публичной власти, нельзя не подчеркнуть, что «каждая общественная деятельность по своей сути субсидиарна, она должна поддерживать членов социального института, однако не должна разобщать или поглощать их»²². Бывший президент ФРГ Р. Херцог поясняет это следующим образом: «...есть ряд прагматичных причин, которые делают принцип субсидиарности просто разумным. Мелкие объединения более гибки в решении задач, чем тяжеловесный государственный корабль... Субсидиарность означает: общество существует для того, чтобы помогать индивиду в раскрытии своих сил и достижении своих целей, а не для того, чтобы властвовать над ним и опекать его»²³.

Высшие уровни государственной власти должны вовлекаться в непосредственную деятельность только в том случае, если для достижения цели необходимы ресурсы, превышающие возможности структур более низкого уровня. Таким образом, субсидиарность возникает в результате гибкого распределения задач, полномочий и ресурсов между различными уровнями управления.

По мнению экспертов Конгресса местных и региональных властей Европы, учрежденного в 1994 году Советом Европы, основные причины необходимости реализации принципа субсидиарности следующие:

— неопределенность в отношении организации государственных институтов и будущего местных властей в условиях экономического кризиса по идеологическим и финансовым соображениям поставила под вопрос традиционные системы, особенно государство благоденствия;

— одновременно все большую роль приобретает интенсивность вовлечения общественности в принятие решений в специфических ситуациях;

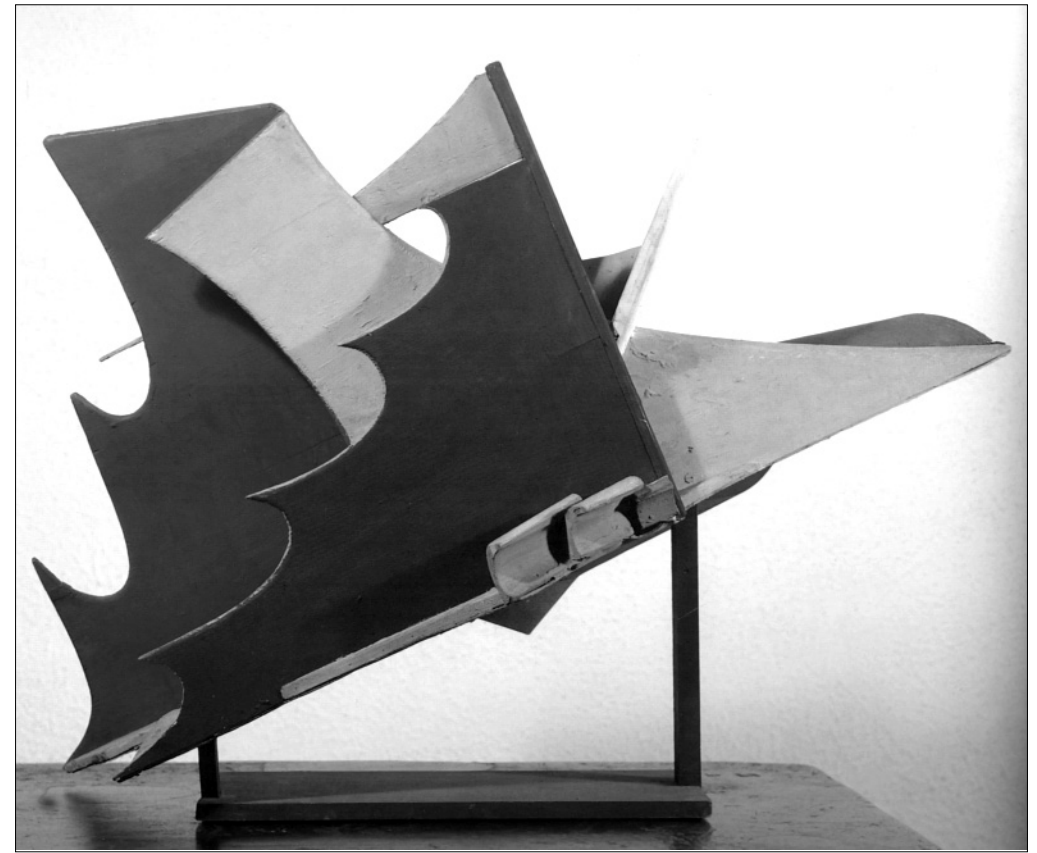
— в наиболее развитых странах все стало значительно сложнее, поскольку развитие торговли и их экономик привело к более глубокому взаимопроникновению и распространению различных уровней управления²⁴.

Вероятно, именно поэтому концепция субсидиарности стала приемлемой и для тех, кто хочет, чтобы Европа стала федерацией, и для тех, кто требует большего признания автономии государств. Хотя термин «субсидиарность» фигурирует в тексте Маастрихтского договора о Евросоюзе (1992), само по себе это не влечет правовых последствий. Это «универсальная» концепция, к которой можно обратиться и в связи с другими положениями договора, а также различными правовыми мерами разных органов, ее применяющих.

В статье 5 этого Договора отмечается: «В областях, не подпадающих под его исключительную компетенцию, Сообщество действует в соответствии с принципом субсидиарности только тогда, когда цели предполагаемого действия не могут быть удовлетворительно достигнуты государствами-членами и поэтому, в силу масштабов и последствий, могут быть более успешно достигнуты Сообществом. Любые действия Сообщества не должны выходить за пределы, необходимые для достижения целей договора».

Независимо от двойственности, которая требует уточнения, концепция субсидиарности актуализируется в то время, когда традиционная модель государства поставлена под вопрос и осознаются трудности в строительстве единой Европы и опасения усиливающейся централизации в ЕС без соответствующего демократического и институционального сопровождения.

Важно то, что понятие субсидиарности подразумевает различные, даже противоположные значения, которые обнаруживаются в латинской этимологии этого слова.

Фарфа (Витторио Томмазини). Встреча форштивей. 1929

Первое значение слова «субсидиарность» наводит на мысль о чем-то второстепенном, менее важном. Это означает, что более «высокая» власть, прежде всего государственная, может вмешиваться лишь в той мере, в какой более «низкая» власть (или личность) продемонстрировала и доказала свою неспособность решать какие-то задачи. Это первое значение базируется на принципе невмешательства центральной власти и, по крайней мере, предполагает определение условий, при которых его применение может считаться законным или желательным. Принцип субсидиарности поэтому прежде всего является принципом ограничения власти, но не носит нормативного характера, так как указывает на тенденцию, оставляя открытым во-

прос о конкретных условиях применения принципа, и поэтому его применение может варьироваться в зависимости от обстоятельств, времени и места²⁵.

Второе значение, близкое к первому, наводит на мысль о помощи (subsidiium). Жак Делор, много сделавший для внедрения этого принципа, подчеркивал о какой именно помощи идет речь: «Субсидиарность является не только пределом вмешательства более высоких властей в дела личности или общины, которые они могут решать сами, но также и обязанность этих властей действовать по отношению к данной личности или общине таким образом, чтобы предоставить им возможность решать (свои дела) самим»; «субсидиарность исходит из

моральной защиты и уважения к достоинству и обязанностям индивидуумов, что и является целью каждого общества»²⁶.

Субсидиарность, привнесенная в современность и освобожденная от исторических, идеологических и религиозных наслоений, выступает как возможность переосмысления общественных отношений в контексте большей автономии и поиска равновесия между свободой личности и различными органами власти (местными и региональными в государствах), когда государства несут ответственность за безопасность, социальную сплоченность и общее регулирование социально-экономических процессов.

Определение субсидиарности имплицитно присутствует в ст. 4 «Сфера компетенции местного самоуправления» Европейской хартии местного самоуправления (1985), которая гласит: «Государственные полномочия, как правило, должны преимущественно осуществляться органами власти, наиболее близкими к гражданам. Предоставление полномочий иному органу власти должно производиться с учетом объема и характера поставленной задачи, а также требований эффективности и экономии».

Цель принципа субсидиарности состоит в максимальном приближении принятия решений к гражданину и как средство укрепления местной демократии в процессе политической децентрализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Dietrich J. *Regionalpolitische Konsequenzen aus dem Prinzip der Subsidiarität: die Regionen als Strukturelemente einer föderalen Europäischen Union.* - <http://www/snafu.de/jens.dietrich.htm>, а также: Амплеева А.А. *Субсидиарность и демократия. Введение в тему.* — М., 1996.
- 2 Аристотель. *Сочинения, т. 4.* — М., 1983. — С. 189.

- 3 Elazar D. *Althusius Grand Design for a Federal Commonwealth.* — Indianapolis: Liberty Fund, 1995. — P. 78.
- 4 Habermas J. *Theorie und Praxis.* — Frankfurt: Suhrkamp, 1976. — S. 56.
- 5 Hueglin T. O. *Federalism, Subsidiarity and the European Tradition: some clarifications.* // *Telos.* — N.Y., 1994, № 100. — P. 45.
- 6 *Consociatio* (лат.) — сообщество, прочное, устойчивое (неизменяемое) объединение различных общностей на определенных принципах. См.: Лейнхарт А. *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование.* Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. — М.: Аспект Пресс, 1997. — С. 27.
- 7 Althusius J. *Politica.* — Indianapolis: Liberty Fund, 1995. — P. 18.
- 8 *Ibid.*, p. 14.
- 9 *Ibid.*, p. 16.
- 10 *Ibid.*, p. 40.
- 11 *Ibid.*, p. 41.
- 12 *Симбиоз (гр. symbiosis — сожительство) — в социологии взаимозависимость между различными социальными группами, сотрудничающими в общих интересах.*
- 13 Althusius J. *Politica...* p. 31.
- 14 *Ibid.*, p. 109.
- 15 Cronin J.F., Flannery H.W. *The Church and the Workingman.* — New York: Hawthorn Books, 1965. — P. 61.
- 16 Pius XI. — *Quadragesimo Anno.* — www.mcgill.pvt.k12.al.us
- 17 Ioann Paul II. *Centesimus Annus.* — www.mcgill.pvt.k12.al.us
- 18 См.: Bosnich D. A. *The Principle of Subsidiarity.* — www.acton.org
- 19 Pius XI. *Quadragesimo Anno.* — www.mcgill.pvt.k12.al.us
- 20 Nell-Breuning O. *Baugesetze der Gesellschaft. Solidarity und Subsidiarität.* — Freiburg-Basel-Wien, 1968. — S.15.
- 21 См.: Бусыгина И.М. *Европейский федералистский проект и регионы. // 21-й век — мировое сообщество и Россия. Учебный центр партии «ЯБЛОКО».* — М., 2001.
- 22 Цит. по: Йозеф Тезинг. *Консервативно ли социальное учение церкви? Доклад на международной конференции «Социальное учение Православия в современном обществе».* Москва, 15 марта 2004 года. www.religare.ru <<http://www.religare.ru>>
- 23 Там же.
- 24 См.: *Definition and limits of the principle of subsidiarity.* Council of Europe. 1995. — P. 3.
- 25 *Definition and limits of the principle of subsidiarity...* p. 6–7
- 26 Цит. по: Dinan D. *Ever Closer Union: An introduction to European Integration.* — London, 1999.

Россия и Запад: путь к новому миропорядку

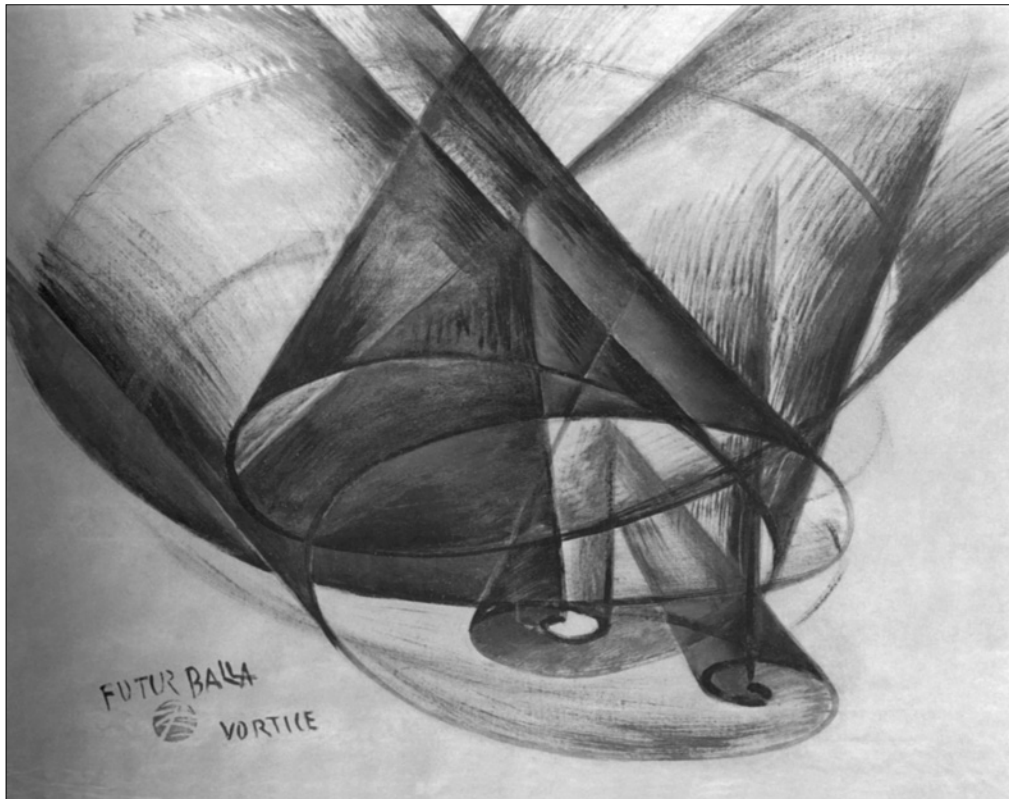
Победа Барака Хусейна Обамы на президентских выборах, конечно, исторический поворот в истории США. Америка во многом идет впереди всех остальных. Она в глобальный экономический кризис вошла первая, она, я уверен, выйдет из него первая. Америка сегодня — лидирующая страна и в хорошем, и в плохом. И многие тенденции, которые возникают в ней, наверняка проявятся и в Евросоюзе, и в России и в Азиатских странах. Поэтому эффект от появления Барака Обамы на политическом Олимпе Америки кругами разойдется по всему миру. Эта новая страница в судьбе страны была перевернута именно потому, что в Соединенных Штатах, безусловно, большой общественный запрос на политика антирейгановского толка. Америка тридцать лет жила очень успешно, потом успешно, потом еле-еле, но все время реализуя доктрину рейганизма во внутренней политике, экономике страны и американского доминирования с упором на силу во внешней политике.

Нет сомнений, Рональд Рейган двинул Америку очень здорово вперед: она обрела в свое время второе дыхание, веру в себя после Вьетнамской войны, после всех неопределенностей, после того застоя, который был до него, неудачи с Ираном, неудачного президентства Джимми Картера. Рейган вывел Америку в безусловные мировые лидеры, сделал ее доминирующей страной мира с 30% мировой экономики. Однако пять, шесть, семь лет назад стали появляться первые признаки кризиса, а американский истеблишмент пытался сделать все возможное, чтобы продлить рейгановскую модель, которая умирала на глазах всего мира. Итог известен...

Избрание Барака Обамы в решающей степени было реакцией американского общества на консерватизм внутренней и внешней политики США. При этом 65% американцев считают приоритетной задачу преодоления экономического кризиса, проблемы иммиграции, занятости, медицинского страхования, пенсий, то есть внутреннюю политику, и только потом, в конце, там Ирак, Иран, Аф-

Николай Злобин,
директор российских
и азиатских программ
Института мировой
безопасности (США)

Джакомо Балла. Вихрь. 1914

ганистан и где-то самым мелким шрифтом в конце Россия и Европа. Это реалии, из которых сегодня придется исходить президенту США.

Чего от него ожидать? Я бы предостерег от очень высоких ожиданий, которые велики внутри страны и в мире. Когда ожидания велики — большим бывает и разочарование. Надо это учитывать, в том числе и российским политикам. Америка очень большой корабль, который медленно меняет курс. Во внешней политике целый ряд направлений был уже утвержден, профинансирован и будет реализован, но изменить многое будет тяжело, ту же противоракетную оборону. Во-вторых, Обаме, конечно, придется основные силы тратить на экономику. По крайней мере в первый период ему надо будет действительно заняться «разгребанием» проблем, оставшихся от Буша, главная из которых — экономический кризис.

Президент США гораздо менее властная фигура у себя в стране, чем, скажем, президент России. И даже чем ее премьер-министр. Президент США скорее играет роль сильного политического брокера. Его задача найти компромисс между всеми центрами силы, договориться с конгрессом, убедить общественное мнение, получить поддержку бизнеса, истеблишмента, гражданского общества, а потом формировать какую-то политику. Он не может действовать иначе: никакой вертикали власти у него нет, его политика в любом случае будет компро-

миссионной. Я бы так сказал, если в России, скажем, премьер-министр Путин *делает* политику, то работа президента США — *влиять* на политику. Он действительно крайне влиятельный, может быть, самый влиятельный в мире центр формирования политики, но не обладает монополией. Как только он начнет терять поддержку тех или иных центров силы США, он

потеряет влияние в стране, а значит, и в мире.

У многих представителей мирового истеблишмента вызывает удивление, как новая администрация Барака Обамы

сумела создать дружелюбную и благожелательную атмосферу для диалога с Москвой. Это, на мой взгляд, действительно большое достижение нового руководства США, учитывая не только груз взаимных обид, непонимания и раздражения, оставшийся в двухсторонних отношениях в наследство от администрации Буша, но и наличие в США и в России большого количества скептиков, а то и просто противников любых усилий, направленных на улучшение отношений двух стран.

Часто в элитах России и США можно услышать, что разногласия стран носят принципиальный характер, что, мол, нельзя сотрудничать со страной, которая проводит имперскую внешнюю политику, что Россия напрямую подвергает опасности интересы США и их союзников в мире, и наоборот. Часто такие заявления исходят от известных и влиятельных российских или американских политиков. Поэтому, мне кажется, необходимо отдать должное новой администрации в Белом доме, которая решила идти во многом вопреки мнению значительной части собственной элиты. Если российская политика Барака Обамы не увенчается успехом, ему и его команде, безусловно, припомнят все предупреждения в отношении России, которые им сегодня делаются. Однако команда Обамы считает, что выгода для США от возможного улучшения отношений с Россией намного перевешивает политические риски и чьи-то личные симпатии и антипатии. Вашингтону нужно, чтобы Россия, если и не помогала, то, по крайней мере, не мешала США в проведении той внешнеполитической линии, которую Обама разрабатывает. Принципиальная позиция Америки, озвученная ее президентом и вице-президентом, заключается в том, что новые отношения с Россией Вашингтон должен строить, основываясь на том, что объединяет две страны, а не концентрироваться на спорных, конфликтных и нерешенных вопросах в двусторонних отношениях.

Еще одно новое обстоятельство, которое Москве необходимо принимать в расчет, заключается в следующем. В отличие от предыдущей администрации, постоянно переживавшей внутренние противоречия и конфликты между Государственным департаментом, президентом, Пентагоном и конгрессом, которые прямо отражались на ее внешнеполитической линии, команда нынешнего президента выглядит го-

Не будет никаких доминирующих центров силы, ни одна большая держава или группа стран не смогут формировать глобальную повестку дня

раздо более сплоченной и единой по всем принципиальным вопросам американской внешней политики, в том числе в отношении России. В «российскую команду» Обамы вошло немало отличных специалистов по России, которые во многом являются единомышленниками уже давно. Пока все складывается так, что им не придется, как еще недавно, тратить свои основные усилия на поиски компромисса среди разных центров принятия решений в США, на политическую борьбу со своими партнерами по соседним министерствам и агентствам. Это может не только помочь в выработке целостной и единой политики Америки в отношении России, но и обеспечить ее сравнительно эффективную реализацию, что также было немалой проблемой еще недавно.

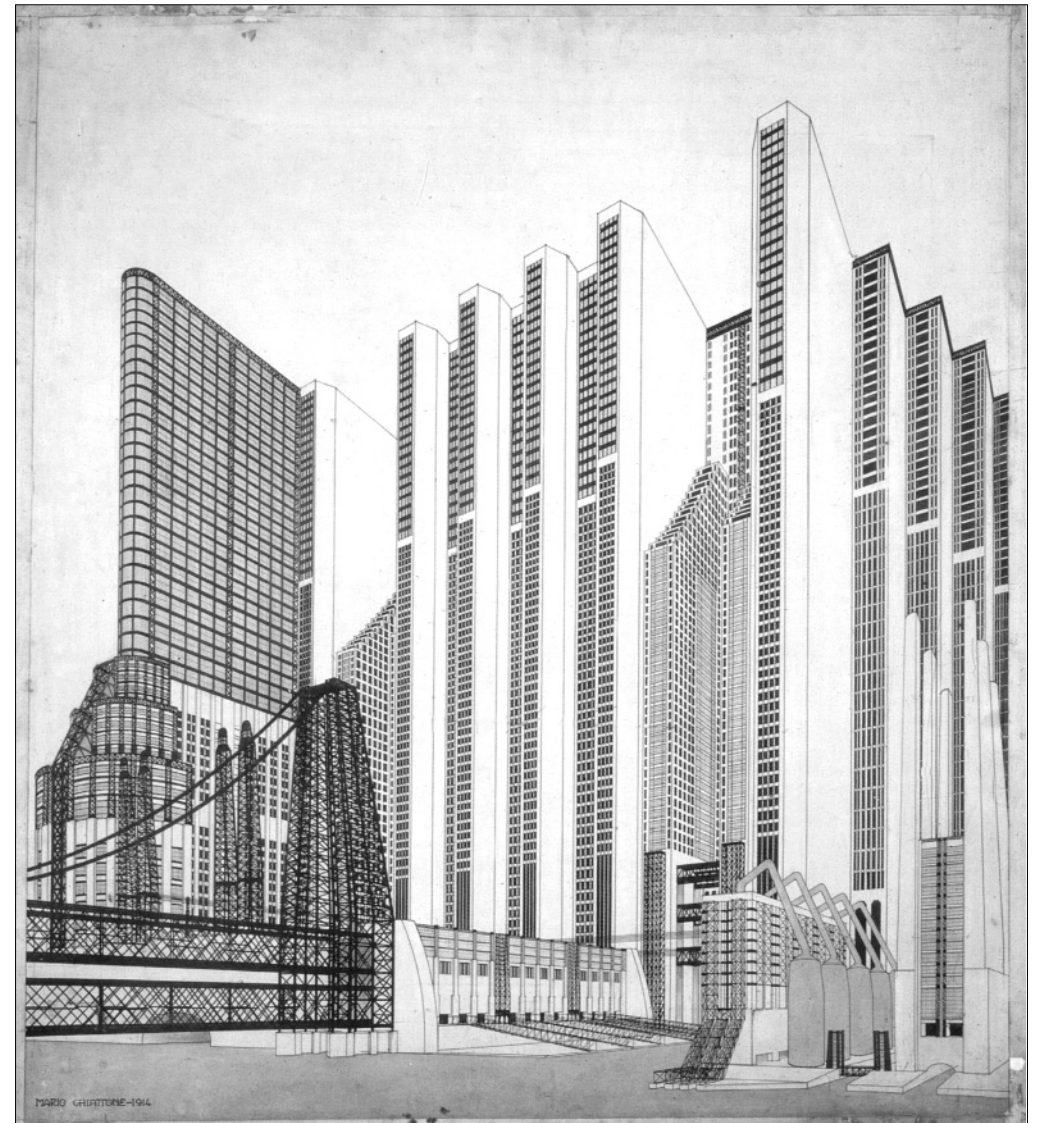
Однако восстановление нормального диалога между США и Россией — крупнейшими игроками на мировой сцене, будучи важнейшей целью, не позволит контролировать полностью процессы, которые происходят в мире в целом. Я выступил уже давно с идеей, что никакого многополярного мира не будет. Не будет никаких доминирующих центров силы, ни одна большая держава или группа стран не смогут формировать глобальную повестку дня. Центры военной силы все больше будут расходиться с центрами экономической силы, которые, в свою очередь, все больше будут расходиться с центрами политического влияния. Я думаю, тенденция бесполярности будет усиливаться.

Однополярный мир, конечно, несправедлив, но он стабилен. Многополярный мир более справедлив, но он крайне нестабилен. К тому же он справедлив только для стран, которые являются его центрами. Бесполярный мир вообще нестабилен, непредсказуем, хотя, наверное, он самый справедливый, как это ни парадоксально, потому что у каждого есть возможность как минимум заявить о своей позиции.

Даже восстановив свою мощь после кризиса, США никогда не будут уже той страной, какой они были в тысяча девятьсот девяносто первом году, когда распался СССР. Другими стали Китай, Латинская Америка, Индия, ну и Россия, само собой. Поэтому возврата к однополярному миру не может быть.

Неожиданно важными становятся вещи, которые еще недавно такими не казались. Зачем, например, такой ядерный арсенал? Военный бюджет Америки в двадцать пять раз больше российского. Не на 10%, не на 50%, а в двадцать пять раз больше! Однако все равно есть предел силы, и Америка, и Россия его достигли — в старой системе координат. Сегодня надо работать по-другому. Как это — по-другому, ни Москва, ни Вашингтон, ни Брюссель ответить не могут. Как решать региональные проблемы, никто сказать не может, но именно они, на мой взгляд, станут содержанием современной эпохи, и первым заложником этой проблемы стали российско-американские отношения.

Мы живем в мире экспромта. Никто никаких больших целей ставить не в состоянии. Сегодняшняя мировая система — это борьба плохой импровизации с очень плохой. Это серьезная проблема, потому что если ты живешь в мире импровизаций, то не знаешь, чего ожидать, если не знаешь, чего ожидать, не знаешь, к чему готовиться. А если не

Марио Кьяттоне. Конструкции для современной метрополии. 1914

знаешь, к чему готовиться, реагируешь на все неадекватно, с презрением. Возникает желание не себя защитить, а наказать другого в первую очередь. Непредсказуемость делает мир крайне хрупким и крайне нестабильным. Уровень недоверия возрос максимально. Старая система международных координат ООН и Совета Безопасности явно не отвечает новой конфигурации мироустройства. Третья экономика мира, Япония, не входит в Совет Безопасности. Главная экономика Европы, Германия, тоже не входит. Я уже не говорю про Бразилию, Индию и ряд других стран. Для «разруливания» проблем многополярного, а тем более бесполярного мира никто ничего не создал. У нас нет проекта адекватного регулирования международных отношений, не говоря уже о механизмах для его реализации.

Потом, международное право. Я всегда скептически относился к этому международному праву, но сейчас я даже не знаю, кто на чистом глазу может сказать, что оно реально есть. И наконец, последнее в этом ряду — окончательный полный, бесповоротный развал Ялтинской системы мироустройства, которая сложилась после Второй мировой войны. Сделаю комплимент Медведеву, который вбил последний гвоздь в эту систему признанием Абхазии и Южной Осетии. Я поддерживаю это признание, я с самого начала был за их независимость, особенно Абхазии, сразу после окончания грузинской войны. Россия сделала то, что Запад сделал в Косово. Таким образом, было еще раз подтверждено, что границы могут меняться внешними игроками без договора с центральным правительством, а внешняя безопасность может обеспечивать суверенитет тех или иных государств. Россия, как это ни парадоксально, сделала шаг, он был, конечно, экспромтом, к которому подтолкнули европейцы и американцы. Россия всегда настаивала на том, что нельзя делать что-то в мире без одобрения Совета Безопасности ООН. А вот теперь она признала Абхазию и Осетию, без всяких ООН, без попытки создать международную коалицию.

Несмотря на жесткую риторику Запада в связи с грузино-российской войной, мне кажется, что Москва, Вашингтон и Брюссель стали гораздо ближе друг к другу, чем до августа 2008 года. Приходит осознание принципа, что все живет, развивается, умирает, появляются новые государства, меняются границы. Если посмотреть на историю, то постоянно, иногда два раза в столетие происходит перестройка глобальной политической географии, границы двигаются. Мы 60 лет жили в условиях стабильной политической географии, и вдруг все посыпалось: распался СССР, разъединились Югославия, Чехословакия, объединилась Германия; такие же процессы идут в Азии, в Африке... Политическая география приобретает другую конфигурацию, но мы были к этому не готовы, и очень много оказалось неожиданностей, обид и конфликтов на этой почве.

Я, например, считаю, что будет продолжать распадаться Советская империя, будут меняться границы в Евразии. Все меняется, все имеет свою меру — это объективный процесс. Попытки заморозить общественно-политический процесс обречены. Поэтому выигрывает та сторона, которая смотрит в будущее. Это аксиома, которую все время хочется повторять: нужна успешная модель решения социальных, экономических и политических проблем. Долгое время была успешной американская модель; многие равнялись на советскую модель; китайцы идут по третьему пути. Если России, независимо от всяких субъективных обстоятельств, экономических, демографических проблем, удастся создать эффективную модель, тогда у нее будет большое будущее.

Надо сказать, что и в мире есть немало противников улучшения отношений между двумя самыми мощными ядерными державами, ибо напряженность между ними создает немало возможностей для желающих извлечь выгоду из международной нестабильности, паразитируя на их противоречиях, а также изображая лояльность то одной, то другой стороне.

Сами того не желая, США и Россия в последние годы часто становились прямыми заложниками чужих проблем, чужих конфликтов, защитниками чужих интересов и целей на международной арене. Ввязываясь в не свои проблемы, защищая чужие интересы, но конфликтуя друг с другом, США и Россия только взаимно ослабляли себя, тратили энергию, деньги, время и репутацию, упускали возможности для обеспечения своих интересов и достижения своих целей. С обеих сторон допускались ошибки и просчеты, то одна то другая сторона становилась в обиженную позу и не-

Сами того не желая, США и Россия в последние годы часто становились прямыми заложниками чужих проблем, чужих конфликтов, защитниками чужих интересов и целей на международной арене

медленно занимала агрессивно-пассивную позицию по отношению к заокеанскому партнеру и конкуренту. Из двусторонних американо-российских отношений стало уходить их главное содержание, а его место все больше занимали проблемы третьих стран и их конфликты. Двусторонние отношения превратились в бесконечную реакцию на шаги друг друга, в реакцию на реакцию и т.д. За всем этим все больше стала теряться сущность двусторонних отношений и забываться их глобальная роль с точки зрения безопасности в мире, обеспечения стабильности в многочисленных взрывоопасных регионах, нераспространения ядерного оружия и т.д.

Не надо, однако, преуменьшать реальные трудности. Понятно, что Москву и Вашингтон разделяет существенная разница во взглядах на многие события и процессы в мире. По-разному они оценивают опасность иранской ядерной программы и возможность ядерного терроризма. Очевидно, что нет у них согласия по вопросам политики в Евразии, по проблемам обеспечения энергетической безопасности, роли НАТО и т.д. Есть немало других разногласий, в том числе и по вопросам демократии и прав человека и развития гражданского общества в России. Все эти вопросы требуют честного, пусть и болезненного обсуждения. Однако такое обсуждение просто невозможно без реального восстановления доверия между двумя странами, их элитами и обществами. Вашингтон сегодня хочет перешагнуть последствия признания независимости Косово и войны на Кавказе в августе прошлого года и призывает к этому же Россию. Удастся ли ему это и как расценит это Москва?

Президенты дали четкие сигналы своим странам, показывающие в каком именно направлении они хотели бы отныне развивать двусторонние отношения, какую роль в мире теперь Россия и США отводят друг другу и себе, какие политические и экономические задачи они перед собой ставят. Сегодня создалось своеобразное окно возможностей для быстрого прорыва в отношениях двух стран. Оно может скоро закрыться и повториться еще нескоро. Задача заключается в том, чтобы его не упустить, ибо это будет прямо противоречить национальным интересам обеих стран, а также интересам безопасности в мире.

Стивен Нельсон,
бывший исполнительный
директор британской
компании «ВАА»
(Лондон)

Безнравственные банкиры? Не надо спешить с выводами...

Во второй книге «Государства» Платон рассказывает историю о Гигесе и золотом кольце. В один прекрасный день пастух по имени Гигес находит в пещере золотое кольцо, с помощью которого можно стать невидимым. Пользуясь обретенными возможностями, он убивает царя, соблазняет овдовевшую царицу и занимает трон. Платон использует этот сюжет как иллюстрацию к обсуждению важного вопроса: будет ли обычный человек вести себя нравственно, если он не опасается последствий собственных действий?

За двадцать пять веков мы так и не пришли к решению этого вопроса, а мировой экономический кризис лишь добавил ему актуальности. Если верить средствам массовой информации, мировой финансовый сектор действовал исключительно в собственных интересах, не принимая в расчет неизбежные последствия небрежного и недобросовестного отношения к делу. В результате пострадала не только репутация отдельных банкиров, но и образ финансового мира и всего, что с ним связано.

В самом презрении к банкирам нет ничего нового. «Нация не разбогатеет, если будет поддерживать только преуспевающих», — под этими словами из инаугурационной речи Барака Обамы подписались бы недолюбливавшие финансистов Франклин Рузвельт, Джефферсон, Линкольн и Мэдисон, но не только они. Обвинения Обамы прекрасно вписываются в традицию осуждения менял, объединяющую множество светских и религиозных деятелей по меньшей мере со времен Платона. Не далее чем пару лет назад один известный представитель финансовых кругов в беседе со мной не преминул напомнить об этой неизбывной антипатии. Не успел я толком пожаловаться на тяготы жизни руководителей компаний (одним из которых я был в то время), не пользуясь расположением ни прессы, ни обычных граждан, как был прерван моим собеседником. «Да ладно вам! Вы побудьте банкиром — поймете, каково это, когда тебя *действительно* все ненавидят». И это было еще до того, как прекрасные времена обернулись ужасными.

Траектория общественных настроений после крушения банка Lehman Brothers в сентябре прошлого года была легко предсказуема. Сначала люди радовались, что «богатые жадины» наконец получили по заслугам. Затем кризис распространился на реальный сектор, и злорадство сменилось презрением: как только эти финансисты смеют возлагать ответственность за провал на миллионы «прилежных налогоплательщиков» (так нас именует британское правительство, когда ему что-нибудь от нас надо)?

Уже ближе к концу года отчаянно нуждавшиеся в деньгах банки и их руководители начали получать огромные субсидии под гарантию государства, при этом не прекращая выплаты безумного размера бонусов своим высокопоставленным сотрудникам. А в настроениях публики обозначился новый сдвиг: презрение уступило место *праведному гневу*.

В центре внимания в те дни оказалась страховая компания AIG, и, судя по всему, Барак Обама передалось всеобщее возмущение. «Перед нами компания, оказавшаяся в переплете исключительно ввиду собственной небрежности, помноженной на алчность», — сказал он на совместной с министром финансов Тимом Гайтнером пресс-конференции в Рузвельт-рум в Белом доме, посвященной новым мерам по поддержке малого бизнеса в США.

Президент не скрывал недоумения и гнева по поводу бонусных выплат управляющим AIG, которая за последние полгода получила 173 миллиона долларов государственных денег. «Мне трудно понять, как в данной ситуации вообще можно думать о бонусах, — говорил он, — а торговцы производными ценными бумагами из AIG рассчитывают еще на дополнительные 165 миллионов. Интересно, как они объяснят это налогоплательщикам, только бла-

годаря которым эта компания еще существует?»

В последние двадцать лет необузданного капитализма поведение, направленное на личное обогащение, не просто было забыто. Вслед за Гордоном Гекко из фильма «Уолл-стрит» мы двадцать лет повторяли: «жадность — это хорошо». Сегодня же жадность финансистов все чаще заставляет вспомнить о сэре Джозае Стампе, одном из директоров Банка Англии с 1928 по 1941 год, якобы сказавшем, что «банковское дело было зачато в пороке и рождено в грехе».

Как правило, споры о нравственности вращаются вокруг трех критериев: морального абсолюта, наших намерений и последствий наших деяний. Начнем с морального абсолюта. Согласно учению великого немецкого философа XVIII века Иммануила Канта, вина банкиров очевидна. Безумные попытки всучить неплатежеспособным покупателям все новые и новые ссуды едва ли можно увязать с его знаменитым категорическим императивом: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Трудно поверить, что всюю увлеченные выдачей ипотеки ненадежным заемщикам и бесконечными играми с созданными таким образом долговыми обязательствами люди были движимы чем-либо, кроме застывшей глаза алчности. На совещаниях советов директоров финансовых компаний затрагивались многие темы, но никак не жилищные трудности малоимущих из балтиморских окраин или города Эйкрон, штат Огайо.

В соответствии с этим критерием жадность банкиров законна, но безнравственна. Но одно дело — самодовольно осуждать корыстолюбивых банкиров, и совсем другое — попытаться по-

нять глубинные причины их поведения. К философии они имеют мало отношения. Кто из нас, положи руку на сердце, поверяет свои поступки абсолютными критериями морали? Даже если стороне обвинения могут пригодиться базовые аксиомы философии, главные ответы стоит искать в экономической истории и поведенческой психологии.

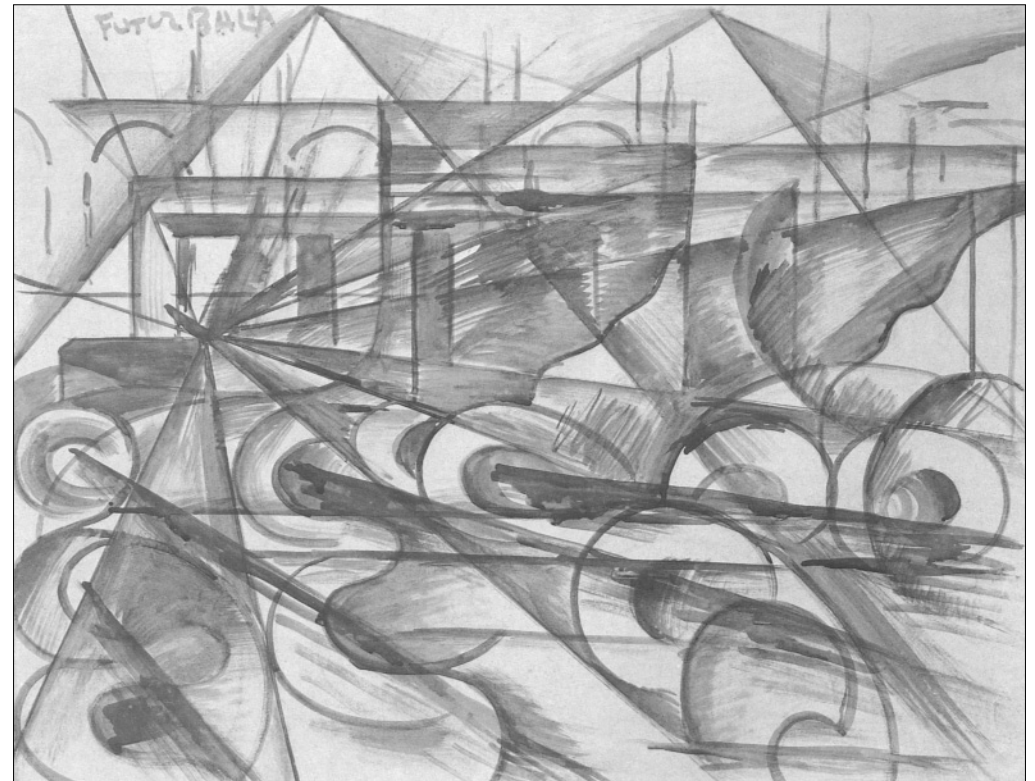
Не случайно в моду снова вошли идеи великого английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Воочию увидев последствия спада производства 1920-х и 1930-х годов, он прекрасно понимал, чем чревата не регулируемая ни государством, ни обществом погоня за капиталом. В 1936 году вышла его книга «Общая теория занятости, процента и денег». Кейнс описывал в ней некий третий путь между капитализмом с его спадами, подъемами и безработицей и опирающимся на центральное планирование и повсеместный контроль коммунизмом. По Кейнсу, для стабильности на рынках капитала достаточно придерживаться одного несложного правила — во времена высокой безработицы понижать налоги и увеличивать государственные расходы, особенно на инфраструктурные проекты, таким образом стимулируя спрос и занятость. Возникшую в результате такой политики задолженность можно будет выплатить, как только безработица придет в норму.

Предложенные Кейнсом простые рецепты успеха были следствием его глубокой убежденности в необходимости государственного вмешательства в работу рынков в той или иной форме. В противном случае, считал экономист, оставленные без присмотра люди будут вести себя слишком рискованно. Сам Кейнс не верил в способность предпринимателей разумно оценивать будущие риски: «Наши познания о факторах, которые будут определять доход от инвестиции через

несколько лет, обычно слабы, а зачастую ничтожны. Говоря откровенно, приходится признать, что круг сведений, используемых нами для оценки дохода от железной дороги, медного рудника, текстильной фабрики, патентованного лекарства, атлантического лайнера или дома в лондонском Сити, который может быть получен спустя, скажем, десять лет, стоит мало, а иногда и вовсе ничего не стоит». Но заведомая хрупкость любых предсказаний не смущает людей, готовых рисковать ради получения прибыли. Для описания нашего поведения в таких случаях Кейнс использовал словосочетание «животный дух» (animal spirits). Все мы время от времени оказываемся во власти «спонтанного побуждения к действию», но на то оно и спонтанное, что может входить в прямое противоречие с нашими истинными интересами. В этих условиях к задачам государства прибавляется не только предотвращение подобных неразумных действий, но и создание среды, которая вознаграждала бы производителей действительно нужных нам товаров по доступным и стабильным ценам.

Правительствам и регулирующим органам стран «англо-саксонского капитализма» — главным образом, США и Великобритании — не удалось достичь необходимого баланса между предотвращением и созиданием — вот в чем истинная причина нынешнего кризиса. На глобальном уровне это привело к возникновению ярко выраженных стран «избытка», вроде Китая, и стран «дефицита», возглавляемых Соединенными Штатами. Для Китая и подобных ему стран характерны слишком высокие сбережения населения и накопление огромных государственных резервов, ситуация в странах дефицита — обратная.

На уровне отдельных стран провал регулирующих органов вылился в яростное возмущение по поводу выплат бан-

Джакомо Балла. Скорость автомобиля. 1913

кирам. Продолжая развивать Кейнсову метафору «животного духа», регулирующие органы не только не стали его сдерживать и позволили духу вознестись в прежде неведомые выси, но и активно этому способствовали. Оценка риска — фундаментальный элемент работы финансовых рынков. А бонусы — это своеобразный «пряник», призванный стимулировать принятие интересных, пусть даже и рискованных решений. Проблема только в том — и теперь это проблема для всех нас, — что регулирующие органы не настояли на том, чтобы использующие пряник банки не забывали и о кнуте.

В результате, трейдеры почти мгновенно получали огромные бонусы, постоянно откладывая на завтра размышления о (постоянно росших в размерах) возможных потерях. Один ученый назвал эту ситуацию «порочной асиммет-

ричностью» в самом сердце финансовой системы. Пользуясь жаргоном специалистов по кибернетике, схемы бонусных выплат банкирам создали положительную обратную связь: они стали усилителем риска и запустили в ход саморазрушение важнейших финансовых компаний.

Очень часто за оправданием свободного капитализма с нравственных позиций люди обращаются к великому экономическому мыслителю Адаму Смитту. Используемая им в знаменитом «Богатстве народов» (1776) для иллюстрации саморегулирующегося характера рынков метафора «невидимой руки» приводится в качестве нравственного оправдания любого банкира, а с ним и любого капиталиста, «преследующего лишь свою собственную выгоду» в рамках закона. По идее, положительные результаты такого эгоистичного пове-

дения уменьшают, если вовсе не отрицают необходимость дебатов о последствиях деяний индивидов с позиций морали. Важно только заметить, что на страницах своей «Теории нравственных чувств» (1759) Смит выступал за как можно более широкое принятие определенных нравственных норм, включая недопустимость лжи и воровства. Кажется, что, как и Кейнс, много десятилетий спустя, он понимал таящуюся в необузданной алчности и риске опасность. Разрушительные последствия могут быть непреднамеренными, но от этого их вероятность не уменьшается.

Следует констатировать, что в последние двадцать лет нерегулируемые рынки капитала на Западе, а затем и по всему миру стали для банкиров тем, чем золотое кольцо для Гигеса, — и они не справились с искушением. Можно даже добавить, что сами правила вознаграждения банкиров открывали дорогу безнравственности, а те, кто отказывался сломя голову нестись за более высокими «показателями», рисковали в лучшем случае быть выставленными на посмешище, а в худшем — за дверь. Являются ли промахи властей и влияние «животного духа» достаточными, для оправдания поступков алчных трейдеров? Пожалуй, нет, но эти сведения весьма полезны для понимания контекста, если мы хотим задаться иными важными вопросами. Например: знали ли кредитно-рейтинговые агентства, что их оценки заведомо подозрительны — и при этом все равно продолжали выда-

вать их? Понимали ли изобретатели коллатерализованных долговых облигаций, а с ними и целые армии составлявших договоры юристов, что в погоне за бонусами они почти гарантированно наносят урон благополучию других людей? Знали ли регулирующие органы о неизбежности грядущей катастрофы, когда потакали созданию «теневого банковской системы»?

Приблизиться к ответам на эти вопросы помогут общественные науки и поведенческая экономика. В 1961 году Стэнли Милгрэм шокировал весь мир своим знаменитым экспериментом, проведенным три месяца спустя после суда над нацистским преступником Адольфом Эйхманом, показав, насколько далеко могут пойти по приказу властей случайно выбранные из уличной толпы взрослые люди*. То есть, если это требовалось, вполне обычные с виду люди были готовы убивать других людей.

Прошло три года, и зверское убийство Китти Дженовезе в нью-йоркском Бруклине** продемонстрировало, что людям, на чьих глазах происходит убийство, свойственно отворачиваться от происходящего. Все соседи нечастной девушки рассчитывали на то, что полицию вызовет кто-нибудь другой. Трагическая смерть Дженовезе ввела в обиход термин «эффект свидетеля». Вооружившись этим понятием, можно объяснить действия — вернее, бездействие — многих финансистов, которые предполагали возможность краха, но смолчали, по всей видимости, понаде-

явшись на вмешательство финансовых властей.

Из социальной психологии известно, что страх потери куда сильнее, чем соблазн приобретения на ту же сумму, а значит, индивид потратит гораздо больше сил на предотвращение убытков, чем на получение прибыли. Именно этим наблюдением можно объяснить с виду хаотичную продажу акций и общее непостоянство рынка. Нервозность и порождаемое ею поведение лишь усугубляются крайней озабоченностью людей относительно собственного статуса. Нередко сопряженная с жестокостью роль вожака стаи хорошо изучена на примере шимпанзе, а недавние исследования говорят о том, что тестостерон вполне может являться причиной излишне рискованного поведения трейдеров.

К тому же покупатели часто преувеличивают стоимость сложных для оценки товара и услуг, что играет на руку гораздо лучше осведомленному о свойствах продукта продавцу. С одной стороны, это подталкивает последнего к постоянному усложнению и без того сбивающей с толку «упаковки», с другой — объясняет удивительную доверчивость покупателей, будь то профессиональные финансисты или обычные граждане. Возможно, именно потрясающая запутанность мировых финансовых рынков, вкупе с их непостоянством и неиссякаемым потоком доселе неизвестных продуктов, а вовсе не банкиры, повинны в повсеместной финансовой безграмотности и прямо с ней связанной неспособностью определить «объективную» стоимость того или иного актива.

Для формирования взвешенной позиции не помешает и знакомство с теорией игр. Так называемая дилемма узника говорит нам о том, что в игре с нулевой суммой индивидуальная выгода становится больше, если мы соглашались на сотрудничество. Но если одна

и та же игра проходит миллионы и даже миллиарды раз подряд, а это верно в отношении сделок на финансовых рынках, предпочтительнее оказывается не сотрудничество а уклонение от него, и тем самым взаимное «предательство» игроков. Усложнив и без того непростую задачку, кредитный кризис наглядно указал на пробелы в нашем понимании риска. Используемые повсюду модели финансового риска, опирающиеся на нормальное распределение, исторические данные и формулы, просто-напросто не в состоянии предсказывать редкие, но потенциально очень важные события. Сегодняшний кризис был вполне предсказуем и даже предсказан отдельными людьми, но никто из них не осудил примитивные модели банкиров.

Что же получается? Все мы склонны принимать сколь угодно странные приказания. Часто, понадеявшись на инициативу других, мы рискуем превратиться — и превращаемся — в безмолвных свидетелей. Мы дорожим своим статусом, а когда он ставится под угрозу, мы сопротивляемся, не обращая внимания ни на что. Ведомые невежеством, мы покупаем не нужные нам вещи по слишком высоким ценам. День ото дня мы играем в игры, единственно разумная стратегия в которых — предательство. Мы постоянно обнаруживаем свою несостоятельность перед лицом подстерегающих за углом опасностей. Вы думаете, что среди банкиров есть люди, настолько же алчные, насколько и некомпетентные? Я готов подписаться под этим, особенно если речь идет об ужасных последствиях спада для вашей работы, бизнеса или семьи. Но если вы добавите, что весь Сити и Уолл-стрит кишат сотнями тысяч безнравственных профессионалов, я отвечу: не спешите с выводами...

Перевод с английского
Ильи Файбисовича

*В этом эксперименте Милгрэм пытался выяснить, сколько страданий готовы причинить обыкновенные люди другим, совершенно невинным людям, если причинение боли входит в их рабочие обязанности. В ходе опыта была продемонстрирована неспособность испытуемых возражать «начальнику» (исследователю, одетому в лабораторный халат), который приказывал им выполнять задание, несмотря на сильные страдания, причиняемые другому участнику эксперимента (специально нанятому актеру). — Прим. ред.

** Имя этой американки, проживавшей в Нью-Йорке, вошло в историю после того, как в 1964 году убийца забил ее до смерти на глазах нескольких десятков свидетелей, ни один из которых не вмешался в происходящее. В социологии подобное явление получило название «синдром Дженовезе». — Прим. ред.

Прошедшие 1 марта 2009 года региональные и муниципальные выборы, отнесенные экспертами к разряду «турбулентных» из-за присутствия на электоральном поле такого серьезного игрока, как «мировой финансовый кризис», наполнили экспертную среду не столько ответами, сколько еще большим количеством вопросов. Российская парламентская модель партийного доминирования по-прежнему работает или уже «дорабатывается»? Когда случится прогнозируемый некоторыми экспертами сбой в ее функционировании и произойдет ли он вообще? Из каких источников должны пополняться электоральные бюджеты «кризисных» избирательных кампаний? И наконец, кто должен нести ответственность за вполне прогнозируемое в перспективе снижение электоральных результатов поддерживающих власть партийных структур и кандидатов?

Наталья Балакирева,
кандидат политических наук
(г. Орел)

Электоральные кампании «партии власти»: антикризисное меню

Весенние итоги

Начнем, пожалуй, с общих итогов избирательных кампаний, проведенных «Единой Россией» в самом начале весны 2009 года. С формальной точки зрения наиболее благополучно у «партии власти»* дела обстояли на выборах в законодательные собрания. Во всех девяти регионах, где были избраны региональные парламенты, «Единая Россия» доминировала. Несмотря на скептицизм экспертов, говоривших о том, что «партия власти» понесла электоральные потери по сравнению с выборами в Государственную думу 2 декабря 2007 года, когда барьер для партий, проходивших в Думу по партийным спискам, был повышен с 5 до 7%**, хотелось бы заметить, что последние выборы были менее затрат-

* Традиционно выделяют три основные трактовки «партии власти»: во-первых, ее обычно отождествляют с новой российской политической элитой; во-вторых, под «партией власти» понимают объединения партийного и движущего типа, непосредственно создаваемые политической элитой и играющие роль главного выразителя ее интересов в сфере публичной политики; в-третьих, ее трактуют как совокупность различных групп (кланов) властвующей элиты, активно действующих в качестве самостоятельных субъектов политического действия. См.: Мухаметов Р.С. Феномен «партий власти» в современной России: теоретический аспект // Без темы. 2006. № 2 (2). — С. 120–123.

** Минимальные потери по сравнению с думскими выборами 2007 года «Единая Россия» понесла в Татарстане: 80,4% вместо 81,03%. В других республиках результаты партии снизились более значительно: в Кабардино-Балкарии с 96,12% до 72,3%, в Карачаево-Черкесии — с 92,9% до 69,2%, в Хакасии — с 59,5% до 55,74%, в Ненецком автономном округе — с 48,8% до 41,76%. Из областей максимальный урон «Единой России» причинила Брянская область: 53,8% вместо прежних 61,8%. В Волгоградской области ею было получено 49,54% вместо 57,7%, в Архангельской области — 51,2% вместо 56,7%, во Владимирской — 51,27% вместо 56,8%.

ными, чем думские, гораздо скромнее освещались в федеральной прессе и на телевидении, не подкреплялись персонализированной поддержкой руководства страны. А следовательно, они и не могли отличаться той степенью мобилизации электората «Единой России», которая наблюдалась в декабре 2007 года. Учитывая личностное восприятие российской политики нашими гражданами, приходится констатировать, что более низкий результат «партии власти» на региональных и местных выборах был, скорее, закономерным.

Не помог «партии власти» и широко разрекламированный в СМИ ход с удалением в отставку незадолго до финала избирательной кампании четырех губернаторов — Воронежской, Орловской, Псковской областей и Ненецкого автономного округа, призванных, по-видимому, к персональной ответственности за негативные экономические процессы, происходящие в стране.

Экстренное назначение на место ушедшего ненецкого главы заместителя архангельского губернатора Игоря Федорова принесло «партии власти» в итоге лишь 41,76 процента — худший результат по всем девяти регионам. Похожая ситуация сложилась и в Орловской области. В единый день голосования в регионе завершились десять выборных кампаний в восьми муниципальных образованиях, в которых приняли участие более 14 тысяч орловских избирателей. При этом результат «Единой России» на селе оказался для области беспрецедентно низким. Так, в двух районах — Шаблыкинском и Новодеревеньковском — сменились главы районных администраций, имеющие партбилеты «Единой России». «Выборы глав районов и поселений выиграл только один единоросс, да и то в случае, когда оппонентом была 24-летняя самовыдвиженка. ...В депутатском корпусе успехи «партии большинства» были чуть внушительнее. Шестерым единороссам удалось занять кресла депутатов. По мнению некоторых экспертов, потеря доверия к «Единой России» была связана с тем, что руководить процессом на этот раз было некому»*.

Не правящая «партия власти»

Заметим, что феномен перекалывания проигравшими ответственности за собственные неудачи на других трудно признать чем-то новым. Интерпретация электоральных результатов была, есть и будет важнейшим элементом стратегического планирования любой избирательной кампании. К этому этапу готовятся, как правило, особенно тщательно: выбирают форму и место презентации результатов в СМИ, заготавливают соответствующие выгодные обоснования, намечают потенциальных виновных на случай провала и т.д. Понятный и необходимый, в общем, процесс.

Иное дело — вспомним ли мы хотя бы единственный случай, когда центральное руководство «Единой России» взяло на себя ответствен-

* Имеется в виду то обстоятельство, что новый губернатор только вступал в должность. Смыслов И. Командовать парадом некому? // Орловская среда. № 46. 4 марта 2009 <http://www.orelsreda.ru/newspaper.php?action=show_gazeta&gazeta=56>.

ность за проигрыш на выборах, непосредственно курируемых из Москвы? Не вспомним, пожалуй. Виновными, как правило, становятся либо главы региональных отделений партий, либо губернаторы, либо иные «злые силы». Иначе видит ситуацию лидер партии премьер-министр В.В. Путин, недвусмысленно заявивший на юбилейном, десятом съезде «Единой России»: «Как партия парламентского большинства, “Единая Россия” несет всю полноту ответственности за происходящее в стране. И ее политические перспективы... напрямую будут зависеть от того, как мы справимся сегодня с проблемами, с которыми сталкиваются страна и ее граждане»*.

Но, похоже, согласились с таким подходом не все. «Мы создадим антикризисные штабы в регионах, чтобы привести в чувство губернаторов. Региональные элиты не до конца осознают серьезность последствий развивающегося финансово-экономического кризиса, они не понимают, что миновать угрозы не удастся. ...Главы регионов утратили связь с реальностью. Мы должны призвать их к адекватной реакции. Нужно поставить региональные власти под жесткий контроль», — перекладывает ответственность с «Единой России» на губернаторов костромской сенатор Андрей Хазин**.

Можно, конечно, попытаться возразить, что большинство губернаторов состоит в «Единой России». Однако этим партийный ресурс, как известно, не ограничивается. Не секрет, что «Единую Россию» называют «партией власти» не потому, что в ее руках сосредоточена власть, а потому, что в ней состоят почти все те, в чьих руках власть действительно сосредоточена. Собственно, в этом контексте «Единую Россию» можно представить элитным клубом для сохранения *status quo* в сложившейся системе элитных взаимосвязей. Разумеется, эта система ни в коем случае не должна быть нарушена под влиянием негативных тенденций финансового кризиса. Иного просто не дано.

В этом убеждаешься, в частности, познакомившись с содержанием кандидатской диссертации известной в прошлом телеведущей, а ныне лидера «Молодой гвардии» и члена «Единой России» Александры Буратаевой***. Одним из центральных в исследовании, полностью посвященном вопросам укрепления партии «Единая Россия», выступает следующий аргумент. В условиях президентского режима доминирующая партия имеет значительно больше возможностей для сохранения своей устойчивости в период институционализации именно потому, что она не формирует правительство и, тем самым, при необходимости может позиционировать себя в качестве лояльного оппонента. Автор полагает, что отказ от формирования правительства по принципу принадлежности к победившей на выборах партии в современной России оправдан

* Путин обещал, что коллапсов и шоков больше не будет // ИА Росбалт. 20 ноября 2008.

** «Единая Россия» готовится сделать из губернаторов «козлов отпущения». План по поиску крайних в условиях кризиса готов к реализации // РИА Ура.ру. 24 ноября 2008.

*** См.: Буратаева А.М. Парламентская модель партийного доминирования в российской политической системе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. — Волгоград, 2007.

Ренато Бертелли. Непрерывный профиль. 1933

исторически и является элементом тактики упорядоченного развития партийной системы. И при этом «Единая Россия» принимает от населения в доверительное управление большинство мест в парламенте страны!

Нельзя не согласиться с мнением тех экспертов, которые считают, что задача переустройства федеральной исполнительной власти на партийной основе для «Единой России», скорее всего, неразрешима в принципе. «Заявку на правящую роль она делает давно. Но это оз-

начает, что центр принятия государственных решений должен переместиться в «Единую Россию». Если принять во внимание тот факт, что в России установлена суперпрезидентская республика, это не может не создавать условия для конфликта «Единой России» с таким центром реальной власти, как Администрация Президента

*Недоверие торжествует сегодня
во взаимоотношениях между Центром
и регионами, между федеральными
структурами и местными*

РФ»*. Не это ли обстоятельство является определяющим в процессе рассредоточения ответственности ведущей партийно-политической силой страны? Не оно ли еще более углубляет

недоверие граждан к политическим партиям, которое и без того длительное время фиксируют все опросы общественного мнения?

«Где деньги, Зин?»

И еще об одной «кризисной» проблеме необходимо, как мне кажется, говорить откровенно. На сегодняшний день вполне очевидно, что финансирование избирательных кампаний «партии власти» в регионах крайне осложнено. При этом и административный ресурс, подкреплявший их в прошлые годы, все чаще дает сбой. Политически активному сегменту бизнеса в условиях кризиса гораздо проще и доходнее эксплуатировать протестные темы, нежели идти в фарватере «Единой России», непоколебимо пропагандирующей успех.

С учетом того, что услуги московских экспертов, сведущих в региональной электоральной проблематике и имеющих соответствующий опыт, весьма недешевы, ситуация выглядит еще более бледно. По сути, региональные избирательные кампании на сегодняшний день предполагают только два реалистичных варианта: либо нанимать на работу более дешевых экспертов, что чревато риском неудачи, либо же пытаться поддерживать выборы собственными, то есть местными силами. Именно второй вариант в последнее время реализуется все чаще.

Как стало известно, в ходе мартовских кампаний большинство региональных отделений «Единой России» по согласованию с центральным руководством предпочло услуги местных экспертов. Что им удалось, а что у них не получилось, судить нелегко, поскольку сама ситуация была, скорее, не типичной. Следует заметить, что опыт управления электоральным процессом силами PR-групп исполнительных органов региональной или муниципальной власти не является для России чем-то новым. Не секрет, что большая часть региональных выборов «партии власти» уже который год ведется силами чиновничества, которые направляются (или не направляются) внешними экспертами.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода, безусловно, следует признать избирательную кампанию по выборам президента Российской Федерации 2008 года. Тогда региональные штабы Д.А. Медведева совершенно официально были укомплектованы региональными чиновниками, а губернаторы стали доверенными лицами кандидата в президенты. Скептики, конечно, заметят, что основной задачей региональных штабов было не навредить пропагандистской кампании кандидата в президенты, проводимой в центральных СМИ. Однако следует признать, что региональные администрации в большинстве своем с нею успешно справились без особых материальных и финансовых затрат.

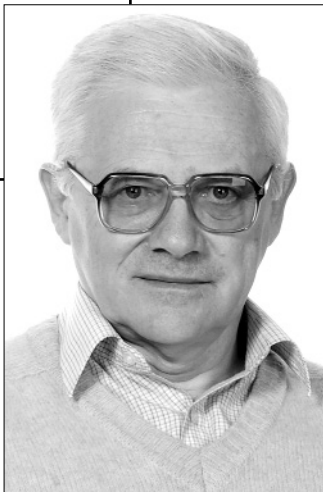
Дискриминация по региональному признаку

Впрочем, привлечение региональных экспертов к ведению избирательных кампаний нравится далеко не всем. На это есть и объективные, и субъективные причины. Первые связаны с невысокой квалификацией региональных специалистов, а также со значительным давлением, оказываемым на региональные элиты федеральным центром. Такое давление не позволяет ослабить административную хватку, вызывающую у населения отторжение того или иного кандидата или партии.

Субъективные причины напрямую связаны с финансовыми вопросами. Рынок «избирательных услуг», сузившийся до масштабов местных парламентов и выборов глав муниципалитетов, несмотря на резкое сокращение электоральных бюджетов, пока остается экономически привлекательным. Вполне естественно, что отдавать его на откуп местным специалистам «федеральные эксперты» вовсе не склонны. Характерно, что позиции федералов в значительной степени усиливаются в результате практикуемой Кремлем смены действующего губернатора (представителя региональной элиты) на «варяга». Если взглянуть на высказывания наиболее востребованных сегодня политических аналитиков, становится очевидным, что большинство из них последовательно выступает за введение «внешнего управления» регионами.

Пропаганда московского и петербургского «элитизма», проводимая практически во всех федеральных средствах массовой информации, все чаще достигает цели. О базовых основах устройства России — о ее федеративной природе, закреплённой в Основном законе страны, — сегодня почти не вспоминают. Одновременно в экспертном сообществе дебатруется вопрос о «недостаточном развитии современной политической системы в России и необходимости ее усложнения». Столь противоречивые тенденции не могут не беспокоить, потому что, несмотря на кажущуюся разнонаправленность векторов, они все произрастают из одного корня, именуемого недоверием. Ибо именно недоверие торжествует сегодня во взаимоотношениях между Центром и регионами, между федеральными структурами и местными. И в конечном итоге — между элитами и элитами. «Наши или чужие?» — не этот ли ключевой вопрос препятствует упрочению на территории современной России государства, единого не только *de jure*, но и *de facto*?

* Васильцов С., Обухов С. «Единая Россия»: попытки превратиться из «партии для власти» в «партию власти». См.: http://www.cipkr.ru/research/ind/_08042007vlast.html.

Сергей Магарил,
кандидат экономических
наук, факультет
социологии РГГУ

Способна ли Россия воспитать политическую элиту?

В безгражданском обществе нет субъектов перехода к новому состоянию.

В. Дахин

Образование в жизни общества

Известно: общество программирует свое будущее через систему образования. Если этот тезис корректен, то своим неблагополучием Россия обязана системе образования. Большинство едва ли с этим согласится. Прочно сформировалось мнение: в СССР был реализован выдающийся образовательный проект, который и сегодня обеспечивает приемлемое качество образования.

Заместитель директора Института прикладной математики РАН, д. ф-м. н. Г. Малинецкий полагает: советское образование было «проектом мирового класса» и стремилось «всех учить так, как в мире учат только элиту»¹. А ректор Российского нового университета, проф. В. Зернов, убежден, что «наше образование концептуально по-прежнему одно из лучших в мире, и граждане России сохранили в значительной мере в образовании имперское мышление»². Последнее лишь подчеркивает актуальность вопроса о качестве той обществоведческой подготовки, какую наша элита получает в стенах высшей школы. Особенно, если учесть, что в XX веке обе версии российской государственности во главе с имперски мыслящими элитами не выжили.

В то же время достижения советской науки и техники дают основания для самых высоких оценок отечественной высшей школы. Достаточно указать на космические технологии, авиацию, атомную энергетику, оборонное машиностроение и т.п. Способность общества создавать и эксплуатировать сложные технические системы, свидетельствует о должном качестве российского естественно-научного и технико-технологического образования. На излете СССР высшее образование имели порядка 19 млн человек, в том числе 10 млн инженеров. Однако, защищенное мощным ракетно-ядерным потенциалом, в условиях мирного времени, советское государство распалось под тяже-

стью внутренних проблем. Его социально-властные отношения оказались не реформируемы.

В постсоветский период наличие многомиллионной массы носителей интеллекта не предотвратило свал страны на траекторию деиндустриализации и сырьевую ориентацию. Стратегию инновационно-демократической модернизации правящий

класс России успешно заместил интересами собственного обогащения. Сегодня очевидно: стремясь удержать власть и порождаемую ею собственность, «элиты» отчетливо и настойчиво возвращают общество к авторитарным методам правления. Однако в долгосрочной перспективе подобные методы не обеспечивают национальное развитие: судьба СССР наглядное тому подтверждение. Будущее России и сопряженные с этим риски вызывают глубокое беспокойство. Но даже многомиллионная интеллигенция России оказалась неспособна противодействовать повороту в позднесоветскую колею.

Изложенное свидетельствует о низком качестве стратегического национально-государственного управления. Коренная проблема — посредственная социогуманитарная подготовка выпускников высшей школы, неадекватная задачам национального развития и поддержания конкурентоспособности в развертывающихся процессах глобализации. Ректор Томского политехнического университета, президент Ассоциации инженерного образования России профессор Ю. Похолков формулирует принципиальный вопрос: «Кто... в нашей стране принимает политические и экономические решения? Выпускники отечественных вузов. Значит, их этому не научили... Процесс обучения — это не только получение профессиональных знаний. Это еще и воспитание гражданской

ответственности перед страной и обществом»³.

Действительно, крайне ограниченное время, отводимое на общественные науки и нередко абстрактно-теоретиче-

Коренная проблема — посредственная социогуманитарная подготовка выпускников высшей школы

ский метод преподавания, в отрыве от общественно-политических проблем современной России, препятствуют воспитанию у студентов гражданственности, демократических убеждений и политико-правовой культуры, столь необходимых для становления социального правового государства. Корни проблемы уходят в отечественную историю.

Наследство Российской империи

По части образования большевикам досталось крайне неблагополучное общество. «Всепопданнейший отчет Министра народного просвещения за 1913 год» фиксирует: Всеобщая перепись населения Империи 1897 г. обнаружила лишь 21% грамотных...⁴ Но в 24 губерниях из 50 европейской России доля грамотных не достигала и 20%, что находит объяснение в положении школьного дела:

— Потребность в школах является одной из настоятельных. Однако многочисленность назревших потребностей... оставалась в течение ряда лет без удовлетворения.

— Недостаток в учебных заведениях так велик... что надо предвидеть еще в течение многих лет усиленные жертвы казны на народное образование ранее, чем потребность в нем будет достаточно удовлетворена.

— В отсутствие закона о всеобщем обучении с 1908 года начинается широкий отпуск средств на народное образова-

Мино Россо. Женщина с веером. Ок. 1931

ние... имеющее конечной целью обеспечить доступность для всего населения Империи начального обучения⁵. — Положение школьного дела и его результатов дает однодневная школьная перепись 18 января 1911 года, согласно которой лишь около 43% всех детей посещало в этом году начальную школу⁶.

Реальная читательская масса, то есть те, кто имел навык регулярного чтения и возможность читать, в конце XIX века составляла 3–4 млн человек в то время как «Ежегодник России» за 1910 год сообщает, что в европейской части России доля грамотного населения составила 30%. К началу XX века лишь

дворянство и духовенство (2% населения России) достигли почти полной грамотности. Что касается крестьянства, то, по мнению Маслова, выходца из крестьян, сумевшего получить экономическое образование, оно жило представлениями XV–XVI веков⁷.

Студентов в расчете на 10 тыс. человек населения в 1890 году было в 4–10 раз меньше, чем в промышленно развитых странах⁸. Отвергая утверждения экс-министра образования Д. Толстого, что у России «нет большой надобности в университетах», Д. Менделеев указывал: ежегодно «и достойным нет входа в высшие учебные заведения из-за недостатка мест»⁹. К 1913 году численность интеллектуального слоя России составляла не более 3 млн человек. В том числе до 300 тыс. учителей и преподавателей, до 50 тыс. ИТР (из них около 10 тыс. инженеров), 80–90 тыс. медиков (в том числе до 25 тыс. врачей), около 20 тыс. ученых и преподавателей вузов, 60 тыс. кадровых офицеров и военных чиновников, 200 тыс. духовенства... Доля этого слоя в составе населения примерно 2,2% населения. Если учесть, что дворяне среди населения составляли 1,5%, то следует согласиться: «важной особенностью интеллектуального слоя старой России был его «дворянский характер»»¹⁰.

Попытка обобщить приведенные данные дает примерно следующую структуру образованности предреволюционной России: до 80% населения — азбучно неграмотно; порядка 16–17% малограмотных, то есть в основном едва умеющих читать; 3–4% уверенно владеющих навыком чтения и умеющих писать, из числа которых 1,5–2% имели высшее образование.

С полным основанием В. Ключевский писал: «Средства западно-европейской культуры, попадая в руки тонких слоев общества, обращались на их охрану... усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторон-

ней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготавливали их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины — на бессмысленном управлении»¹¹. Спустя всего 6 лет, история подтвердила предвидение ученого.

Крайне недостаточное развитие образования — следствие как объективных обстоятельств русской истории, так и многовековой сознательной политики развития народа, «верхи» сохраняли население в состоянии патриархально-го невежества, исходя из удобства управления им.

«Россия поплатилась за вековое пренебрежение к поднятию культурной планки общества», поскольку традиционно считалось, что «грамотность расшатывает устои государства»¹². Но оказалось, сознание невежественных масс, столетиями манипулируемое властями «сверху», столь же удобно для манипулирования «снизу», революционными радикал-экстремистами. В октябре 1917 года история вновь продемонстрировала: ее законы неотвратимы. За ошибки прадедов она сполна взыскала с правнуков.

Итог дореволюционному социокультурному развитию России подвел нобелевский лауреат И. Павлов. В лекции «Об уме вообще и русском в частности» он утверждал: «Отсутствием законности и просвещения... власть держала народные массы в диком состоянии»¹³. Чудовищная жестокость Гражданской войны, эксцессы коллективизации, государственные репрессии 1930–1950-х годов подтвердили эту оценку.

Культурная революция — освоение инженерных знаний

Указанная структура образованности была одним из тягчайших препятствий на пути развития России. Посетивший

страну в 1920 году будущий нобелевский лауреат Б. Рассел отмечал: «Число людей, которые умеют хотя бы читать и писать, исключительно мало... Образование в России должно подчиниться потребностям промышленного развития»¹⁴. Это отчетливо понимали и большевики. Были предприняты беспрецедентные усилия по наращиванию культурно-технического уровня населения. Декретом СНК в 1923 году было создано общество «Долой неграмотность». За 1920–1940 годы было обучено грамоте около 60 млн человек взрослого населения. В 1930–1950 годы доля вложений в научно-образовательный комплекс в СССР была самой высокой в мире¹⁵.

Но и накопленный столетиями массив невежества был огромен. Если по данным переписи 1937 года, среди молодежи 18–19 лет неграмотных было 8,5 %, то среди 30-летних — 25%. В 1939 году образование не ниже 7 классов имели лишь 8,2% рабочих и 1,8% колхозников¹⁶. В 1936-м командующий Белорусским военным округом Иероним Уборевич отмечал: «Каждый призыв бойцов из деревни приносит к нам в казармы 35 малограмотных на сотню. Но эти «малограмотные» по сути дела совершенно безграмотные: еле пишут фамилию и в час прочтут две страницы. Эти люди не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где запад, где восток, что такое социализм»¹⁷.

Тем не менее за 1930–1960 годы система образования подготовила несколько миллионов специалистов. За годы первой пятилетки высшее образование получили 170 тыс. инженеров (из них к 1940 году 152 тыс. занимали руководящие посты); в годы второй пятилетки — 370 тыс. инженеров (266 тыс. на руководящей работе к 1940 году)¹⁸. Ставка делалась на авангардные для своего времени технологии: авиацию, энергетику, тракторо- и автомобилестроение и т.п. Труд и талант российских инже-

неров и ученых превратили аграрную Россию в промышленно-развитое государство.

В плену социальных утопий

В отличие от естественно-научного и инженерно-технического образования нет никаких оснований превозносить отечественные общественные науки. Еще в 1891 году Ключевский сетовал: «Русская мысль и русская действительность далеко разошлись друг с другом и идут каждая своей дорогой... Первая, не понимая потребностей второй, не в состоянии направлять ее, а вторая, предоставленная своим стихийным влечениям, может привести к роковым результатам... к неожиданным кризисам... и не предвидится средств восстановить дружное взаимодействие той и другой»¹⁹. Выдающийся ученый указал и причины: «Забота политики... XVIII–XIX веков — поставить народное образование так, чтобы наука не шла дальше указанных ей пределов, не перерабатывалась в убеждения»²⁰. Пример указанных ограничений — политика Николая I. По распоряжению императора, желавшего уяснить причины восстания декабристов, Пушкин изложил свое мнение в записке «О народном воспитании». По прочтении правитель глубокомысленно на ней начертал: «Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению... безнравственному и бесполезному»²¹. Университеты император считал рассадниками вольнодумства. Запретил прием в них лиц из низших слоев общества, выхолостил учебные программы, установил за университетами полицейский надзор и запретил ученым свободный выезд за границу.

Важность просвещения для исторического процесса подчеркивал в XIX веке профессор-историк Казанского университета А. Шапов. По его мнению, «вся история России есть процесс ис-

кусственного торможения “умственно-го развития” общества на “научно-рациональной основе”»²².

Политика властей по ограничению общественных наук не прошла даром. Англичанин Т. Шанин, один из создателей и в прошлом ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук, отмечает: «Одной из особенностей России, которая особен-

но видна мне как иностранцу, является та мера, в которой российская интеллигенция думала через литературу — больше через литературу, чем через социальные науки. В XIX веке очень многое из того, что в англосаксонских странах определялось через социальные науки: социологию, экономику и так далее, в России определялось через русскую литературу»²³.

После высылки из Советской России выдающихся отечественных ученых-гуманитариев не приходится удивляться, что молодая общественная наука России оказалась под сильнейшим давлением вне- и донаучной мечты об идеальном обществе²⁴.

Важнейшим качеством образованного слоя большевики считали политическую благонадежность и преданность советской власти. Известны циничные проекторки Н. Бухарина: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер... Мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике»²⁵. Не обошлось и без масштабного участия в «воспитательном процессе» репрессивных органов. Тот же Бухарин писал в 1929 году: «ГПУ совершило величайшее чудо всех времен — оно сумело изменить саму природу русского человека»²⁶.

«Качество» подготовки выпускников советских вузов в области общественных наук оценил И. Берлин, сотрудник

посольства Великобритании в Москве в конце сороковых — начале пятидесятых годов: «В молодежи скорее поощряется интерес к научным и техническим знаниям, чем к гуманитарным, и

Отечественная социогуманитарная интеллигенция проиграла и продолжает проигрывать бюрократии историческое состязание за умы сограждан

чем ближе к политике, тем слабее образование. Хуже всего поставлено оно у экономистов, историков современности, философов и юристов»²⁷.

Анализируя природу системного кризиса в России, известный социолог, академик Г. Осипов указывает: «К сожалению, российская социальная наука... оказалась не на высоте... Социальная наука: фальсифицирует прошлое (главным образом, историю); мифологизирует настоящее (понуждает людей действовать во имя реализации несбыточных мифов, будь то сплошная коллективизация или сплошная приватизация, тотальное планирование или абсолютно свободный рынок); мистифицирует будущее (призывает жертвовать счастьем и нормальными условиями жизни ныне живущих во имя “построения” утопического счастливого будущего для отдаленных поколений)»²⁸.

О природе иррационального в массовом сознании России

В условиях диктатуры скованные догмами «единственно-верного учения» и страхом репрессий общественные науки были не в состоянии обеспечить адекватное наращивание знаний о российском социуме и преодолеть его традиционный социокультурный раскол. Вместо характерного для исторической России размежевания по линии «4% образованных — 80% неграмотных и

16% малограмотных» в советскую эпоху раскол был воспроизведен по иным основаниям. В ходе послереволюционной трансформации архаичного массового сознания возникли качественно различные и разнонаправленные потоки. Рационально-критический метод мышления, современные научно-технические знания совмещались с иррационально-догматическими представлениями о развитии общества.

Советское обществоведение десятилетиями обслуживало очередные утопии советской власти: ожидание мировой революции; строительство социализма в одной отдельно взятой стране; создание материально-технической базы коммунизма, а затем — вновь социализма, но уже с человеческими лицом. История все эти прожекты отвергла. Но воспроизводство в течение 74 лет массовой социально-политической некомпетентности и догматического сознания не прошло даром, во многом обусловив крайне неубедительные итоги реформ конца XX века.

Как и почему российское общество одновременно демонстрирует столь различные, казалось бы, несовместимые, типы сознания? Один из возможных ответов состоит в том, что мир техники не оставляет пространства для мифов и иллюзий: заблуждения и ошибки выявляют первые же испытания технических систем. Изменения в теоретические концепции, расчеты и чертежи вынуждены вносить те же самые люди, что разрабатывали исходную конструкцию. Иное дело общественно-исторические прожекты: социальные утопии проектирует одно поколение, а искать причины их краха вынуждены следующие поколения, по прошествии многих десятков лет. В этом и проявляется дефицит достоверного социально-исторического знания. Недаром советские вожди неоднократно переписывали новейшую отечественную историю и столь упор-

но подавляли социологию. В СССР история стала «непредсказуемой» отнюдь не случайно.

Профанация социогуманитарного образования продолжается и в постсоветский период. Академик И. Янин пишет: «Мы живем в эпоху тотального непрофессионализма, разьедающего все общество — от властных структур до низших ступеней образовательной системы. Средняя школа плодит дилетантов, полагающих, что их мизерного и ущербного знания вполне достаточно... Общество, воспитанное на скандалах, жаждет негатива и эпатажа»²⁹. Если бы речь шла только о средней школе... Учителей воспитывают педагогические университеты.

Отечественная социогуманитарная интеллигенция проиграла и продолжает проигрывать бюрократии историческое состязание за умы сограждан. Социальная мифология советской эпохи замещается в массовом сознании не столько рациональными представлениями, сколько новыми мифологемами: «энергетическая сверхдержава»; «либеральная империя»; «суверенная демократия»; «Россия встает с колен». По сути, это формулы легитимации политического режима — мифы о мудрой и дальновидной власти. С их помощью интеллектуалы, обслуживая интересы правящих групп, программируют массовое сознание, предлагая ему осмысливать происходящее именно в этих понятиях. В обществе низкой политической культуры интеллектуально-изолированные политтехнологии неизбежно вырождаются в манипулирование профанным сознанием.

Вышеизложенное дает основание предполагать: предварительное освоение рационального научно-технического знания есть необходимый этап последующей рационализации знания социогуманитарного и, как следствие, национального мышления в целом. В любом случае модерниза-

ция социокультурного архетипа, рационализация общественного сознания, начатые в предшествующие десятилетия, должны быть продолжены. Отсюда — вопрос о социальной роли социогуманитарной интеллигенции и ее исторической ответственности; вопрос о том, что эта группа интеллектуалов может предложить обществу в качестве результатов своей профессиональной деятельности.

Политическая апатия как отложенная социальная агрессия

Происходящее в России не дает повода для оптимизма. В послании президента РФ Д. Медведева жесткой критике подвергнут госаппарат, который «сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ». Бюрократия, контролируя избирательный и политический процесс, суды, СМИ, бизнес определяет сегодня важнейшие параметры жизни общества, траекторию его движения. Постсоветское общество противостоять антиисторическим стратегиям бюрократии оказалось не в состоянии. Причина — политическая беспомощность, низкий уровень обществоведческих знаний, а потому и массовой политико-правовой культуры.

Не так давно мне довелось участвовать в конференции по гуманитаризации инженерного образования в одном из старейших технических вузов Москвы. В ходе дискуссии студенты заявили: «Нас не учат анализировать актуальные проблемы современной России»; «Нас призывают проявлять гражданственность, но не объясняют, как это делать»; «Нас предостерегают: “не суйтесь в политику — вас там не ждут”». По окончании конференции, обсуждая в узком кругу ее итоги, преподаватели признавались: «у нас некому читать современность». К большому сожалению, это весьма типичная карти-

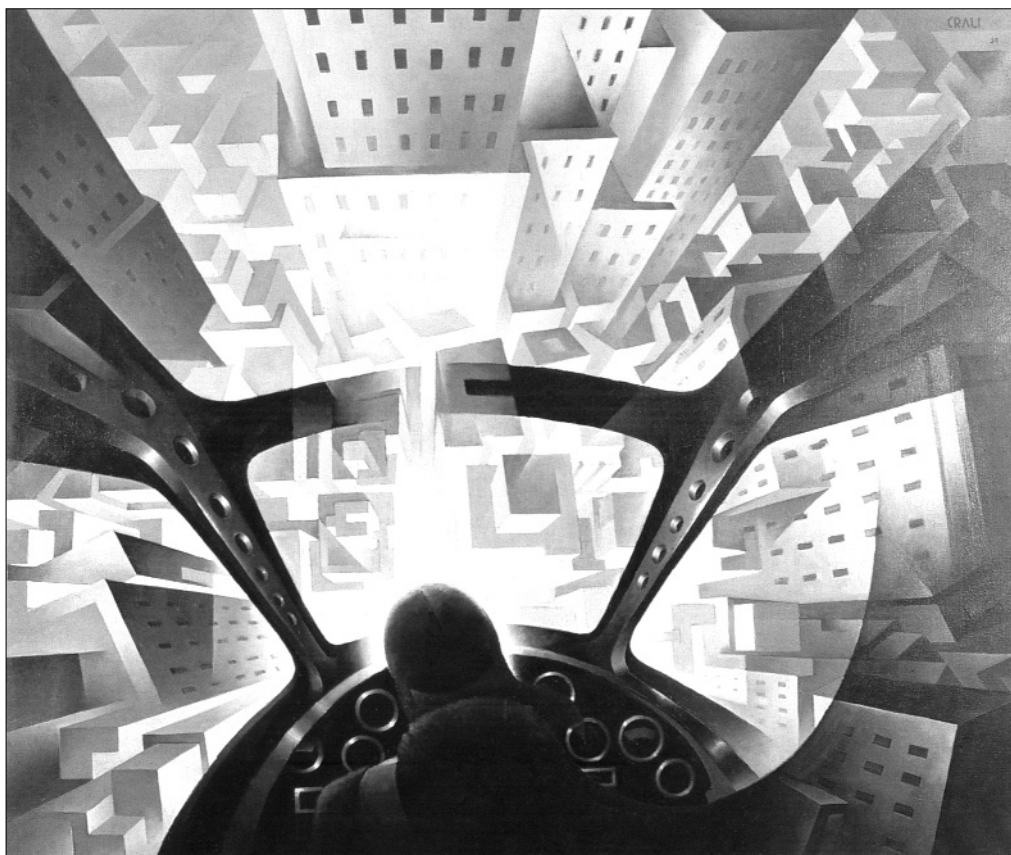
на. Выпускники вузов наряду с высокопрофессиональными знаниями в массе своей уносят в жизнь сознание беспомощных подданных, потенциальных жертв политических манипуляций.

Рост радикальных настроений на фоне социальной апатии большинства молодежи и очевидной неэффективности государственных институтов со всей остротой ставит проблему качества общественно-гуманитарной подготовки старшеклассников и студентов отечественных вузов.

Общество далеко не в полной мере осознает: масштаб и остроту проблемы; последствия движения по инерционной траектории; свое вероятное будущее и сопряженные с ним риски. В ходе дискуссии о реформе высшей школы обсуждаются любые вопросы, кроме качества социогуманитарного образования. Более того, все чаще можно услышать, что в стране перепроизводство юристов, экономистов, социологов, политологов, поскольку значительная часть этих специалистов не востребована рынком. Отчасти это справедливо. Однако, сократив до оптимального приема по указанным специальностям, необходимо существенно поднять качество обществоведческой подготовки всех без исключения выпускников высшей школы, вне зависимости от профиля будущей специальности. Каждый россиянин по достижении 18 лет получает политические права, и от его политического выбора зависит будущее страны.

Возможна ли рационализация общественного сознания?

Известно: социальные практики не могут выйти за пределы сформировавшихся культурных программ. Аналогичным образом работают социокультурные факторы и в области политического поведения. Наличная политическая куль-

Тулио Кралли. *Incuneandosi nell'abitato* (Вклиниваясь в обитаемое). 1939

тура способна воспроизводить только тех политических лидеров и только ту политическую элиту, которые она продуцирует. И редко когда что-то большее. В равной мере это относится и к вертикально ориентированным структурам власти. Поэтому будущее России в решающей степени зависит от наращивания массовой социальной компетенции и политико-правовой культуры. Особого внимания заслуживают в этой связи, на мой взгляд, несколько ключевых элементов:

— **необходимость личного участия граждан в политико-правовом процессе.** В современном сложно-структурированном обществе право рождается в ходе и в результате политического процесса. И от того, в какой мере социальные группы научились продвигать и согласовы-

вать в законодательстве свои интересы, зависит сохранение макросоциального компромисса — предотвращение нарастания социальных противоречий до уровня общественно-политического кризиса и тем более революционной ситуации;

— **проблема ответственности общества за свое будущее,** не освоенная сумеречным массовым сознанием России. Не имея возможности влиять на решения властей, более 80% россиян отрицают свою ответственность за происходящее в стране³⁰. Однако истории нет дела до наших субъективных намерений. Социально-экономическое благополучие большинства суть принудительная форма реализации исторической ответственности народа за свою судьбу;

— **национальная духовность.** Как правило, смысл этого понятия в явном виде не раскрывается, оставаясь на уровне интуитивного постижения. Одно из возможных его рациональных наполнений — христианский гуманизм, идеалы и ценности гуманистического учения. Тысячу лет Русская православная церковь стремилась воспитывать народ в духе этих идеалов. В XIX веке в процесс общественного освоения идей гуманизма включилась классическая русская литература, вдохновляемая теми же христианскими идеалами. Однако история XX века засвидетельствовала: осуществить идеалы гуманизма не удалось. Причина — в отсутствии социальных механизмов реализации этих идеалов. Что не позволило создать такие механизмы? На какой основе они могут быть созданы? А главное, кто субъект формирования в нашем обществе социальных механизмов реализации гуманистических идеалов?

— **политическая конкуренция,** которая отнюдь не является синонимом многопартийности. Сформированная в России политическая система — суть ее имитация. Административный ресурс позволил бюрократии создать правящую партию, доминирующую на грани монополии. Все остальные партии за счет ограничения доступа ко всем видам электоральных ресурсов, заведомо поставлены в неравноправные условия. Это превратило их в политических маргиналов, не имеющих реального влияния ни на законодательный процесс, ни на правоприменительную практику. Даже сложив вместе все свои голоса, оппозиционные «Единой России» депутатские фракции в Госдуме не способны вставить запятую в текст законопроекта без дозволения «единогосов». Дальнейшая монополизация политического процесса неизбежно

приведет к вырождению качества стратегического государственного управления. Исторический прецедент — судьба СССР, который погубила политическая монополия КПСС.

Не имея возможности влиять на решения властей, более 80% россиян отрицают свою ответственность за происходящее в стране

Восстановление реальной политической конкуренции требует наличия второй политической партии, равноценной «Единой России» по объему ресурсов. Это позволит запустить процессы отбора ответственных политиков и депутатов; лучших политических программ; наиболее квалифицированных, профессионально подготовленных чиновников, а значит, будет способствовать и отбору лучших управленческих решений, более эффективной их реализации. В среднесрочной перспективе политическая конкуренция приведет к повышению качества законодательства; позволит сформировать независимый суд, что усилит противодействие коррупции. Только на основе реальной политической конкуренции возможно устойчивое повышение качества государственного управления и повышение уровня жизни населения России.

Совокупность обозначенных проблем дает основание констатировать: несмотря на некоторое продвижение в последние годы, качество массовой общественно-гуманитарной подготовки выпускников отечественной высшей школы все еще не соответствует масштабам исторической задачи — формированию социального правового государства и осуществлению инновационно-демократической модернизации. Преподавательскому сообществу России есть над чем подумать. Система образования обязана воспитывать граждан, а не подданных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Малинецкий Г. Учитель, ученик и шанс для России. // *Компьютерра*, № 42, 2005. — С. 31, 32.
- 2 Зернов В.А. Качество отечественного образования — как условие инновационного развития и конкурентоспособности // *Цивилизация знаний: российские реалии. Труды Восьмой Всероссийской научной конференции. Часть I*. М., 20–21 апреля 2007. — РосНОУ. — С. 11.
- 3 Похолоков Ю. Без пяти минут инженер. // *Политический журнал*. 17.07.2006. — С. 8.
- 4 Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. — СПб., 2003. — С. 383.
- 5 Начальное образование — это образование в пределах четырех классов. Согласно «Статистическим сведениям по начальному образованию в Российской Империи», из общего числа начальных училищ «94% принадлежат к группе... таких, которые, не задаваясь целью сообщения реальных знаний, дают только одну грамотность, более или менее осмысленную». Дерюжный В.Ф. *Полицейское право. Пособие для студентов*. — СПб., 1903. <http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/65-1.htm>.
- 6 http://www.orthomed.ru/ftproot/abort_mr/books/history/1913/1913_14html
- 7 Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. — СПб., 1908. — С. 73.
- 8 Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. — С. 385.
- 9 Менделеев Д.И. Об образовании, преимущественно высшем. // *Заветные мысли*. — М., 1995. — С. 250–251.
- 10 Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. // *Русский исторический журнал*. Т. II. 1999, № 1. — С. 20–22.
- 11 Ключевский В.О. Афоризмы за 1911 год. Цит. по сб.: Из русской мысли о России. Автор-составитель И.Т. Янин. — Калининград, 2002. — С. 267.
- 12 Романовский С.И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. — СПб., 2000. — С. 214.
- 13 Цит. по сб.: Из русской мысли о России. Автор-составитель И.Т. Янин. — С. 300.
- 14 Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М., 1991. — С. 39, 40.
- 15 Ханин Г. Технология рывка. // *Стратегия России*, № 9, 2005.
- 16 Ибатуллин Т.Г. Война и план. — СПб., 1999. — С. 64.
- 17 *Военно-исторический журнал*, 1988, № 10.
- 18 Верт Н. История советского государства. — М., 1995. — С. 258.
- 19 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. — М., 1983. — С. 294.
- 20 Цит. по сб.: Из русской мысли о России. Автор — составитель И.Т. Янин. — С. 267.
- 21 Гудзенко А. Русский менталитет. — М., 2003. — С. 120.
- 22 Романовский С.И. Нетерпение мысли... С. 32.
- 23 Шанин Т. Лекция «История поколений и поколенческая история России». Прочитана 17 марта 2005 г. в дискуссионном клубе Интернет-портала «Полит.ру», <http://www.polit.ru/lectures/2005/03/23/shanin.html>.
- 24 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. — Новосибирск, 1998. — С. 475.
- 25 *Огонек*, 1990, № 50. — С. 18.
- 26 Радзинский Э.С. Сталин. — М., 1997. — С. 257
- 27 Берлин И. История свободы. Россия. — М., 2001. — С. 501.
- 28 Осипов Г.В. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. — М., 2008. — С.181, 182.
- 29 Янин В.Л. «Зияющие высоты» академика Фоменко. 11 сентября 2003. С. 5. <http://www.hist.msu.ru/Science/DISKUS/FOMENKO/Janin.htm>.
- 30 См.: *Ведомости*, 9.03.2007.

«Сумеречное общество»

И не было ни дня, ни ночи...
Александр Блок

Российское общество начала XXI века воспринимается как вполне стабильное и спокойное, по крайней мере, по сравнению с бурными девяностыми. Его состояние представляет собой некое новое качество. Однако это качество носит скорее «сумеречный» характер. Жесткое выстраивание вертикали власти и весьма эффективный контроль над публичным проявлением политической борьбы не привели к обретению прозрачных правил игры. Если дезорганизация в 1990-е годы носила открытый характер, то теперь внешнее спокойствие скрывает еще более глубокую социальную фрагментацию. Как в «сумеречные времена» стираются различия между грезами и явью, так и современное (постсовременное) общество погружается в манипулятивную среду и утрачивает способность проявлять свою социальную и культурную неоднородность путем внятного публичного диалога. Метафора «сумеречное общество» отражает состояние, вызванное отсутствием социальных регуляторов, позволяющих создавать основания солидарности в масштабах, которые превышают локальные отношения внутри отдельных групп, корпораций и «кланов». Это состояние не могло возникнуть за несколько лет. Оно является следствием процессов, происходивших в достаточно длительной ретроспективе. Подчеркивая важность социальной солидарности в конце XX века, Юрген Хабермас сформулировал тезис о «новом разделении властей». В этом разделении, наряду с такими регуляторами, какими являются деньги и власть, в качестве третьего фундаментального ресурса он называет взаимопонимание и солидарность*. Причем если деньги и власть являются

Дмитрий Горин,
выпускник Школы,
доктор философских наук
(Брянск)

* См.: Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью*. — М.: ACADEMIA, 1995. — С. 94.

основой инструментального действия, на котором строится «системный мир», включающий в себя иерархически выстроенную систему внешних норм и предписаний, то взаимопонимание и солидарность достигаются путем коммуникативного действия, расширяющего пространство жизненного мира.

И хотя в условиях потребительского общества роль денег как регулятора социального поведения возрастает, этот регулятор не может оставаться единственным. В истории России денежные инструменты никогда еще (в том числе и в постсоветский период) не позволяли власти и обществу выстраивать устойчивый и эффективный взаимный контроль. Возможно, это связано с тем, что в поздний советский период основанное на товарно-денежных отношениях потребительское поведение в значительной мере реализовывало себя в нелегальных или полуправовых формах спекуляции, блата* и «черного рынка»**. Эти формы сохраняют свое значение и в постсоветских условиях «кланового капитализма».

Осуждение потребительства в контексте коммунистической идеологии строилось на придании ему антигосударственного характера («Сегодня носишь «Adidas», а завтра родину продашь»). Поэтому неудивительно, что освобождение от всепроникающего влияния государства на закате Советского Союза также основывалось на слиянии антикоммунистических настроений с потребительскими настроениями, которые в постсоветской России оказались более устойчивыми. Потребительский идеал, таким образом, изначально рождался в плоскости, не затрагивающей отношения между властью и обществом. И в 90-е годы минувшего столетия значительные пласты социальных взаимодействий оставались непроницаемыми для финансовых регуляторов. Многомесячные невыплаты мизерной зарплаты, выживание за счет теневой самоорганизации, натурализации хозяйств, непрозрачного бартера и «черного нала» способствовали слиянию денежных инструментов с искаженной, фрагментированной и теневой солидарностью на локальном уровне. Сегодня деньги, оказавшись мощным ресурсом, позволяющим манипулировать обществом, так и не стали силой, способной «запустить» процессы публичного согласования интересов различных социальных групп (бизнеса и власти, производителей и потребителей, работодателей и работников) и расширить тем самым масштабы социальной солидар-

* См.: Гудков Л., Дубин Б. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3 (59). С. 24–39; Ledeneva A.V. *Russia's Economy of Favors: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — P. 83.

** Виталий Найшуль использует термин «административный рынок» для обозначения теневых рыночных механизмов позднего советского общества, компенсировавших функциональную недостаточность плановой экономики. См.: Экономика развитого социализма: административный рынок, застой и нефть. Интервью с Виталием Найшулем // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). — С. 53–58.

Джакомо Балла. *Текущие линии + динамические последовательности — полет ласточек*. 1913

ности. Более того, в условиях скудности доступных способов символического воспроизведения реальности и теневого характера солидарности деньги оказываются скорее механизмом блокирования гражданской самоорганизации. Богатство в России часто воспринимается с точки зрения не инвестирования, а потребления*, что затрудняет его конвертацию в возможность создания широких социальных перспектив.

Поэтому выстраивание вертикали власти опиралось не только и не столько на деньги и необходимость согласования экономических (финансовых) интересов различных групп, сколько на прямую силу (неслучайно российская элита определяется как милитократия**). Легитимация представлений о государственной власти как о «дубине», которая «бьет всего один раз» потребовала более внушительного запугивания населения внешними и внутренними угрозами. Несмотря на

* О связи представлений о богатстве с ценностями развития см.: Портер М. *Установки, ценности, убеждения и микроэкономика процветания* // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. — М.: Московская школа политических исследований, 2002. — С. 65.

** См.: Крыштановская О. *Анатомия российской элиты*. — М.: Захаров, 2005.

заметные успехи в таком запугивании и в попытках представить государство в привычной для обывателя роли защитника от множющихся врагов, стратегия милитаристской мобилизации общества провалилась: советские стереотипы мобилизации (которые давали сбои уже в брежневский период) не могут быть реализованы в обществе потребления. Анекдотично, например, выглядели многочисленные сюжеты начала 2000-х годов, связанные с попытками возобновления военных сборов для военнообязанных запаса.

Характерные для прежних этапов российской истории интервенции в сферу политики военно-мобилизационных стереотипов («осажденная крепость») или мессианских установок (борьба за веру против «бездуховного» Запада) в сочетании с имитацией смуты («власть лучше, чем народ, способный лишь на бессмысленный бунт») в постсоветской России могут быть осуществлены лишь в ограниченном варианте и на основе грандиозных информационных ресурсов. Поэтому мобилизационная идеология милитократической элиты в условиях отсутствия возможностей мобилизации общества могла оказывать лишь поверхностный эффект. Проявление власти как силы обретает формы, которые все сложнее оправдывать публично.

И хотя высшая бюрократия в целом выиграла от перехода к рыночным отношениям, — сохранив административную силу, она в качестве социального регулятора получила еще и деньги, — это не означает, что она усилила контроль над обществом. Скорее наоборот, она его утратила. Впрочем, нынешний режим научился безальтернативно воспроизводить себя в условиях демобилизации общества и минимальной электоральной поддержки*. Укрепление вертикали власти (основанное на интеграции административного и финансового ресурсов) освободило ее от давления извне — со стороны оппозиции и различных групп интересов. Но теперь она разъедается изнутри и демонстрирует неспособность к обновлению и эффективности**. Причина заключается в топологической ловушке, в которую попала вертикаль сконцентрированной на себе самой коррумпированной бюрократии. Она не контролируема извне, поскольку нет никакого внешнего по отношению к ней топоса, откуда можно было бы на нее повлиять.

Самодостаточность основанной на силе и деньгах вертикали власти не только не является эффективной с точки зрения управления, но и способствует дальнейшему искажению процессов социальной солидарности, которые остаются фрагментарными и теньвыми. Свободные от частной выгоды или от прямого насилия власти (пресловутого

* См.: Гудков Л., Дубин Б. *Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма. Очерки.* — М.: Издательство Р. Элинина, 2007. — С. 23.

** См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. *История России: конец или новое начало?* — М.: Новое издательство, 2005. — С. 671–675.

Наталья Гончарова. *Электрическая люстра.* 1913

«административного ресурса») основания социальной солидарности в широком масштабе создать так и не удалось. Возможно, причина этой неудачи состоит именно в том, что солидарность создается только солидарностью, а не силой власти или привлекательностью денег. Потенциал социальной самоорганизации и солидарности оказался неиспользованным не только по причине слабости самих основ этой солидарности, но и в результате усилий власти по блокированию тенденций независимой от режима гражданской самоорганизации. Хотя, конечно, те тенденции, которые власть отторгает, не могут оказать какое-либо существенное влияние не потому, что власть их не примет, а потому, что они слишком слабы. Процессы, происходившие в России на протяжении многих десятилетий, привели к серьезному искажению структур солидарности и доверия именно на локальном уровне.

«*Всем выйти из сумрака!*» — афористичный призыв из «Ночного дозора» Сергея Лукьяненко вошел в употребление несколько лет назад и обрел весьма ироничный оттенок. Ирония отражает тщетность попыток сделать ситуацию более прозрачной. В условиях отсутствия эффективных инструментов социальной регуляции «сумеречная» реальность будет втягивать в себя все новые и новые пространства. Фантастические картины «Ночного дозора», размножившиеся до нескольких книг и фильмов, вызвали заметный резонанс, видимо, потому, что каким-то образом отразили нелицеприятные черты актуальной рос-

сийской действительности. Борьба Светлых и Темных погрязла в бесконечных компромиссах и непрозрачных договоренностях одних с другими. В результате утратилась сама возможность отличать добро от зла, а их извечное противостояние приобрело форму поддержания иллюзорного баланса. Когда наступают сумерки, свет и тени уже неразличимы, а функционирование полицейского государства, в котором численность сотрудников органов правопорядка превышает численность армии, приобретает черты запутанной игры Светлых и Темных: «...на улицах есть не только свет и тьма. Есть еще договоренности, уступки, соглашения. Информаторы, ловушки, провокации. Рано или поздно приходится сдавать своих, подбрасывать в чужие карманы пакетики с героином, бить по почкам, аккуратно, чтобы не оставалось следов. И все — ради тех, самых простых, правил. Охранять закон. Преследовать зло. Защищать невиновных»*.

В «сумеречные» времена разоблачение и срывание масок не ведет к обнаружению подлинного лица — за маской оказывается другая маска. Возможно, поэтому в постсоветской России удается с такой легкостью блокировать потенциал гражданской активности. В свое время идеологическая борьба советского государства разворачивалась в пространстве, которое не пронизывалось прозрачными финансовыми регуляторами. А советское общество научилось выживать в нишах, свободных от идеологии, и организовывать собственное потребление в условиях всеобщего осуждения потребительства. Обретение фискальных механизмов в постсоветской России происходило поверх уже сложившихся теневых структур, а построение вертикали власти осуществлялось вне развития процессов гражданской солидарности. Возможно, отсюда несовместимость риторики власти с ее действиями и несовпадение функционирования денежных инструментов с морально-нравственными нормами. Такое невнятное состояние общества в краткосрочной перспективе может быть вполне устойчивым, но оно не способно стать основой для инновационного развития. Сумерки — это пограничное состояние, вслед за которым наступают «темные времена»** или возникают признаки рассвета. Последнее вряд ли возможно вне легализации солидарности, преодоления ее фрагментарного характера и укрепления институциональных оснований публичного диалога.

* Лукьяненко С. *Ночной дозор*. — М.: АСТ, 2006. — С. 259.

** Характеристику «темным временам» Ханна Арендт дает в соотношении с вопросом о значении публичной сферы: «Если функция публичной сферы — в том, чтобы проливать свет на человеческие дела, обеспечивая пространство яви, в котором люди — делом или словом, к лучшему или худшему — могут показать, кто они такие и что могут сделать, то, значит, наступает тьма, если этот свет гаснет “кризис доверия” и “закулисное правительство”, речь не раскрывающая, а заметающая под ковер то, что есть, и призывы, моральные и прочие, под предлогом защиты старых истин всякую истину низводящие до бессмысленного трюизма». См.: Арендт Х. *Люди в темные времена*. — М.: Московская школа политических исследований, 2003. — С. 8.

Внутренняя холодная война

Восьмидесятые оставили самые пыльное наследство в доме моих родителей — стопки, россыпи и связки журналов и газет. На моей памяти ни одна другая эпоха не оставила столько бумаги; память о 70-х — фарфор и хрусталь, о 90-х — ничего, 2000-е — новая мебель и плоский телевизор. Связки лежали долго. Родители сначала перекладывали их из-под стола в стенной шкаф, потом из шкафа на антресоли. Потом пришлось просматривать и выдирать только «важное». Потом просеивалось и «важное» — даже я участвовал. Сейчас тех вырезок почти не осталось.

Сейчас, когда ничего важного уже нет, 100-тысячный тираж для качественного еженедельника — большая коммерческая победа. А в конце 80-х журнал для интеллигентов, литературный ежемесячник «Новый мир», печатавший романы с продолжением, стихи и публицистические эссе на 5000–8000 слов, выходил тиражом 2,5 млн. Еженедельник «Огонек» продавал по 4 млн экземпляров (а какая была аудитория одного номера! — как минимум один журнал на семью). Столько журналов было, потому что все их тогда читали и еще больше откладывали, чтобы потом дочитать. А читали, потому что никогда до того и никогда после не было в журналах столько важного и не было столько новых имен. Новые имена приходили из-за границы или из подполья.

В подполье и за границей все эти люди оказались в основном благодаря Юрию Андропову, председателю КГБ в 70-е годы и генсеку в 1983–1984 годах.

В 1973 году он писал в докладной записке в Центральный комитет КПСС: «Между народом и наиболее передовыми представителями интеллигенции, Сахаровым и Солженицыным, воздвигнута стена, которая ничуть не ниже и не безвреднее берлинской» (Докладная записка председателя КГБ Андропова в ЦК КПСС 14 ноября 1973 г. Цит. по Г. Горелик. Андрей Сахаров: наука и свобода. М.: Вагриус, 2004). Это не были слова самого Андропова — он цитировал Лидию Чуковскую. Андропову, убежденному борцу с инакомыслием, вероятно, понравилась метафора.

Максим Трудолобов,
редактор отдела
комментариев газеты
«Ведомости»

Оказалось, что сравнение с Берлинской стеной подходило и диссидентке Чуковской и ее гонителю. Если сами диссиденты считали, что стена выстроена, значит, секретные службы хорошо поработали. Не нужно было ни физических стен, ни лишних арестов. Граждане, создававшие проблемы, просто лишались возможности печататься, выдворялись из городов, отправлялись на принудительное лечение, в крайнем случае — выдворялись за границу. Через год после того, как Андропов докладывал о своих успехах в отделении народа от нарушителей спокойствия, из страны были высланы Александр Солженицын и Александр Галич, автор и исполнитель «антисоветских» песен. А в том самом 73-м Андрею Сахарову пришлось пережить кампанию травли, начавшуюся с гневного антисахаровского письма в газету «Правда», подписанного 40 советскими академиками. В тот год родители отвели меня в ясли и они еще не могли прочесть «Архипелаг Гулаг», а песен Галича я в доме не помню. Так нас отгораживали стеной от тех, кто больше знал и был умнее нас. Для нас, по эту сторону стены, их просто не существовало. «У Берлинской стены, отделяющей одну часть народа от другой, при попытке через нее перебраться охрана открывает стрельбу, — продолжал Андропов цитировать Чуковскую. — Каждый выстрел гремит на весь мир и отзывается в душе каждого немца. Борьба за душу “простого человека”, за право, минуя цензурную стену, общаться с ним, ведется в нашей стране беззвучно». Все действительно было очень тихо. Люди в большинстве исчезали не в тюрьмах (были и сроки, но для самых опасных), а в безвестности. Напуганных, отчаявшихся, разочарованных в самой возможности что-либо сказать вслух было больше, чем репрессированных. Сталин делал из мыслящих людей врагов, Андропов — маргиналов, подонков общества.

Пролом в стене

Первое «большое» возвращение — и первый серьезный пролом в стене — случилось в начале 1986 года, когда Михаил Горбачев позвонил Сахарову, который к тому моменту провел шесть лет под домашним арестом в Нижнем Новгороде. Генеральный секретарь партии разрешил академику вернуться в Москву. «У вас есть там квартира, — сказал Горбачев, не произнеся ни слова извинений, — возвращайтесь к вашей патриотической работе». Есть старая традиция — новый царь возвращает пленников старого. Это был именно такой жест, но прозвучавшие слова были важны. Пострадать за критическое отношение к советской системе было теперь не болезнью, не антисоциальным поведением, а патриотической работой. Когда Сахаров приехал, стало ясно, что очень немногие разделяли его мнения — он был далеко впереди. Но он всеми был принят как моральный авторитет. Именно он задал человеческий тон второй половине 80-х годов в России. Основы авторитета были, конечно, заложены раньше. Еще тогда, когда Сахаров был полумифическим академиком, неизвестно почему взбунтовавшимся против системы. «Десятки раз я слышал: вот напишу академику Сахарову! Поеду в Москву к академику Сахарову... И адреса-то человек не знает. Да, может, и знал бы — не поехал. Тут важно другое. Появилось ощущение новой инстанции», — писал Сергей Довлатов в «Марше одноногих». И вот теперь эта «инстанция» стала — на короткое, впрочем, время — почти официальной. Можно было теперь не просто рассказывать анекдоты про КПСС, то есть уходить в иронию, перекладывать ответственность за происходящее на старых идиотов-вождей, а вполне всерьез называть своими именами все, что возмущало и раздражало, все, что было непонятно и абсурдно. Не так уж много? Но, су-

дя по разговорам родителей, ощущалось это как большой шаг. Прийти от отрицания реальности к тому, чтобы отдать себе в ней отчет и собственную болезнь назвать болезнью, — это большой шаг. Это было время чтения, открытий и размышлений. Время рефлексии национального масштаба. Заметим, что это было отрезвление и на физическом уровне: стали меньше пить. Во второй половине 80-х власти начали ненавидимую всеми антиалкогольную кампанию. Инициаторы «мер по преодолению пьянства и алкоголизма» справедливо полагали, что одной из важнейших причин застоя в экономике была всеобщая расслабленность, или, как тогда говорили, «халатное отношение к труду».

На трезвую голову

Горбачева за борьбу с водкой ругали, кампанию считали провальной, но умирать в стране стали меньше. Дэниел Трейзман в известной работе «Алкоголь и ранняя смертность в России» (Alcohol and Russia's mortality crisis: Policy, prices, and self-destructive drinking by Daniel Treisman) указал на связь между двумя явлениями: доступностью водки и ростом смертности. Если в 1990 году на среднюю месячную зарплату можно было купить 10 литров водки, то в 1994-м — уже 46. Рост цен на водку как на «социальное лекарство» в начале 90-х вполне сознательно сдерживали. В ларьках появился спирт в литровых бутылках. В отличие от продуктов, одежды и, например, детских вещей, крепкая выпивка самого чудовищного качества становилась доступнее, и все ограничения на торговлю спиртным были сняты. Результат известен: именно на 1990-1994 годы приходится первая постсоветская волна роста смертности. Дело, конечно, не только в физическом пьянстве. В 80-е годы не только пили меньше, но читали и думали — больше.

На трезвую голову были прочитаны книги, которые раньше не издавались. Мемуары эмигрантов, собрания сочинений запретных писателей, книги мистиков, христианских проповедников и йогов были мгновенно напечатаны, куплены и прочитаны. Люди шли в театры, церкви и библиотеки. В 90-е люди стали ездить. Было сделано множество географических открытий. Географию в СССР всегда преподавали мучительно хорошо: контурные карты мы все раскрашивали, понимая, что поехать-то никуда не сможем. А тут все вдруг открылось и стало возможно увидеть тот мир собственными глазами. Стало понятно, как живут другие и как мы могли бы жить. Много тогда было познано в сравнении.

И это создало рабочее настроение. Настроение было — работать, а не убеждать весь мир в своей национальной исключительности. Но период моральной трезвости был недолгим. Экономические трудности и дешевая водка давали о себе знать. Читать и думать перестали, и возгонка мессианства началась снова. Нулевые годы стали временем нового опьянения — не столько алкоголем (но и алкоголем тоже: вторая волна роста смертности приходится на 1998–2004 годы и тоже связана с доступностью водки), сколько ростом доходов и ростом потребления. Эта волна теперь заканчивается. Самое интересное теперь — каким будет новое пробуждение. Будет ли оно трезвым или захочется снова начать какую-нибудь войну и что-то доказать миру? Можно лишь напомнить, что отрезвление 80-х сопровождалось ростом тиражей прессы и книг. Сегодня чем-то похожим, наверное, было бы радикальное увеличение интернет-аудитории. Этого не чувствуется, но, может быть, еще рано говорить. Важно понять, что было с Россией тогда и почему национальное пробуждение в принципе могло случиться.

Джакомо Балла. Пессимизм и оптимизм. 1923

Правильно — неправильно

Детство новой, то есть несоветской и неимперской, России — это настойчивые поиски новой идентичности. Поиски проходили в обстановке еще старорежимной, но (почти) безопасной. От тоталитарного государства оставались только декорации, система была уже не только не страшной, но и смешной. Это хорошо помнится по школе. Было ясно, что школьные программы, как минимум по истории, обществоведению и литературе, устарели, а новым еще неоткуда было взяться. Новой генеральной линии не было.

Учителя делились на людей с чувством юмора (как правило, учителя математики и физики) и без (историки и литераторы). Первые, возможно, потому что естественники, реальность признавали, вторые — знатоки истории партийных съездов и литературы социалистического реализма — упрямо отказывались. Они боролись за свой уходящий мир как могли. «Почему решения 27 съезда КПСС важны не только для партии, но и для всего советского народа?» — прицельно глядя на меня спрашивала Раиса Владимировна. «Может быть, потому что у нас только одна партия?» «Неверно. Ты, Захаров?» «Потому что она является руководящей и направляющей силой в обществе». «Правильно».

Но Раиса Владимировна, судя по напряженному выражению ее лица, сама не очень-то знала, кто теперь руководящая сила и что теперь правильно. Ничему, кроме того, чтобы следовать методическому пособию, ее не учили, а методические пособия сильно отставали от жизни. Примерно то же происходило в стране в целом.

Идеал в прошлом

«Как правильно» не знал толком никто. Гласность была объявлена, но не было объявлено, что именно следовало те-

перь гласно обсуждать. Здравый смысл подсказывал, что следовало признавать недостатки. Мысль самых передовых людей того времени — о ней я знал от папы, который читал все журналы и пересказывал самое важное, — сводилась к следующему. Нужно было признать недостатки последних лет и вернуться к тому чистому, непорочному пласту, начиная с которого все пошло неправильно. Возродилась близкая славянофилам идея поиска утраченного идеала в прошлом. Но если славянофилы верили, что мы были богоносцами во времена допетровской Московии, то прозревшие коммунисты мечтали о досталинской Советской России.

В ортодоксальной советской картине мира не было места ошибочным поворотам истории. Само признание возможности отбросить наслоения последних лет как неверные было революционным. Споры шли о том, насколько серьезно разбирать государственное здание, чтобы добраться до прочного фундамента, на котором начинать строить заново. Самые осторожные предлагали только слегка перебрать крышу и залатать щели посредством бескорыстного и самоотверженного труда, как на стройках первых пятилеток. Но как мотивировать людей, если Гулаг как производственный комплекс был уже демонтирован, а КГБ был так занят борьбой с инакомыслием, что разучился принуждать граждан к труду?

В 1987 году в ставшей очень влиятельной статье «Авансы и долги» экономист Николай Шмелев предложил отмотать пленку на 60 лет назад, к «новой экономической политике» Ленина. Главный тезис Шмелева — от административных рычагов управления вернуться к экономическим стимулам — звучал логично и привлекательно. Но НЭП был крайне неудачен как идеал из прошлого. Это была временная политика полурынка, на которую Ленин со-

гласился только когда осознал, что теряет власть. Ради удержания власти в разоренной и обозленной на большевиков стране он ослабил контроль над экономикой только для того, чтобы в будущем, в ему одному известный момент полностью вернуть управление экономикой государству. Такие условия не похожи на фундамент, на котором можно что-либо построить.

Мечту найти точку опоры, находящуюся где-то до сталинского поворота, не оставляли до 1989 года. Но Первый съезд народных депутатов СССР заставил копать глубже. Во время споров на съезде, который, как мыльную оперу, смотрела по Первому каналу вся страна, прозвучало немыслимое прежде: ошибкой была сама Октябрьская революция. Возвращаться нужно к добольшевистской России. К концу 1989 года межрегиональная депутатская группа призывает к отмене 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС, и это было встречено без негодования.

Перемирие в гражданской войне

Но главное, что произошло тогда, благодаря чтению и трансляциям съезда по телевизору, — стала растворяться и почти исчезла (на время) стена между народом и «наиболее передовыми представителями интеллигенции», которую убийствами, цензурой и ссылками строили партийные идеологи и их подручные из КГБ.

Народ временно стал интеллигентней? Или наоборот? Скорее, другое — появились признаки появления на месте «советского народа» нового общества, пытающегося превратиться в нацию. Стена растворилась, потому что советскому народу хотелось выйти за пределы самого себя, посмотреть на себя со стороны, чтобы понять: откуда мы все такие взяли и кто мы такие? Отсюда и небывалый прежде интерес к истории собственного происхожде-

ния. «Генезис становится злобой дня. Это уже не только старое, но и совсем новое... откуда? — без которого не узнать, куда?», — это цитата из еще одной важной статьи того времени, интервью историка Михаила Гефтера журналисту Глебу Павловскому, озаглавленное «Сталин умер вчера» (журнал «Век XX и мир», 1987).

Это означало, что наследство Сталина еще свежо и по-настоящему не осмыслено, не говоря о том, что преодолено. Главной составляющей сталинизма Гефтер называл перманентную гражданскую войну. После победы 1945 года Сталин увидел в людях, вернувшихся с фронта, поверивших друг в друга и в свое единство как народа, опасность для себя. Чтобы остановить единение общества и появление думающей нации, Сталин затеял очередную смуту: люди снова вставали против людей, враги снова строили козни, снова страна кишела «изменниками». Параллелью внешней холодной войне между СССР и Западом была внутренняя холодная война в СССР — размежевание на своих и чужих, на принявших правила игры и отказавшихся их принять. Обе войны прекратились с падением Берлинской стены, но на «внутреннем фронте» мир, достигнутый в конце 80-х, оказался скорее коротким перемирием.

Каша в головах

Тогдашняя жизнь казалась мне веселым сумбуром. Практически все старое было отменено — не формально, а морально, а нового ничего не было. Не было ни новых правил, ни новых учебников, ни понимания как их писать. Мы издевались над лектором, читавшим нам на первом курсе привычную ему «Историю КПСС», но чем ее было заменить? Историей Гулага и историей церкви, сказал бы я тогда — по запальчивости тех лет. Но ни к че-

му подобному большинство не было готово. Да и не было преподавателей, способных составить и прочитать такие курсы.

Сейчас, глядя назад, я вижу, что тогдашняя путаница была не таким уж веселым приключением. Смятение и замешательство были трагическими, учитывая, что времени на раздумья о судьбах России и мира не было никакого — страна стремительно шла в экономическую пропасть, — а ничего кроме таких раздумий тогда не получалось.

Где было искать правды в той ситуации полной неопределенности? Кинулись издавать писателей и философов русской эмиграции. Но что они могли предложить? Они могли погрузить читателя в споры вокруг метафизики всеединства Владимира Соловьева, в рассуждения о трагедии творчества и «греховности чувства собственности» (Николай Бердяев). Иван Ильин (любимый, кстати, нынешним премьер-министром Путиным) рассуждал о том, что западное понимание права ущербно, поскольку создает лишь гарантии для индивидуалистической самореализации граждан, позволяя в том числе и свободу в грехе. Не случайно, видимо, эта точка зрения часто звучит в исполнении близких к Путину иерархов Русской православной церкви.

Эмигранты-философы, жившие в Европе и США, отчаянно сражались друг с другом за свое видение «чаемой России», идеальной страны будущего. У них были четкие представления (у каждого свои) о религии и обществе, о том, что первично — право или духовность. Но никто из них — ни либералы, ни консерваторы — не понимал экономики. Их споры были очень интересны мне, студенту, но они, пожалуй, не были товаром первой необходимости в

бедной, запутавшейся стране, у которой только что рухнула экономическая и социальная система.

Мыслящие люди, жившие в стране, тоже не могли никак помочь делу. В боль-

Параллелью внешней холодной войне между СССР и Западом была внутренняя холодная война в СССР — размежевание на своих и чужих

шинстве своем они были не специалистами-практиками, а правозащитниками и носителями высоких моральных ценностей. Команды специалистов, которых можно было посадить за разработку переустройства экономики, просто не было.

Но это стало ясно чуть позже, после 1989 года. А пока казалось, что есть время подумать о том, как обустроить Россию и ликвидировать общую неграмотность. Шлюзы открылись, и к нам в тихую заводь повалило все, что было недоступно целым поколениям. Людям, 70 лет варившимся в собственном соку и получавшим только отфильтрованные цензурой впрыскивания иностранной культуры, предстояло быстро переварить то, что их ровесники неторопливо осваивали годами: все от представлений об экономике и рынке до современной одежды и предметов гигиены.

Трагедия была в том, что времени за стеной, в большом мире, прошло слишком много. Реальность, в которой действовало поколение первых эмигрантов, давно ушла. Это они были уверены, что советский режим вот-вот рухнет и потому готовились, как могли, к возвращению. Последующие волны эмиграции ни на какую «чаемую Россию» уже не надеялись. Да и внутри к радикальным переменам никто готов не был, глубокого понимания современного мироустройства не было, не откуда было взяться.

Закон маятника

Александр Волков, доктор исторических наук

Финансовый, кризис, зародившийся в США и распространившийся на весь мир, последующие депрессивные явления в экономике, в ее реальном секторе, превратившие этот кризис в глобальную катастрофу, покачнули не только учреждения этой сферы, но и самые устои экономической теории, а бы даже сказал — социальной теории в полном объеме. Наука как бы вернулась в пору дискуссий времен первой депрессии в США, в частности, между известным либеральным экономистом Ф. фон Хайеком, считавшим попытки конструирования социальной реальности с помощью государства «пагубной самонадеянностью человеческого разума», и Джоном М. Кейнсом, возлагавшим на государство миссию спасения от депрессии и вывода экономики из кризиса. И теперь в центре внимания оказался вопрос возможностей саморегулирования рыночной экономики и роли в ней государства. Но вместе с тем и нечто большее...

На практике все или почти все государства, начиная с США, кинулись спасать свои банки и другие частные структуры путем гигантских денежных вливаний и даже национализировать их. А ведь уже во времена Адама Смита экономическая теория решила почти целиком положить на регулиющую роль «невидимой руки» рынка и отвела государству лишь роль «ночного сторожа», то есть — поддержание порядка и охраны или защиты частной собственности. Либеральная теория стремилась, по крайней мере, минимизировать вмешательство государства во взаимодействие частных интересов. И, казалось бы, совсем недавно, в 1989 году, американский теоретик японского происхождения Фрэнсис Фукуяма в своей нашумевшей статье «Конец истории?» написал о полной победе либерализма.

Позднее он признал, что говорить о конце всяческого развития было ошибкой, но едва ли предполагал тогда, что его заблуждения окажутся гораздо значимее. А в недавней статье в еженедельнике «Newsweek» практически полностью пересмотрел свою концепцию и с присущей ему некоторой легкостью заявил, что либеральные принципы завели Америку в тупик и поставили весь мир на грань экономического коллапса. Он признал, что развитие общества не может остановиться, движение его непременно продолжится. Но что это за движение? Как мир будет развиваться?

Теоретики в своих поисках ответа на этот вопрос оказались довольно робкими, они рассматривают в основном конкретные вопросы —

о том, скажем, как поведет себя доллар, сумеют ли подняться банки, а у нас — обойдется ли дело без национализации собственности «олигархов». Юрий Лужков, например, высказался в интервью «Коммерсанту» в том духе, что без этого не обойтись. Но ведь вопросы, поставленные кризисом, куда масштабнее. Не случайно кто-то заговорил о крахе именно либерализма, даже о возможном будто бы глобальном торжестве социализма повсюду в мире, начиная с той же Северной Америки, которая «национализировала» кое-какие банки. И всех заинтересовал Китай, который оказался сравнительно мало затронутым кризисом. Более того, он даже стремится, и довольно успешно, использовать его для укрепления своих позиций в мире. Примечательны слова известного китайского экономиста Тан Миня: «Нынешний глобальный финансовый кризис предоставит Китаю огромные возможности в ходе формирования нового экономического порядка». Эта страна, похоже, и впрямь будет иметь влиятельнейший голос при установлении «правил игры» на обновленном мировом рынке.

Пересмотр роли государства лишь как «ночного сторожа» начался уже тогда, когда стала развиваться глобализация экономических процессов, и вместо множества локальных рынков начал формироваться единый мировой рынок. С тех пор как американский экономист Э. Люттвак ввел в обращение понятие «геоэкономика», стало ясно, что в международной конкуренции на этом рынке основными акторами стали не столько отдельные частные фирмы, сколько мощные национальные и межнациональные народно-хозяйственные комплексы, поддерживаемые или, скорее, возглавляемые государствами. Новое понятие «геоэкономика» все теснее сливалось с понятием «геополитика», и политические средства вошли в арсенал средств воздействия на экономическую, рыночную ситуацию. Представьте себе только сырьевой рынок, нефтяной, газовый, и это станет очевидным.

Логика рыночной системы уже привела к такому вот парадоксу, когда ее законы не действуют в кризисной ситуации, и рыночные структуры взывают о спасении к государству.

В России сложилось два течения экономической мысли, которые по-разному рассматривают возможность преодоления возникших проблем и дальнейшего развития экономики. Одно из них, включающее большинство экспертов, делает ставку на саморегулирование экономики и конкуренцию частных интересов, признавая, однако, что до сих пор без вмешательства государства (будто бы временного) пока обходиться не удавалось. Другое течение возлагает главные надежды именно на государство, его организующую роль, его инвестиционную политику. А правительство штампует одну госкорпорацию за другой. И уже почти не осталось крупных предприятий, в которых не участвовал бы государственный капитал.

Мне, да не только мне, приходилось уже писать, что многие понятия, «работавшие» в прошлом, сейчас не годятся для анализа и объяснения действительности. Маркс в свое время выводил развитие и прогнозировал будущее из противоречия между трудом и капиталом, их единства и борьбы как противоположностей. Он предрекал неминуемую гибель капитализма. Однако уже Энгельс, его близкий друг и соратник,

Умберто Боччони. Уникальные формы непрерывности в пространстве. 1913

незадолго до смерти написал, что они с Марксом ошибались, что капитализм оказался намного жизнеспособнее, чем им представлялось, что он неизменно и успешно разрешал свои внутренние противоречия, находя способы приспособления к новым реальностям. «История показала, — писал он во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции», датированной 6 марта 1895 года, — что и мы, и все мыслявшие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства», капиталистическая основа «обладала еще очень большой способностью к расширению» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 535). И далее: «История пошла еще дальше: она не только рассеяла наше тогдашнее заблуждение, но совершенно изменила и те условия, при которых приходится вести борьбу...» (там же). Но в Советском Союзе будто и не знали этих строк. Когда мы в своей стране изучали «главное противоречие» глобального масштаба — «противостояние двух противоположных общественных систем как выражение противоречия между трудом и капиталом», западная цивилизация постепенно вырабатывала модель общества, которое находит разрешение своих внутренних противоречий без революций и иных социальных потрясений. Вырабатывала с трудом, не сразу, идя через эти самые потрясения, через колебания маятника, качавшегося между двумя полюсами — капиталом и трудом, рынком и государством. Интересы стороны труда выражались сначала в деятельности профсоюзов, затем — социального государства, наконец, возобладали более прямые отношения предпринимателей и персонала предприятий, точнее — отдельных наемных работников. С развитием высокотехнологичных производств стал необходим лишь наемный работник-индивидуалист, чье благосостояние и положение в корпорации зависят только от способности постоянно совершенствовать свои знания и умения, переучиваться и гибко реагировать на требования рынка труда. Развитию индивидуализма способствует изменение трудового законодательства, обеспечивающего все более и более надежную защиту наемного работника, побуждая его предпочесть индивидуальные соглашения коллективным. Трудовые отношения нового типа опираются на вовлеченность персонала в интересы фирмы (передача наемным работникам части акций и другие формы), а это означает размывание противостояния сторон в пользу корпоративизма и неопатернализма, прямого диалога между менеджером и работником на индивидуальном уровне.

Новая основа этих отношений возникает именно в самой сфере производства, все более базирующегося на достижениях науки, высоких технологиях, возрастающей роли знаний и умения работников. Обладатели материального капитала, воплощенного «в станках и цехах», встречаются теперь на рынке труда с обладателями капитала нематериального, сосредоточенного в мозгу человека, тех знаков-символов (по О. Тоффлеру), которые стали самым мощным средством приумножения богатства. Они выступают со все более равных позиций. Недаром некоторые исследователи настаивают на приобретении работником новых знаний как средства большей социальной защищенности.

Хотя во время кризиса отношения между предпринимателями и персоналом, особенно сокращаемым, заметно обострились, основная тенденция остается действующей.

В истории развития экономики чередовались периоды, когда успешно работала теория и практика, связанная с полным доверием концепции саморегулирования и свободной конкуренции, главной их роли в стимулировании прогресса, и этапы, когда вмешательство государства в экономику становилось острой потребностью. Это легко увидеть на примере Германии, где к власти приходили то социал-демократы, придающие государству очень значительную роль (социальному, добавим, государству), то христианские демократы, последовательные правые, делающие основную ставку на саморегулирование рынка. Примерно так же менялись акценты в экономической политике в связи со сменой у властных рычагов лейбористов и консерваторов в Англии, хотя консерваторы во многих сферах жизни ставили государство очень высоко. Сама смена власти и государственной экономической политики определялась изменениями общественной реальности и приводила к успеху лишь тогда, когда этой реальности соответствовала наиболее полно. Надо сказать, что в периоды господства частнособственнических отношений и рыночной конкуренции производство развивалось наиболее быстрыми темпами и отличалось высокой эффективностью. Но при этом нарастала дифференциация доходов, а в результате назревало ощущение социальной несправедливости общественного устройства, и вот тогда в политической сфере настроения смещались в сторону тех сил, которые ориентируются на государство и его социальную роль. Однако в период усиления роли государства в экономике и социальной сфере обнаруживались пороки этой системы, возникали уравнивательные тенденции, снижалась мотивация к труду, особенно творческому, и падала эффективность производства, а общественное сознание начинало склоняться к идеям более свободного рынка.

Интересен в этом смысле пример Швеции. Передо мной книга известного шведского экономиста Класа Эклунда «Наша экономика»*, русское ее издание. Тема «государство и экономика» — ключевая в этой книге, развитие средств государственного воздействия на экономику рассматривается в ней в историческом аспекте. Жизнь постоянно требовала такого вмешательства, и рождались, казалось, универсальные способы регулирования. Они давали положительный результат, но через какое-то время неизменно обнаруживалось, что, не решив до конца одну проблему, они создают несколько новых, еще более сложных. Существует множество суждений о том, что же представляет собой в реальности шведская модель. «Для меня как экономиста и историка, — пишет один из руководителей экспертной группы по пересмотру этой модели Гунар Веттерберг, — речь идет о развитии Швеции в годы с 1870 по 1970, когда одна из беднейших стран Европы превратилась в едва ли не богатейшую страну мира. Шведская модель — это тип созидатель-

* См.: Эклунд К. *Наша экономика*. — М.: Московская школа политических исследований, 2004.

ной, успешной рыночной экономики с передовыми предприятиями, которые выдерживают жесточайшую конкуренцию на мировых рынках. Те прибыли, которые были получены благодаря развитию шведского экспорта, стимулировали развитие всей шведской экономики, сделали возможным создание общества благосостояния с широкой системой социального обеспечения.

Именно это иногда называют шведским социализмом. Но в таком случае — это социализм, существующий в симбиозе с успешно функционирующим капитализмом в качестве необходимого условия».

После 1970 года развитие пошло медленнее, и в начале 1990-х годов разразился экономический кризис, имевший тяжелые последствия для занятости и состояния шведских государственных финансов. Тогда и появилась потребность в пересмотре всех аспектов экономического развития, прежде всего — роли общественного сектора экономики и эффективности социальной политики государства.

Шведское общество часто называют социалистическим. Я, как и Гунар Веттерберг, не склонен согласиться с этим определением, хотя бы потому, что это общество развивалось на основе функционирования капитала, предпринимательства, конкурентного рынка. Понятия «капитализм» и «социализм», по моему мнению, вообще стали трудноупотребимыми, поскольку они отягощены множественными смысловыми значениями, приобретенными за длительный период своего существования, да и вообще не отражают сегодняшней реальности. Потому что обнаружилась несостоятельность тех именно элементов общественного устройства, которые связывались с понятием социалистических ценностей. Это, прежде всего, перераспределение национальных ресурсов с помощью коллективных решений, превращение социальной защиты слабых в нечто качественно иное — в уравнивательное распределение благ, определяющих, в частности, деятельность систем здравоохранения и образования. Шведы столкнулись с тем, что население не желает платить налоги, сильно возросшие с увеличением числа пенсионеров из-за продления жизни, а также расширения спектра потребностей, но не хочет и отказаться от разного рода социальных благ и льгот, обеспечиваемых государством.

В этих условиях шведы отнюдь не бросились в крайность, не отказались от ряда преимуществ общественного сектора, но заново изучили его потенциал, возможности функционирования в новых условиях, а также способы удовлетворения потребностей граждан с помощью частного сектора. То есть — за счет гибкого сочетания достоинств общественного и частного секторов. Насколько же легкомысленнее поступили наши реформаторы, разрушив многое из того, что было нажито трудным опытом, что было несовершенно, но требовало не уничтожения, а именно совершенствования. Шарахнулись от всего, что «пахло»

*Западная цивилизация постепенно
выработывала модель общества, которое
находит разрешение своих внутренних
противоречий без революций и иных
социальных потрясений*

социализмом, даже если это и не социализм вовсе, а общечеловеческие достижения, гуманистические ценности, такие как солидарность, равенство, совместные действия граждан тогда, когда без них не обойтись. Наш социализм и шведский, если все же так его называть, складывались по-разному. У нас он был «введен», объявлен, а капиталисты, носители экономических инициатив, уничтожены. У шведов общественный сектор, именно общественный, а не просто государственный, формировался естественно, вырос из потребностей экономического и социального развития, потребность эту на каком-то этапе испытывал и капитал. Так, видимо, Бог дал возможность испытать социализм в разных ипостасях: как результат революции, в форме мобилизационной системы, организуемой тоталитарным государством, и как продукт естественного экономического и культурного развития, в условиях демократии и соучастия в делах государства. Одной системе сопутствовали человеческие жертвы, подавление личности и нищета, другая развилась в общество благосостояния и уважения прав человека. Однако там и тут проявилась несостоятельность многих элементов, которые отождествлялись с социализмом. Прежде всего обобществления, огосударствления экономики в значительных масштабах, попыток организовать исключительно централизованное управление и уравниловки, за которую уже в начале 1970-х особенно критикуют шведскую модель. Так вот теперь-то есть необходимость, не изолироваться от прошлого, а, напротив, внимательно всматриваясь в него, проследить, как и почему происходят колебания маятника между тем, что мы относили к элементам капитализма, и тем — что к элементам социализма.

Пока экономика разных стран мира не была связана так же тесно, как теперь, пока раздроблен был рынок, а в политике все или почти все определялось «противостоянием двух общественных систем», то есть акцент в мировых отношениях падал на идеологическую составляющую, все поиски моделей экономического и социального развития виделись как частные, да и в самом деле велись в основном в национальных рамках. Теперь, в условиях глобализации все представляется иначе, а именно — как формирование общества, экономико-социальные основы которого характерны для всех или пока для основных стран, наиболее зрелых, а суть их — в постоянном сосуществовании элементов частнособственнических и государственно-общественных отношений, при смене парадигм или моделей, отдающих предпочтение то одной стороне этих отношений, то другой, в зависимости от множества факторов, быть может, прежде всего — производительных сил, основу которых составляет сила человеческая, состояние человека и человеческих отношений в обществе.

Так складывается универсальная экономическая и социальная модель, обогащенная элементами разных концепций — либеральных, консервативных, социалистических, приспособляемая в разных странах к национальной почве и гибко реагирующая на все изменения в мире и в конкретной стране, складывается, собственно, само общество, встраивающееся со своими параметрами в процесс глобализации. Есть все основания предположить, что это надолго. Фукуя-

ма мог бы даже говорить о конце истории — только в том смысле, что этот маятник, качающийся, в частности, между саморегулированием экономики и господством в ней государства, будет качаться если не вечно, то в обозримом периоде нашей истории, пока природные или социальные условия не изменятся кардинально, непредсказуемым пока образом.

Однако в мире, как это было всегда, одновременно действуют разнонаправленные тенденции, и если исследователь обнаруживает одну из них, но не замечает другой, противоположной, то непременно

Складывается универсальная экономическая и социальная модель, обогащенная элементами разных концепций — либеральных, консервативных, социалистических...

должен искать ее, иначе картина мира будет не полной, а следовательно и неверной. Но в случае с глобализацией искать эту противоположность с микроскопом не приходится: отчетливо являет себя оживление национализма, прежде всего экономического. Кризис, с началом которого все заговорили о необходимости противодействовать ему сообща, сотрудничать, не объединил нации, а, напротив, породил стремление замкнуться в национальных квартирах. Это выразилось в протекционизме государств по отношению к «отечественным производителям», введении разного рода преград на пути движения товаров, рабочей силы и т. п. Лидеры стран на международных встречах говорят одно, а действуют прямо противоположно. Представляется, что это опаснейшая тенденция. Не только потому, что разделение рынка на некие секторы сужает возможности предпринимательства и развития производства, не только потому, что затрудняется осуществление необходимых межнациональных акций противодействия кризису и прорыва к созданию новой финансовой системы взамен Бреттон-Вудской, существующей с момента окончания Второй мировой войны, а меры по его преодолению становятся разрозненными и хаотичными. Здесь реальные групповые интересы, существование которых естественно и учет которых в экономической политике правомерен, неизбежно превращаются в идейное противостояние. А как гласит одно из самых знаменитых изречений Кейнса, рано или поздно, во благо или ко злу, опасность создают именно идеи, а не групповые интересы. Осознав единство основных черт современного общества, хотя и своеобразно окрашенных национальными красками, специфичностью условий существования, приняв универсальность его парадигмы, сложившейся в ходе глобализации, человечество получит дополнительные стимулы к взаимодействию, сотрудничеству, толерантности, а значит, и успешному выживанию. И кризис, как всегда, проявит себя как «созидательное разрушение» (Шумпетер), то есть разрешится новыми прорывами как в сфере технологий, так и в сфере человеческих отношений на всех уровнях, включая международный. Во всяком случае, к этому стоит стремиться.

Наша собеседница — *Анастасия Лебедь*, слушательница Школы, журналист и оператор телеканала РЕН-ТВ (Смоленск).

“Как художник, я в первую очередь чувствую картинку ...”

— Анастасия, телеоператор, наверное, не та профессия, о которой мечтают в детстве?

— В детстве у меня не было даже телевизора. Вернее, он был, но для меня не работал: родители полагали, что польза от «ящика» невелика — пусть ребенок лучше читает. И я мечтала стать путешественником; книги о первооткрывателях, золотоискателях и пиратах — вот то, чем были наполнены мои школьные годы. Читала везде и постоянно, место и время никогда не имели значения — и утром в трамвае по пути в школу, и ночью под одеялом с фонариком. Доходило до того, что очередной томик Валь-

тера Скотта маскировался под учебник, а родители думали, что я готовлю уроки. Книжки создавали в моем сознании другие, новые миры, принадлежавшие только мне. Они учили свободе. И этот навык очень пригодился мне, когда я познакомилась с телевидением.

— А как возникло увлечение визуальным искусством?

— Мои родители серьезно занимались фотографией. Помню, каким таинством для меня были все эти фотоаппараты, проявители, увеличители, а главное — всегда, как магнитом, тянуло в комнату, залитую красным светом. Естественно, на всем этом лежало строжайшее табу, что еще больше манило, как все недосыгаемое и запретное. А потом мне подарили фотоаппарат — пленочный «Никон»! Переполнявший меня восторг трудно передать: ведь теперь можно было коллекционировать окружающее пространство, самостоятельно выбирать то, что попадет в кадр, иллюстрировать свои эмоции. Я уверена, что каждый, кто занят любимым делом, найдет истоки своего занятия именно в детстве.

— А первые кадры, какими они были?

— Те первые фотографии — исключительно образы природы. Для меня природа — естественность, свобода от людей, от суеты, от слов. Это полное погружение в глубины мира, стремление осознать многообразие его состояний, поймать настроение погоды, передать сложность оттенков заката, рисунок облаков, утренние туманы, дрожание паутинки, полный штиль, который бы-

вает только поутру, зеленую дымку над ранневесенним лесом....

Я очень рано поняла — чтобы быть хорошим фотографом, нужно видеть то, что другие не замечают, а потом показывать им это так, чтобы они запомнили. Природа — это правда и красота. А что, как не это, в первую очередь достойно изображения?

— Как ты стала телеоператором? Не останавливало то, что, по сути, — это мужская профессия?

— На мой взгляд, все важное происходит случайно: порой ты даже не осознаешь, что в жизни происходит что-то переломное. Меня взяли работать, без кастинга и творческого конкурса. Меня просто увидели — и благодарна я за это Оксане Сергеевне Лаберко. А насчет мужской профессии... Да, так принято считать. Но ведь единственное, на чем выстроено это утверждение, — вес операторского оборудования. Однако при наличии физической подготовки — а я в профессиональном спорте с детства — этот вопрос снима-

ется. Мы же не говорим, что фотограф — мужская профессия, правда? А девушки, мечтающих поступить на операторский факультет ВГИКа, чуть ли не больше представителей сильного пола. Что касается меня, не берусь заявлять, что эта профессия навсегда, скорее — еще один шаг в саморазвитии и расширении горизонтов.

— И все-таки, как чувствует себя девушка-оператор в мужской профессиональной среде?

— Среди коллег-мужчин это все равно, что женщина на корабле — к беде. Я шучу, конечно, но в каждой шутке, как известно, есть доля правды. Сначала мужской коллектив относился ко мне настороженно и даже враждебно. Никогда не приспосабливаюсь к той среде, которую мне предлагают, — я свободный человек и не хочу общаться с теми, кто мне не интересен. Да и с техникой у меня складывались напряженные отношения — поначалу все ломалось и падало. Мужчине подобное терпеть сложно.

— Но наверняка существуют и положительные моменты?

— Плюсов немало. С одной стороны, мужской коллектив дисциплинирует, с другой — особенно остро ощущаешь принадлежность к слабой половине человечества. Особенно когда получаешь помощь, покровительство и поддержку. Однажды на съемках председателя Совета Федерации операторы центральных каналов вытолкнули меня в последний ряд — снимать оттуда было просто невозможно. Но случилось невероятное: Сергей Миронов заметил меня и громко призвал всех собравшихся расступиться и пропустить меня вперед! По-моему, серьезное преимущество.

Одним словом, я не считаю свою профессию мужским делом и всячески подчеркиваю свою гендерную принадлежность — даже в одежде. Например, негласную форму операторов, жилет в сочетании с джинсами, отказываюсь носить категорически.

— Влияют ли эти самые гендерные различия в восприятии действительности на операторскую работу? Можно ли говорить о каком-то особом женском взгляде на вещи?

— Мы иногда действительно по-разному воспринимаем мир и выражаем свои чувства. Способность к эмпатии у женщины более развита, и это позволяет создавать более глубокую психологическую картинку. Иногда настолько погружаешься в человеческое горе, что проблемы другого человека начинаешь воспринимать как свои собственные. И когда удается помочь обманутым дольщикам, страдающим от произвола чиновников, детям из детских домов, которых после наших сюжетов часто забирают в семьи, брошенным на произвол судьбы инвалидам, — испытываешь немалое удовлетворение. Ведь очень часто телевидение становится последней надеждой людей и

единственной возможностью быть услышанными.

Но если работаю в рамках репортажа, женские эмоции могут мешать рациональной оценке того, с чем приходится сталкиваться. Например, снимаю сюжет об убийстве, от ужаса буквально начинает трясти. И спасает лишь то, что на происходящее смотришь через объектив — словно видишь на экране телевизора. Такая отстраненность позволяет сохранить адекватность.

— Телевизионный сюжет — продукт творчества, над созданием которого оператор работает вместе с журналистом. Если говорить об этих взаимоотношениях, то какие сложности бывают здесь?

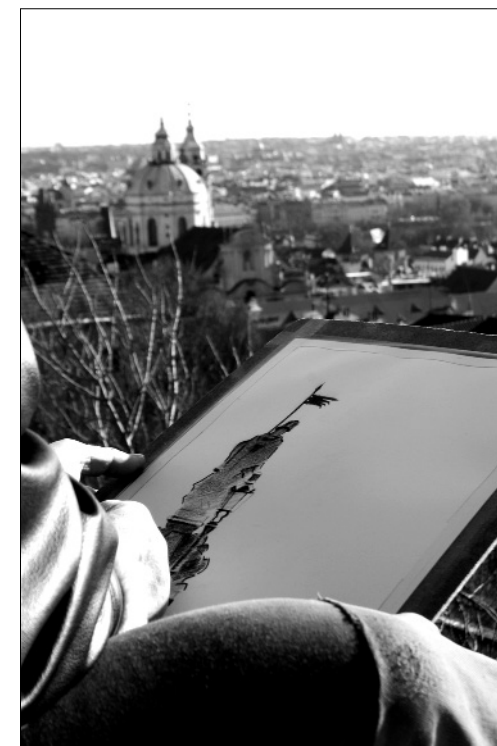
— На мой взгляд, сформированный трехлетним деловым общением с журналистами, главное — понимание того, что вы работаете над одной и той же темой, что успех зависит от вас в равной степени, что каждый должен профессионально выполнять свою часть работы, не вмешиваясь в деятельность другого. Указания, или, скорее, советы, должны носить рекомендательный характер — не стоит забывать, что одну и ту же картинку можно видеть по-разному. Здесь все строится на уверенности в профессионализме друг друга. Постепенно я начинаю работать с теми журналистами, с которыми мне психологически комфортно, и с ними мы становимся командой. И тогда даже в экстремальной ситуации не страшно. Например, однажды на озере Селигер, на ночь нам выдали всего один спальник, который пришлось делить на двоих. Подобные ситуации возникают довольно часто, поэтому взаимоотношения достаточно тесные.

— В чем-то работа оператора напоминает работу скульптора — постоянно приходится убирать лишнее. Как ты определяешь, что главное, а что лишнее?

— В основе видеоизображения лежит фотография. То есть изображение, ограниченное рамками кадра. Что попадет в эти рамки, а что останется за их пределами, решает художник. Многим кажется, что, взяв в руки фотоаппарат, можно сразу начать создавать снимки уровня Хельмута Ньютона или Анри Картье-Брессона. Но часто после первых же опытов приходит разочарование от бессмысленных изображений, в которых нет ни той атмосферы, что присутствовала при съемке, ни композиционной и смысловой ясности. Между тем, как говорил Генрих Гейне, «великий художник, как и посредственность, может порой создать что-нибудь плохое, но никогда ничего лишнего». В кадр должно попасть самое главное — то, без чего потеряется смысл, который автор стремится донести до зрителя. А как понять, что есть лишнее? Очень просто: если какой-то элемент изображения при устранении его из кадра не меняет смысл фотографии, его можно смело убирать. В этом отношении я скептически отношусь к некоторым художникам, например к Джек-сону Поллоку: добавь один мазок, другой мазок сотри, но что изменится?

— Что ты вкладываешь в такое понятие, как образ?

— Для меня представление о предмете зачастую формируется на основе когда-то прочитанного, причем иногда довольно давно. Как говорил мой любимый Набоков, «чем дольше любишь воспоминание, тем оно сильнее и удивительнее». На основе собственных воспоминаний выстраивается индивидуальное восприятие мира, которое я и стараюсь передать зрителю в своих работах. При съемке репортажа происходит моментальное узнавание значимого для меня мгновения и последующее воспроизведение его в форме видеокадра. Иначе говоря, как художник, я в первую очередь чувствую картинку:

она должна вызывать во мне эмоциональный отклик, который в дальнейшем будет транслироваться аудитории. Очевидно, что понимание целостности визуального произведения принципиально отличается от восприятия произведения, скажем, литературного, где необходимо время на прочтение. Между тем целостность картины схватывается глазом мгновенно и сразу. Визуальность же, на мой взгляд, есть врожденное качество восприятия. Но оно все равно вторично и реализуется на основе слова.

— В отборе кадров присутствует рациональное зерно или он всегда производится на уровне эмоций?

— Художник воздействует на зрителя как через сферу неосознанного, так и через область рационального. Второе направление реализуется в основном с опорой на психологию: выбранные картинки должны производить наибольший эффект на зрителя. К тому же для работы оператора неприемлемо,

чтобы его представление о «шедевре» радикально расходилось с представлением публики, которая, в основном, ориентирована на то, к чему она привыкла. В этом смысле моя работа напоминает деятельность политиков или искусство матadors. Это, по большому счету, упорядочение общественного сознания, осуществляемое в особом, новостном, формате.

— *Насколько велика зависимость зрительного образа, используемого в сюжете, от закадрового текста? Существуют ли здесь какие-то пропорции?*

— В нашем мире, в котором темп жизни не позволяет остановиться ни на секунду, где, как в словах Алисы, «если хочешь стоять на месте, надо бежать, а если хочешь двигаться вперед, надо бежать вдвое быстрее», — человек не успеваешь смотреть по сторонам. В итоге он становится не слишком наблюдательным. Поэтому для меня, как проводника в тот мир, который лежит за границей обывательской траектории движения, столь важно переживать настоящее как мгновение, содержащее в себе крошечные вчера и завтра. Ловить эти мгновения, концентрирующие в себе смысл события, останавливать их и посредством «голубого» экрана доносить до зрителя, формируя, таким образом, своеобразную, частную, созданную только мной историю, — такая моя задача. Но степень объективности представляемого изображения зависит от закадрового текста. В дни недавней войны на Кавказе российские и американские телеканалы, по сути, давали в эфир одни и те же картинки, но при этом закадровые комментарии «заряжали» сюжеты совершенно противоположным смыслом. Я, как оператор, должна обеспечить запуск у зрителя механизмов сочувствия. Применение стандартных, ранее использованных приемов здесь не очень помогает, поскольку такой опыт годится

только для подражания, в то время как работа в жанре репортажа — не конвейер, но всегда столкновение со «свежим» состоянием мира, которое надо воспринять и обработать. Причем у меня, как у человека, работающего не со словами, а с образами, тоже есть свои преимущества; ведь существуют так называемые «визуальные метафоры» — такие кадры, которые за три секунды могут сказать то же самое, что полуминутный закадровый текст. Высший пилотаж оператора — это когда можно понять смысл сюжета, даже выключив звук, лишь на основе визуального ряда. Так что предела совершенству нет.

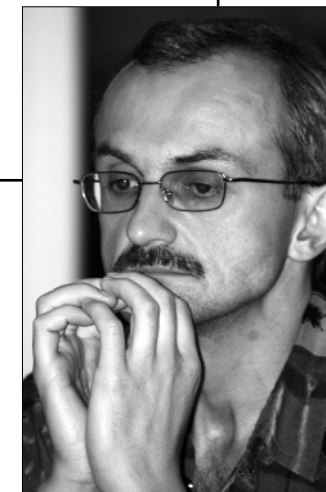
— *Интересно, отличается ли продукт профессиональной деятельности от тех вещей, которые ты делаешь «для себя»?*

— Несомненно. Я вообще, как бы громко это ни прозвучало, не считаю себя законченным профессионалом. Ведь профессиональное искусство — это искусство угождать, искусство быть приятным, искусство быть потребляемым. Профессионал возьмется за любую тему: он просто обязан так поступать. А для меня же это — ограничение свободы. Мне хотелось бы иметь право выбирать, что снимать, а что нет, хотя я и понимаю, что такой подход не вполне «профессионален». Творчество — это полет. Если «профессионал» изначально знает и траекторию своего движения, и конечный пункт назначения, то «любитель» движется по наитию и оттого находится в постоянном поиске, который и позволяет создавать что-то новое, искреннее, свежее. Как говорил музыкант Эрик Сати, «гении — всегда дебютанты». Вот я и стараюсь на все смотреть так, как будто вижу это впервые, как на мир смотрит ребенок...

Беседовала Евгения Формальнова, выпускница Московской школы политических исследований (2008)

Земство в борьбе за первую российскую конституцию

Памяти Катковой Лидии Николаевны посвящается

Евгений Ефремов, выпускник Школы 2008 года (г. Калуга)

Эпоха Великих реформ Александра II принесла с собой создание земств в 1864 году. На них государственной властью была возложена задача заниматься самоуправлением на уровне хозяйственной жизни в границах губернии. Создавая земства, правительство планировало в том числе отвлечь активных граждан от политических вопросов, предлагая им практическую работу, имеющую больше степеней свободы, чем, например, государственная служба. Но самоуправление означало административную децентрализацию. Это вело к ослаблению авторитаризма и содержало в себе зародыш конституции. Год ушел на формирование новой структуры и следующий за ним ознаменовался ни много, ни мало, а обращением Санкт-Петербургского земства в правительство о разрешении создания Всероссийского земского органа и участия земств в законодательной деятельности. Монополией на издание законов в стране обладал государь император, и второе такое обращение в 1867 году закончилось разгромом этого земства. Автократическая традиция доминировала: был наложен запрет на издание общеземского печатного органа. Оставалось уйти в нелегальную борьбу, но дворяне — самый привыкший к политической деятельности класс в России — по своему воспитанию были чужды подпольной деятельности. В связи с невозможностью для земских либералов легально работать и объединяться их выступления оставались спорадическими. Во время террора «Народной воли», с помощью которого она пыталась добиться политической свободы, в 1878 году власти начали домогаться помощи общества в противостоянии крайним радикалам. В такой атмосфере несколько черниговских земцев во главе с губернским гласным Петрункевичем И.И. вошли в контакт с террористами. Встреча состоялась в начале декабря в Киеве на частной квартире. Сторону радикалов возглавлял Дебогорий-Мокри-

вич В.К. Он вспоминал: «В переговорах этих из революционеров принимали участие Осинский (впоследствии повешенный), Ковалевская (впоследствии умершая на каторге) и еще несколько человек. Помню, собрание было открыто речью земца [Петрункевича]. Он развил мысль, что конституционная реформа необходима для России и будет полезна для всех русских групп, а в том числе и для социалистов, так как дает больше простора для деятельности. Затем, как вывод из этого, предлагал соединиться всем группам для добывания конституции... По мнению земца, одним из первых условий для успеха конституционной агитации было приостановление террористической деятельности революционеров, запугавшей известную часть общества, а равно и правительство. С этими требованиями террористы не согласились, переговоры не привели ни к каким результатам»*. Либеральное движение набрало обороты: в самом начале апреля 1879 года в Москве на частной квартире состоялся первый Земский съезд. Все 30 его участников подтвердили, что «...конституционный порядок, покоящийся на силе права и закона, может обезоружить террор и ограничить произвол власти»**.

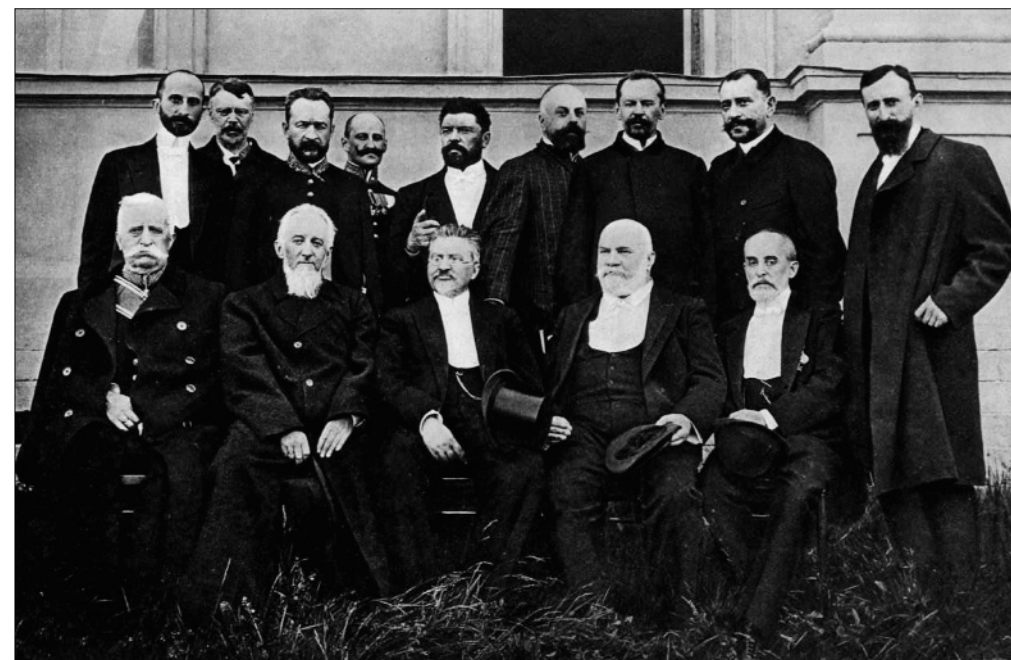
Но эпоха контрреформ остановила движение. Признаки оживления появились в 1891 году в связи с борьбой общества с голодом, охватившим отдельные районы империи. И вот в октябре 1894 года на престол вступил наследник — Николай II. Новый император получил множество приветственных адресов дворянства, купечества, городских дум и земских собраний. Среди последних были 9 обращений, вновь заговоривших о единении царя с народом путем доступа голоса земств к престолу. Ответом им было знаменитое выступление Николая II в январе 1895 года, известное как речь о «бессмысленных мечтаниях».

Реакция была бы иной, существуй в России мощное либеральное движение. Но по самым скрупулезным подсчетам таких людей не могло быть более 1111 человек, из них за конституцию стояло 300 на всю 120-миллионную страну. Среди земцев из либералов 90% — это дворяне, причем не просто помещики, а наследники крупных и крупнейших земельных владений. Каждый десятый из них обладал княжеским, графским или баронским титулом. Это были высокообразованные люди, либерализм которых вырос на почве униженного патриотизма и подавленного индивидуализма.

Выражением давних объединительных тенденций стало образование поздней осенью 1899 года по инициативе нескольких земцев общества конституционалистской ориентации под названием «Беседа». Членами этого дискуссионного клуба, просуществовавшего до октября 1905 года, могли быть только депутаты земских и дворянских собраний. Это полулегальное сообщество издавало большой список литературы, просвещавшей российского читателя как в сфере экономики, так и политики. Конституционалистская фракция не ограничивалась рамками «Беседы», она совместно со своим общеземским лидером

* Белокопский И.П. *Земство и конституция*. — М., 1910. — С. 11.

** Петров Ф.А. *Незаконные общеземские совещания и съезды конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. // Вопросы истории*. 1974, № 9. — С. 43.

Депутация земских и городских деятелей, принятая императором Николаем II 6.07.1905 г. в Петергофском дворце.

Стоят (слева направо): Н.Н. Львов, Ф.И. Родичев, Г.Е. Львов, Ф.А. Головин, Н.Н. Ковалевский, П.Д. Долгоруков, С.Н. Трубецкой, Ю.А. Новосильцев, Д.И. Шаховской. Сидят (слева направо): П.Л. Корф, П.А. Гейден, И.И. Петрункевич, М.П. Федоров, А.Н. Никитин

Петрункевичем установила контакты с левыми, в том числе социал-демократами и «третьим элементом».

Этим устойчивым словосочетанием тогда именовались наемные служащие земств. Их насчитывалось в 1897 году более 46 000 человек, и они составляли самую массовую, оппозиционную правительству группу до самого 1905 года, когда на политическую арену выступил народ. В Тверском, Московском и Черниговском земствах были сильны союзы местных либеральных группировок во главе с руководителями этих земств и служащими. Большое влияние на последних оказывали радикалы, особенно социал-демократы. Именно марксизм в России поднял интеллигенцию на борьбу за свободу в отличие от других стран, где это сделал либерализм.

Конституционалисты занялись подготовкой к печати за границей своего нелегального периодического издания. Параллельно с ними готовил к выходу журнал того же направления и социал-демократ П.Б. Струве, которого в этом учении больше привлекала свобода, а не равенство. О том, что Струве готовит журнал и преуспевает в этом, конституционалисты «Беседы» узнали в феврале 1902 года. Происходящее совпадало с новыми реалиями: за месяц до этого в кружке на обсуждение были впервые вынесены политические вопросы. С этого времени вопрос о власти не сходил с повестки дня. В мае 1902 года на переговорах в редакции журнала «Освобождение», что располагалась в пригороде Штутгарта, было решено: земцы финансируют издание,

Струве — независимый редактор. Этот журнал стал объединителем разрозненных групп в целостное движение под народным лозунгом «Долой самодержавие!». Уже в июле 1903 года в Швейцарии из них два десятка человек — представители земства, социал-демократы, которым не нашлось места там, где всем заправляли В.И. Ленин и Г.В. Плеханов, а также интеллектуалы двух столиц и Киева — основали «Союз освобождения». Усилиями историков их имена не пропали. Вот авангард освободительного движения: П.Б. Струве, И.И. Петрункевич, П.Д. Долгоруков, Д.И. Шаховской, Н.Н. Львов, В.И. Вернадский, С.А. Котляревский, Ф.И. Родичев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, В.Я. Яковлев-Богучарский, П.И. Новгородцев, И.М. Гревс и В.В. Водовозов.

В начале ноября 1903 года в Москве состоялся I съезд конституционного крыла земства. Деятельность образованного там «Союза земцев-конституционалистов» по существу свелась к отдельным форумам. Они собирались, как правило, накануне общеземских съездов с задачей выработать единую политику, которую и собирались на них проводить. Именно такие земцы вместе с представителями лиц свободных профессий и интеллигенции нелегально провели общероссийский съезд «Союза освобождения» в январе 1904 года в Петербурге. Либералы поставили своей задачей добиться конституции и демократии путем осады самодержавия с помощью публичных массовых кампаний. Земцы на съездах были представлены 1/4 их участников, играя при этом незаменимую роль, а их влияние демонстрировалось бессменным председательством в Совете Петрункевича.

Планы борьбы за свободу и реформы пришлось, однако, оставить: грянула война с Японией. Энергия патриотизма доминировала в обществе. Помощь Родине, правительству и армии заполнила умы и сердца земских деятелей. Когда правительство дискредитировало себя на суше и на море, национальное чувство стало приводить думающих граждан в стан либералов. После гибели главного защитника самовластия министра внутренних дел Плеве В.К. от руки эсеровского террориста император почти месяц колебался в назначении его преемника. Была дилемма: или иметь, в сущности, два фронта, или пойти обществу на уступки. Очередное поражение российских войск, заставившее их отступить к Мукдену, вынудило Николая II предложить министерство внутренних дел князю П.Д. Святополк-Мирскому. Он был противоположностью предшественнику и считал залогом успеха отношения доверия между страной и правительством. Был ослаблен надзор за земским сообществом, возвращены из ссылки его опальные члены и смягчена цензура над либеральной печатью.

В августе 1904 года на дискуссиях в «Беседе» возникло понимание, что необходимо созывать народных представителей для обсуждения труднейшего положения, создавшегося за полгода войны. К такому же постановлению московское бюро земских съездов подтолкнуло решение Совета «Союза освобождения» обратиться туда с аналогичным предложением через своих членов Шаховского и Петра Долгорукова, входивших одновременно и в этот орган. Глава бюро Д.Н. Ши-

пов получил разрешение у Святополк-Мирского на встречу земцев. Небывалая подготовительная активность и бюро, и «Беседы» чуть не была сорвана изменившимся решением царя, но съезд удалось отстоять, облачив в форму частного (полулегального) совещания. Слухи о благоволении высшей власти съезду просочились в общество и создали атмосферу общего подъема.

Впервые в истории России собрание выборных граждан, проходившее в Петербурге на квартирах видных общественных деятелей — И.А. Корса-

кова, А.Н. Брянчанинова и В.Д. Набокова — с 6 по 9 ноября 1904 года под председательством Шипова, высказалось за установление конституционных начал и парламента. Эта весть вихрем разнеслась по стране, распространяясь в 34 земских губерниях, различных общественных и частных организациях. Самое важное участие в этом принял «Союз освобождения». Он развернул почти по всей стране так называемую банкетную кампанию, во время которой поднимались тосты за свободу и конституцию. Пока власти думали над ответом обществу, банкетная кампания продолжилась и в декабре. В ней даже приняли участие социалисты меньшевистского толка. Дело в том, что «Союз освобождения» установил взаимодействие с эсерами и социалистами национальных окраин и постепенно превращался в народный фронт. Это ясно указывало постановление его второго съезда в прошедшем октябре о начале формирования профессиональных по форме и политических по цели ассоциаций, объединенных в единый «Союз союзов».

Ответ верховной власти 12 декабря, несмотря на название «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», не принес изменений в политическом устройстве. А кампания в поддержку решений съезда продолжилась адресами царю от губернских земских собраний и началом формирования профессиональных союзов на банкетах, собранных по этому признаку. Трагическое шествие рабочих к царю, организованное «Собранием русских фабрично-заводских рабочих» Санкт-Петербурга 9 января 1905 года, шло в том же русле. Возмущенное гибелью двухсот человек общество с гневом ответило на это преступление правительства: по стране прокатились забастовки и стачки, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и войсками. Почти все земства отозвались адресами, настаивавшими на созыве народного представительства для избавления от ужасов русского бунта.

Ситуация заставила царя 18 февраля выпустить несколько документов, в том числе о созыве совещательной думы, где говорилось о привлечении «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений»*.

Но теперь это было слишком поздно и слишком мало для оппози-

Когда правительство дискредитировало себя на суше и на море, национальное чувство стало приводить думающих граждан в стан либералов

* Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. — М.: Захаров, 2005. — С. 46.

ции. В конце апреля 1905 года земство провело в Москве третий съезд, большинство участников которого уже не стало довольствоваться ничем, кроме созыва Учредительного собрания.

Политика земцев не может не импонировать: эти государственные люди после тяжелейшего поражения русского флота в Цусимском сражении собрали свой, соединенный со сторонниками Шипова, съезд совместно с представителями дворянства и городских дум. Объединенные общими помыслами с этими ранее консервативными элементами они обратились в последний раз вверх с призывом к созыву парламента, избранного на основе тайного, равного, всеобщего и прямого голосования. Для передачи этого адреса государю была избрана депутация из 12 человек. Во время встречи 6 июня с Николаем II от лица депутации говорил С.Н. Трубецкой. В его речи содержалась патриотическая тревога по причине опасности всеобщей дезорганизации. Николай ответил: «Моя воля — воля царская — созвать выборных от народа — непреклонна»*. Результат первого за всю историю России приема либералов императором обнадеживал.

Но весьма скоро все изменилось. Июльский земско-городской съезд был созван для обсуждения дальнейших действий после неудачи обращения делегации от прошлого съезда: на встречах с группами консервативных общественных кругов, например курского дворянства, царь обещал править по старине. Съезд проходил 6–8 июля 1905 года в Москве. На нем по инициативе Петрункевича было принято обращение к народу. Это было необходимо, чтобы встать во главе начавшегося освободительного движения и предотвратить стихийное развитие событий. Это было первое, но не последнее такое обращение. Напрасно правительство пыталось закрыть съезд, возможно опасаясь, что он объявит себя Учредительным собранием. Он был лоялен законности, как и «Союз земцев-конституционалистов», который готовился участвовать в Булыгинской думе. Его делегаты составляли большинство на съезде и после его окончания остались на свой форум, там они избрали комиссию для образования открытой конституционно-демократической партии.

Касаясь здесь только действий земских либералов, хочу подчеркнуть, что до октябрьской всеобщей стачки российские либералы играли главную роль в событиях революции, радикалы же выполняли второстепенные функции. Последний съезд перед царским Манифестом 17 октября 1905 года проходил с 12 по 15 сентября. Именно его решения послужили образцом для содержательной части этого документа.

Земское движение — составная часть русского либерализма. Именно его законные представители от *всех сословий* впервые приняли решение, призывающее верховную власть к введению конституции, парламента и свобод, их же предложения были вынесены в Манифест 17 октября. Это было самое главное либеральное установление в российском государстве со времени Великих реформ Александра II.

* Леонтович В.В. *История либерализма в России. 1762–1914.* — М.: Русский путь, 1995. — С. 409.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Россия 1993–2008: итоги трансформации. — М.: Московская школа политических исследований, 2009.

Книга обобщает материалы 15-й ежегодной международной конференции на Алтае, которая вот уже полтора десятилетия проходит в Барнауле по инициативе российского политика Владимира Рыжкова и германского Фонда им. Фридриха Эберта. На этот раз, на форуме 2008 года, в центре внимания российских и немецких политиков и экспертов были основные результаты политической, экономической и социальной трансформации в стране со времени возникновения современной России до наших дней. Книга дает представление о взглядах экспертов и участников дискуссий на ключевые проблемы социально-политической реальности страны, на ресурсы и векторы ее развития.

Публикуем выступление на форуме главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения» **Андрея Рябова**.

КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА: ВЗГЛЯД ПОЛИТОЛОГА

Что мне представляется важным для понимания исторических перспектив современного русского либерализма? На нашем форуме прозвучало утверждение, что применительно к этим перспективам надо говорить о периоде в 10–15 лет, «которые есть у страны». Я хотел бы поставить этот тезис под сомнение. Есть ли у России эти 10–15 лет? Те, кто хорошо знаком с российской историей, знают ее фундаментальную проблему, которую можно назвать дефицитом исторического времени. Всем известны слова, конечно же, не либерала, но, по крайней мере, выдающегося модернизатора страны Петра Столыпина: «Дайте мне 20–30 лет спокойствия». Тогда, в начале XX века для трансформации России в страну с нормальной рыночной

экономикой и современными политическими институтами, по мысли Столыпина, требовался столь большой срок. Сегодня, в условиях глобализации все процессы в мире значительно ускорены. Поэтому утверждение о том, что у страны есть 10–15 лет, звучит как минимум не бесспорно. Особенно, если учесть давление на ситуацию как внутриполитическую, так и международную ряда острых глобальных проблем, в первую очередь связанных с нарастанием дефицита ресурсов в мире, которыми, как известно, очень богата наша страна. Мой взгляд на проблему — это взгляд политического аналитика. А он тем и отличается от подхода общественного и политического деятеля, что аналитик обязан быть хоть немного пессими-

стом, видеть все возможные трудности, проблемы и препятствия. Потому что если аналитик начинает быть завзятым оптимистом, то ему нужно менять работу и становиться пропагандистом. А это уже несколько иной взгляд на вещи. Политик и общественный деятель просто обязан быть оптимистом, убеждать людей, что из каждой сложной ситуации можно найти выход, каждая проблема имеет свое решение. Безвыходных ситуаций не бывает. Если политик так не думает и начинает ныть, то ему тут же следует сменить работу. Что мы обычно в нашем традиционном дискурсе имеем в виду под понятием «либерализм»? С одной стороны, это в широком смысле слова определенная идеология, основными положениями которой являются приоритет индивидуальных прав и свобод; конкуренция как всеобщий принцип организации социального пространства; разделение властей, их выборность и т.д. И в то же время либерализм — это политическое течение, которое выступает за общественную систему, основанную на этих принципах, и борется за ее утверждение. Это означает, что в данном случае под либералами мы можем понимать не только партии и группы, которые сами себя идентифицируют как либералы, разделяют идеологию либерализма, но и социал-демократов в их европейском понимании. Они ведь тоже являются сторонниками той же политической системы, что и классические либералы. То же самое можно сказать и о консерваторах, «зеленых» и даже анархистах, по крайней мере некоторых из них. Само же понятие политического течения подразумевает два компонента: наличие акторов, то есть субъектов политики (я думаю, что о них говорить не стоит слишком много), и систему ценностей. Так вот, говоря о либералах как о политическом течении, я буду иметь в виду партии и группы, отвечающие этим требованиям.

Рассуждая на тему либерализма в современной России, то есть его эволюции за последние 15–20 лет, прежде всего хотелось бы остановиться на тех возможностях, ограничителях, с которыми ему приходилось сталкиваться в процессе становления и развития. А еще проанализировать те ошибки, которые были сделаны и которые не следует повторять. Таким образом, это будет попытка смешанного анализа: политического и исторического одновременно.

Итак, базовое условие, с которым либерализм в современной России сталкивался в недалеком прошлом и сталкивается сейчас. Либерализм ограничен в своих возможностях в силу очень сильных традиций как патернализма, так и всепроникающей, доминирующей роли государства. Это не означает, что так было, так есть и так будет всегда. Это есть некая данность, игнорирование которой ведет к непониманию политических реалий и в результате к ошибкам и провалам. Но абсолютизация этой особенности приводит политиков к переходу на пассивно- созерцательную позицию, движению по течению и к уверенности в невозможности перемен.

Это основной, базовый фактор. Если вы хотите делать либеральную политику, игнорировать его ни в коем случае нельзя. Это константа, и задача заключается в том, как ее преодолеть, обойти или минимизировать издержки, связанные с ее существованием.

Другие негативные для развития либерализма факторы были заметны уже в конце 80-х — начале 90-х годов, но под влиянием ряда причин не были учтены либеральными политиками. Первый заключался во влиянии русской традиции, восходящей еще к XIX веку, выразившейся в разделении либерального и демократического политических и идеологических течений. В XIX веке славянофилы были, конечно же, демократами, поскольку ориентировались на некие широко распространенные в

массовых общественных слоях ценности. Их политические оппоненты — западники — были либералами, ибо разделяли либеральные ценности. Но при этом они остались людьми, мало понимаемыми собственной страной, ее народом. Картина повторилась в начале XX века, когда в России появились политические партии. Да, большевики в определенном смысле слова были демократами, поскольку ориентировались на некие распространенные в обществе идеи и требования. Иное дело, что, придя к власти, они с ними обошлись известным способом. Партия кадетов, одна из наиболее влиятельных политических партий того времени, безусловно, была либеральной, но с точки зрения большинства населения, прежде всего крестьянства, она едва ли воспринималась как демократическая.

Из этого вытекает еще одно базовое ограничение, которое касается восприятия демократии массовым сознанием. Это традиционное руссоистское понимание демократии как общего блага. Его уместно вспомнить сегодня, когда некоторые либеральные комментаторы не понимают распространенного в массовых слоях восприятия окружающих реалий. Эти комментаторы вопрошают: как же наши люди не понимают, что нынешние выборы недемократичны? Да просто они сегодня не воспринимают демократию как процедуру. Тем более когда официальные СМИ утверждают, что такие-то действия власти, партий, ее обслуживающих, в том числе и на выборах, осуществляются в интересах общего блага. Я позволю себе привести одну цифру из данных январского опроса Левада-центра, проведенного специально для нашего исследования, которое было посвящено анализу состояния и перспектив демократического движения в России. Около 47% россиян сегодня определяют демократию как рост экономического благосостояния. Обратите внимание: это и есть одно из воплоще-

ний идеи общего блага. Общее благо — это наше общее благосостояние.

Еще один важный базовый ограничитель — это инструментальный подход к демократии, который утвердился в конце 80-х — начале 90-х. Г. Сатаров частично затронул эту тему, когда говорил, что мы, в отличие от Чехословакии (где уже в 60-е годы велись интеллектуальные поиски будущей модели развития), все делали импровизационно: на колени писали важные документы, декларации, планы, Конституцию, наконец. Я хотел бы уточнить, что речь не идет о степени интеллектуальной проработки тех или иных проблем, если сравнивать Россию со странами Восточной и Центральной Европы, которые также выходили из социалистического общественного строя. Речь идет о разном отношении к ценностям у них и у нас. Ценностный консенсус по поводу либерализма и демократии в этих странах сложился задолго до того, как «бархатные революции» 1989 года разрушили институты прежней общественной системы. Это произошло после антикоммунистического восстания в Венгрии 1956 года. Важную роль сыграли также Пражская весна 1968-го и многочисленные антикоммунистические выступления в Польше 50–60 годов, завершившиеся временным успехом профсоюза «Солидарность» в 1980–1981 годах. Когда пришла очередь вопросов «что делать и как делать?», на уровне политического класса и других активных групп населения все было уже предельно ясно и понятно.

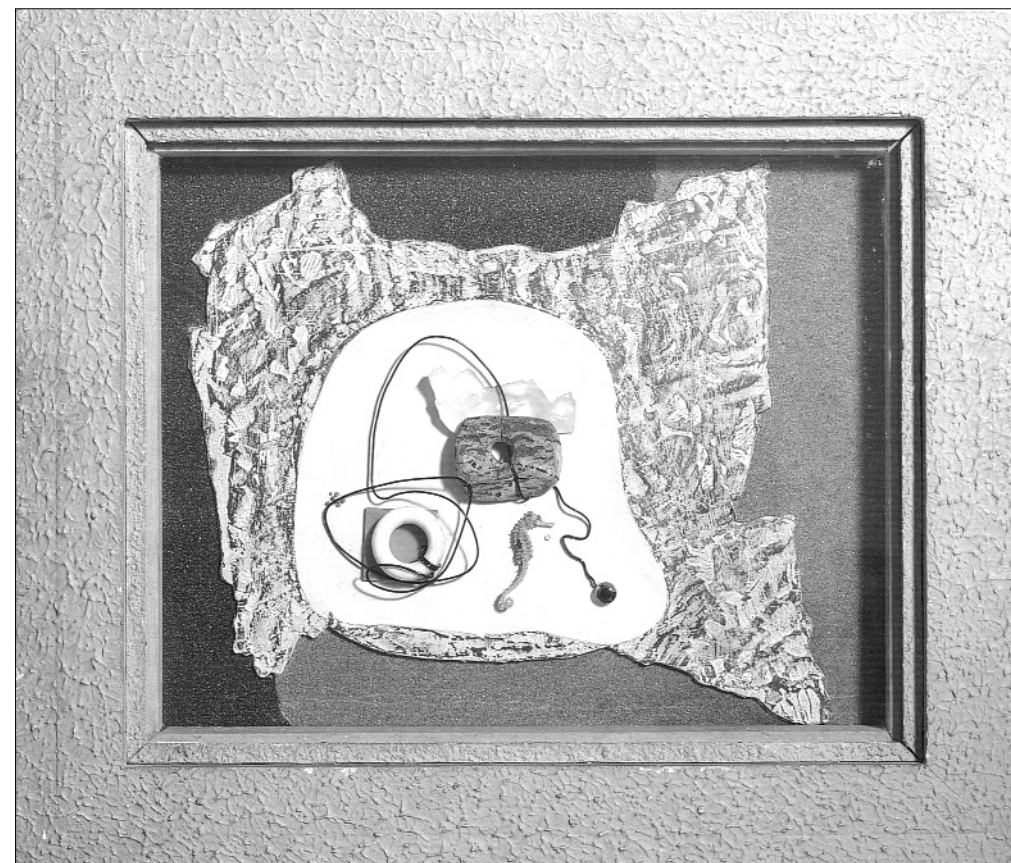
А что же произошло в России? У нас была совершенно иная ситуация — информационная революция. Давайте вспомним: в конце 60-х — в 70-е годы была на советском телевидении такая популярная передача «Международная панорама» с лучшими журналистами-международниками (сейчас, к сожалению, у нас нет журналистов такого уровня). Они рассказывали о важнейших событиях в

мире и намекали, что мир сложнее, чем о нем пишут в передовицах газеты «Правда». Но обязательным в этих передачах был кадр, показывающий афроамериканца где-нибудь на окраине Нью-Йорка, роющегося в куче мусора. Этот кадр имел колоссальную смысловую нагрузку. Он показывал среднестатистическому советскому обывателю, что хотя США и богатейшая страна мира, но рядовой советский человек Иван Иванов никогда не окажется в роли этого несчастного. Что сделал Михаил Горбачев в годы перестройки? Произошла простая смена «дизайна». Этот самый афроамериканец переместился в супермаркет вместе с тележкой, куда он бросал товары, которые советскому телезрителю были даже не известны. Это был коренной поворот в делегитимации прежнего строя: миф о социальной эффективности СССР был разрушен. Вместо него утвердилось инструментальное отношение к демократии: демократия это то, что мне помогает решить материальные проблемы, жить лучше. В этой связи хрестоматийным для нынешних учебников по практической социологии стал ответ одного респондента, участвовавшего в массовом опросе весной 1993 года: «Демократия — это когда я просыпаюсь и чувствую себя хорошо».

Понятно, что вожди массового демократического движения, полагавшие, что оно и является носителем новых ценностей, ошибались. На самом деле миллионные массы примкнули к этому движению, думая, что с его помощью очень быстро достигнут такого же уровня жизни, как в США или Германии. Иными словами, объединяло людей инструментальное отношение к демократии. А тех, кто воспринимал либеральные ценности в том понимании, о котором мы говорили, было меньшинство. Ситуация вокруг демократического движения быстро стала меняться, когда страна столкнулась с серьезными трудностями переходного периода. Это

вполне объяснимо. Как только инструмент перестает работать, вы его выбрасываете или, по крайней мере, откладываете в дальний ящик. То же самое случилось и с инструментальным подходом к демократии. И это отличает данный подход от ценностного. Переход к новой рыночной экономике в странах Прибалтики был куда более тяжелым, чем в России, но там по-иному относились к демократии. Столкновение с трудностями не заставило народы Балтийских стран временно отказаться от демократии в целях первоочередного решения каких-то социально-экономических задач. Вот такого рода объективные ограничители, ставшие особенно чувствительными для нашего общества на начальном этапе реформ, демократическим политикам, на мой взгляд, не учитывать было нельзя.

Теперь я хотел бы сказать об ошибках 1990-х — начала 2000-х годов. Они во многом способствовали усилению влияния упомянутых выше ограничений и, в конечном итоге, привели к кризису либерализма. В первую очередь скажу о фундаментальном подходе к политике. Он базировался на идее о том, что раз Россия — страна консервативная, никаких реформ на самом деле не желающая, то преобразования проводить надо сверху, жестко, не особенно задумываясь, как их воспримут внизу. Все равно ведь «они» там ничего не понимают, не могут осознать своего счастья в отдаленном будущем. Эта тенденция в российской политике оказалась настолько сильной, что даже нынешняя власть, которая дистанцировалась от либералов, использовала тот же подход, обозначая себя как авангардистское меньшинство, вынужденное действовать в большой консервативной патерналистской стране. Мы, интеллектуальное меньшинство, знаем, как надо, мы знаем, что надо сделать для вашего счастья, и если вы этого не понимаете, то ничего страшного, может быть, ваши дети это поймут. Некоторые ана-

Энрико Прамполини. Состояние души: морская пластичность. 1934

литики назвали такой подход «белым большевизмом». И это правильно. И это характерно не только для реформаторов 90-х годов, которые, занимая видные посты в правительстве, имели серьезное влияние на экономическую политику. Вспомните, как готовилась монетизация льгот. Вспомните передачи на Российском телевидении (РТР), где «хор пенсионеров» рассказывал нам о том, как «хороша монетизация на селе». А потом вопреки казенному оптимизму реформа привела к массовым акциям протеста тех же самых пенсионеров и прочих льготников, у которых льготы отобрали, даже не удосужившись их хорошенько просчитать. Нынешняя власть, используя подобные приемы, почему-то обвиняет в их использовании только реформаторов 90-х.

Вторая распространенная ошибка реформаторов 90-х. Дело в том, что переход к либеральной модели экономики и политической системы предполагает рационализацию человеческого поведения, переход к целерациональному поведению. Вспомним, как он происходил в начале 90-х годов. Эта «Леня-голубковщина», воинствующий антирационализм, рекламки в массовой пропаганде типа: «Бизнес, бизнес, ой-ой-ой! Я стал миллионером, во повезло!» Если б я работал в Министерстве образования, я попытался бы сократить тиражи сказки про Емелю-дурака, потому что с точки зрения рыночной модернизации она абсолютно вредна. Потому что она закрепляет антирациональный тип поведения, веру в панацею, в чудо. А печатал бы (не в порядке комплимен-

та коллегам из Германии) известные немецкие сказки, где главная идея состоит в том, что благосостояние, богатство должны зарабатываться трудом. Если на человека свалился мешок золота, то он хорошо не закончит, потому что он это богатство не заработал.

И либералы, на мой взгляд, в такой рационалистической революции сознания должны были быть кровно заинтересованы. Вы хотите создать систему, которая основана на рационализме, на общественном договоре, на учете взаимных интересов, на компромиссе? Тогда вы должны противостоять иррациональным моделям поведения, пропаганде личного обогащения любой ценой. Более того, к сожалению, подобные подходы в действиях власти дожили и до нашего времени. Сегодня в гигантской империи гламура мы видим опять «Леня-голубковщину», только в гораздо более гипертрофированном, в более цивилизованном и «европеизированном» внешнем виде. Это уже успешный Леня Голубков, заработавший миллиарды на торговле нефтью.

Третий очень важный аспект, связанный с идеей рационализации общественного поведения, который был упущен либералами в их политике, — это идея свободы, ключевого в либерализме концепта. В известной степени такая интерпретация свободы, которая доминировала в обществе в 90-е годы, была производной от проводившейся тогда экономической политики. Свобода понималась массовым сознанием прежде всего как «свобода от», как свобода сильных, свобода человека, свободного от каких-либо обязательств. И я не хотел бы утверждать, что это была некая ошибка активистов демократического движения той поры. Нет, в данном случае они попытались лишь использовать в политических целях то, что доминировало в общественном сознании. Если мы посмотрим

на то, в основном свобода в 90-х годах порядка 70 процентами населения понималась как свобода быть хозяином своей судьбы. Какие-либо другие измерения свободы: правовое, нравственное, коммуникативное — в этом понимании отсутствовали. И самое главное, что для такого понятия отсутствовал важный элемент — личная ответственность за личный выбор. Доминировала искаженная версия ответственности: как свободный человек я принимаю решение, но ответственность за него должен нести кто-то другой — государство, корпорации, предприниматели, семья — кто угодно, только не я сам. В таком понимании свободы во многом коренится ответ на нынешнее легкое делегирование населением своих политических прав властным институтам. А зачем мне за что-то отвечать, меня непосредственно не касающееся? Пусть они отвечают, у них такая работа.

Вот, пожалуй, комплекс этих ограничений и даже не столько конкретных ошибок, совершенных либералами, сколько ошибок политико-мировоззренческого характера, и обусловили кризис либерализма в современной России как политического течения.

Я думаю, что выход из этого положения для либерализма, и как течения, и как системы ценностей, будет очень сложным и вовсе не с predetermined победным финалом. Два главных фактора заставляют меня если не быть пессимистом, то отчасти разделять пессимистические прогнозы. Первое — это давление патерналистских настроений на политику. Эти настроения — во многом результат социально-экономической политики последних 3-4 лет. Я имею в виду политику роста доходов, не подтвержденную ростом производительности труда, это такое размазывание нефтяного и газового пирога (не для всех, но для значительной части социально зависимых слоев, и не только бюджетников).

Это результат потребительского бума для средних слоев, для «офисного планктона» или для «офисного пролетариата» — как угодно. Люди привыкли к тому, что, особенно не напрягаясь, можно постоянно увеличивать доходы. Поэтому столкновение страны с экономическими трудностями в условиях такого рода настроений, как мне кажется, не приведет автоматически к росту запроса на либеральные ценности. Напротив, резкий переход в состояние ограниченности ресурсов вызовет очередное коллективное прозрение, когда люди неожиданно поймут, что все вокруг не так, как они привыкли. Где тот объем материальных и социальных благ? Где курорты Хургады и Анталии? Где бразильские футболисты в российских клубах? Где что-то еще престижное, к чему мы так привыкли? Почему на это все не хватает денег?

Вторая причина моего скепсиса заключается в том, что если не запрос, то, по крайней мере, интерес к демократическим и либеральным ценностям проявляют, прежде всего, представители городских средних слоев. Судя по опросам, да и не только по ним, это люди, которым есть что терять. В 90-е годы массовость демократическому движению придавала значительная часть маргинальных слоев населения, сегодня на это рассчитывать не приходится. То есть адресат либерального послания может иметь значительно более ограниченную социальную базу.

Третья причина состоит в том, что, скорее всего, в условиях такого нового социального разрыва схема либерализации, если она окажется состоятельной, будет вряд ли отличаться от тех, которые уже реализовывались в нашей истории при Александре II, при Никите Хрущеве и Михаиле Горбачеве. Эту схему можно описать так: изменения инициируются сверху альянсом части верхних слоев общества, бюрократов из высших эшелонов власти

при поддержке наиболее активной части других, неэлитных социальных групп, у которых формируется запрос на либерализацию. Других вариантов в данной системе общественно-политических координат быть не может, ибо те, кто до сих пор связывает свои надежды с кризисом, могут, как в феврале 1917 года, получить совсем иное на выходе, а не то, что думали и на что надеялись.

И наконец последнее: о том, какое перестроение либерализма будет, на мой взгляд, иметь успех. В отличие от начала 90-х, когда имела успех ставка на идею личной свободы как основу либерального прогресса, в будущем могут претендовать на успех две другие идеи. Это понимание демократии как процедуры, как права и как множественности выборов. Приватизация как коллективизация наоборот уже больше не сыграет, не найдет себе массовых сторонников может иное, что уже существует в крупнейшей демократии мира — в Индии, где дается возможность существовать бок о бок не только разным секторам экономики, но и разным образам жизни, разным хозяйственным укладам. От современных джунглей, где до сих пор обитают современные Маугли, до городов с высокими технологиями типа Бенгалора. И между ними — огромное число промежуточных форм. Задача истинных либералов в такой ситуации состоит в том, чтобы никого не загонять в какую-либо одну из форм, а дать возможность всем им развиваться параллельно. Россия — слишком сложная страна, чтобы всех выстраивать под одну политическую линию, загонять в одну экономическую модель. Если Россия как страна, общество и государство хочет выжить, то именно эта трактовка свободы (а она сугубо либеральная) должна быть основополагающей в политике.

Александр Архангельский

Контрапункт

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Бродский Ю. А. *Соловки. Двадцать лет Особого Назначения*. — М.: 2008. — 528 с.

Даже в «лихие девяностые», когда прямых и косвенных запретов на свободное исследование советской истории еще не было, а Генпрокуратура не решалась говорить о Катынском деле как о недоказанном и подлежащем юридическому отрицанию, — даже в эти годы новых серьезных книг о трагическом лагерном опыте вышло раз-два и обчелся. «Архипелаг ГУЛАГ» по-прежнему возвышался одинокой вершиной на общем ровном фоне. Документы публиковались; А. Н. Яковлев упорно продолжал начатое им дело; были найдены и подготовлены к печати списки убитых на Бутовском полигоне. Но с обобщением была беда. В числе немногочисленных исключений — работы Юрия Бродского, положившего десятилетия жизни на восстановление истории еще одного архипелага, уже безо всяких кавычек, архипелага — Соловецкого.

И вот — его масштабный труд о Соловках, выпущенный на рубеже 2008–2009 годов, когда темы лагеря, чекизма и в целом коммунистического эксперимента были не то чтобы вовсе под запретом, но и не в фаворе. Полтысячи страниц, формат фолианта, отличные иллюстрации. Настолько хорошие, настолько красивые, что даже подчас мешают ощутить весь ужас рокового сюжета. Но, может быть, это тоже соответствует замыслу автора, который относится к Соловкам с какой-то мистической нежностью: и к монастырю, и к природному заповеднику, и даже к трагической памяти о советском опыте.

Соловки для Юрия Бродского — пример того, как невозможное реализуется сначала на благо, потом во вред, потом в поучение. Монастыря здесь не должно было быть, он невозможен, он вопреки, тем не менее он есть, что учит нас: нет ничего, что было бы в истории недоступно преобразованию во имя веры. Не должно было здесь быть и лагеря; место святое, промолвленное насквозь, пропитанное верой и самоотречением. Тем не менее был и лагерь. Что свидетельствует: нет ничего в истории, что было бы защищено от тотального зла. После краха коммунизма не должен был вспыхнуть конфликт между теми, кто сохранял архипелаг музейными средствами, вопреки задачам, поставленным властью, — и наследниками изгнанных монахов. Тем

не менее конфликт случился. И еле-еле, с огромным трудом, был переведен в нейтральную фазу плохого мира, чреватого новым обострением, что доказывает: не осталось места в истории, где мир был бы гарантирован, даже между равнодостоинными жертвами кровавого режима. И каждую минуту от нас требуется напряженная работа по поддержанию зыбкого равновесия. Самая существенная, самая серьезная проблема, которую ставит перед нами новейшая история Соловков, — это проблема наших взаимоотношений с коммунистическим прошлым. Их надо выстраивать с нуля. Не так, как выстроил их нынешний премьер, который когда-то вернул свободной стране советский гимн и затем подмял ее под себя, а теперь демонстративно возлагает венки к могилам лидеров белого движения: что выгодно сегодня, то и славим. И не так, как выстраивают их лидеры бывших советских республик, отделяя историю Советского Союза от истории своих народов через учреждение музеев оккупации и создание мифов о голодоморе как целенаправленном геноциде украинской нации, вместо того чтобы говорить о терроре коммунизма против человечности как таковой. Знание о прошлом в случае Саакашвили и Ющенко используется в роли ластика, которым затирается история; остаются Грузия и Украина, а ответственности и вины за СССР больше нет.

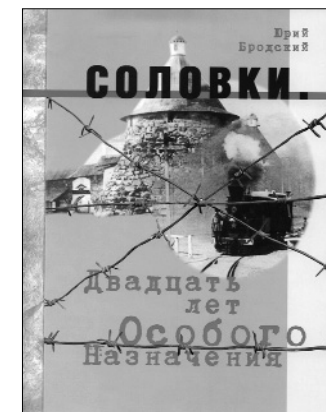
Отношения с прошлым нам придется выстраивать сложно, гибко и объемно, потому что мы не можем предъявить простую схему «мы» и «они». «Мы» — жертвы, «они» палачи; «мы» потомки тех, кто страдал, «они» наследники тех, кто убивал. Реальные, не придуманные *мы* унаследовали подвиг и предательство, кровь пролитую и кровь проливаемую, мы были верны жестокому государству и враждебны ему, мы со святыми мучениками и с мучителями, *мы* и *они* — одно лицо. Значит, и покаяние возможно не перед кем-то, а перед самими собой, перед своей совестью, и только. И освобождение от прошлого будет в каком-то смысле освобождением от себя самих. И в то же самое время — обретением себя, какими нас История задумала, а мы — не стали.

Вместо того чтобы создавать невнятные комиссии по борьбе с фальсификациями истории, наносящими вред государству российскому (а что, бывают фальсификации, приносящие пользу? учебник Филиппова — пример такой фальсификации?), лучше порекомендовали бы политикам прочесть работу Бродского. Правда, слишком толстая книжка. Могут и не осилить. Не выпустить ли краткую версию? Краткие курсы нам как-то привычнее.

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Черняев А. С. *Совместный исход: Дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. — М.: Росспэн, 2008. — 1047 с.

Есть колоссальная разница между дневниками, которые пишут по свежим следам событий, изнутри них самих, и мемуарами, в которых жизнь показана с оглядкой, с прищуром, как бы с высоты холма. Днев-

ники скучнее по форме, в них слишком много устаревших мелочей; зато они гораздо историчнее по содержанию. На события и автора не наброшен стыдливый покров понимания. Как было, так было. Что думали, то думали. Что делали, то делали, уж не взыщите.

Анатолий Черняев выпускал уже и мемуары; кому еще и писать, как не самому надежному помощнику трагического реформатора Горби, одному из немногих, кто сохранил и мужество, и верность, когда история повернулась против Горбачева. Это были мемуары честные, прямые, как сам Черняев, в очень зрелом возрасте (65 лет) занявший место возле генсека и потому определившийся сразу и до конца, без карьерных вихляний. Написанные внятно, просто и энергично. Но все-таки по силе достоверности они не могут идти ни в какое сравнение с многолетними дневниками, которые он, высокопоставленный сотрудник ЦК, вел с 1972 года. Зная больше многих, ощущая позорное дряхление системы, общаясь с умнейшими людьми эпохи (как Давид Самойлов), но разделяя все странные (для следующих поколений) иллюзии эпохи. Ленин — величайший человек, один на целое тысячелетие, а партия истинная сила, просто искаженная до неузнаваемости.

Теперь, благодаря дотошному трудолюбию автора, дневники наконец-то напечатаны. Изъятые только «интимные моменты», добавлены мелкие уточнения, чтобы было понятно, о ком речь. А так — история один в один. Череды мгновенных слепков. И никакой модернизации. Такие вот взгляды. Такие вот обстоятельства.

Если читать эту тысячу с лишним страниц подряд, ничего не пропуская, с одной стороны, возникает ощущение ужаса. С другой — появляется печальное сознание того, что все неприятности, случившиеся с нами, это лишь малая доля того, что могло произойти. Советский Союз обескровливает себя; политическая верхушка занята мелочными дрызгами, при этом иногда пытается сделать какие-то лихорадочные шаги в сторону от пропасти, но тут ее перестает понимать интеллигенция («бородачи», как называет либеральных ученых Черняев). У нее столько тараканов в голове, что иной из партократов покажется Спинозой. Все говорят о политике, никто не понимает, что это такое. Характерен эпизод начала 70-х — власть, при всех ее очевидных недостатках, все-таки пытается договориться с американцами, нащупать почву для компромисса. Автор дневника, который вовлечен в процесс и понимает его политическую логику, приходит в гости к «бородачам». И они пафосно осуждают Штаты: негодяи, бомбят вьетнамских детей, а еще смеют говорить о мире! как и о чем с ними можно вообще разговаривать? Между прочим, само слово «компромисс» и производные от него лишились осуждающего, негативного оттенка только в горбачевскую эпоху; еще на Первом съезде народных депутатов продвинутые, неглупые люди употребляли это слово в отрицательном значении. Равно как слово «карьера», «успех» и т.д.

Но и к людям системы автор тоже до предела беспощаден. Эти либо в маразме, либо в цинизме; одни ничего уже не смыслят, другие, подобно Громыке, занимаются поборами с дипломатов, третьи понимают очень много, но при этом играют в бирюльки. Академик Арбатов — яркий пример. Вообще, не найти ничего более сильного и ничего

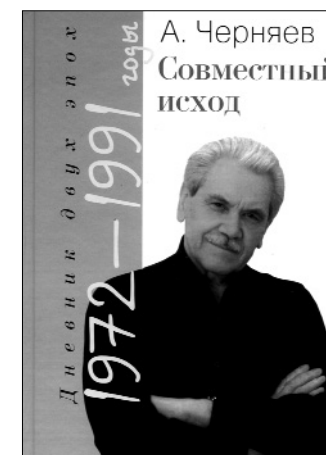
более страшного о тех временах, чем запись сна, привидевшегося автору в 1977 году; в этом сне на подсознательном уровне сконцентрированы все размышления и переживания Черняева той поры. Даже те, которые он гнал от себя. Здесь есть все: и символический образ эпохи, и жуткая догадка — вот какое место лично ты занимаешь в ней, и предвидение скорой катастрофы.

«Накануне XVI съезда профсоюзов мне приснился сон. ...Парк. ...В центре какие-то лестницы царского типа, они поднимаются к платформе. Справа внизу — бассейн и бани. Слева — теннисные корты. Весенний майский день. Много народу. Ждут. Я стою на платформе с краю. Появляется Брежнев. На руках у него ребенок, девочка явно еврейского вида. ...Он в белом летнем костюме. Веселый, шутит с окружающими. По толпе шепот: пойдут в баню или на корт? Свернул вроде направо, к бассейну. Но через минуту появился опять на платформе, уже в пижамных штанах и безрукавке... в накинутом неопрятном халате. Вид растерянный, пьяный. Девочка по-прежнему на руках. Рядом паясничает какой-то молодой человек спортивного вида, в коричневых трусах и тенниске.

И вдруг Брежнев вынимает член, большой, полунапряженный, и начинает ссать. Не под себя, а в толпу. И как-то так получилось, что близко бывшие от него расступились, и струя направлена на меня. ...Вижу, что он не «персонально» на меня ссыт... Тем не менее я не знаю, что мне делать. Все на меня смотрят. Я колеблюсь — ловко ли, не оскорбительно ли для него уклониться от его брызг. Я все-таки пытаюсь отстраниться... Провал. Брежнев исчезает куда-то в сторону кортов. И в этот момент начинается страшная сумятица. Все в панике бросаются к ограде, перед нею крутой обрыв, за ним — канава, потом уже улица, по которой мчатся машины. Люди срываются с обрыва, катятся, сбивают друг друга, лезут сквозь прутья ограды и под нее. Визжат дети, женщины растрепанные мечутся среди упавших. Грохот. Вой сирен».

Естественно, к приходу Горбачева Черняев относится так, как верующий относится к чуду. Надежда, озарение, прорыв. Но сколько было в то время людей, которые относились к этим событиям точно так же! Сколько было временных энтузиастов, которые отшатнулись от политики, увидев, что она не только грязновата, но и (что для интеллигента куда ужаснее) зачастую скучна. Черняев поступил принципиально иначе. Он вошел в процесс — и вышел из него только вместе с тем, на кого однозначно поставил.

Тот, кто хочет понять, как было устроено великое и трагическое время запоздавшей (и потому сверхскоростной) перестройки, как изнутри виделись те процессы, которые мы воспринимали извне, как делалась реальная политика, должен прочесть Черняева. Все тысячу с лишним страниц. Не пропуская мелочи и детали. Потому что только так можно понять, из какого вещества состоит история. Из какой страны мы уходили. В какую хотели прийти. И в какую пришли.

Выпускники Школы о Школе

Первый семинар Московской школы политических исследований состоялся в начале апреля 1993 года.

За эти годы Школа провела свыше 200 семинаров, в которых участвовало свыше десяти тысяч человек — молодых политиков, работников администраций разных уровней, предпринимателей, журналистов, лидеров общественных организаций — из большинства регионов России и ряда зарубежных стран.

Каждый семинар Школы — он продолжается от 2 до 7 дней — завершается обсуждением участниками итогов работы, оценкой ее как с содержательной, так и с организационной стороны.

Редакция журнала обратилась к нескольким выпускникам с просьбой ответить на вопрос, что дала им Школа.

Адальби Шхагошев,

Республика Кабардино-Балкария,
г. Нальчик.

*Депутат Государственной думы ФС РФ
V созыва, выпускник 2000 г.*

После семинаров появляется ощущение, что казавшееся невозможным не просто следует пытаться реализовать, но и можно реализовать. Школа развивает внутренний стержень личности, а если у человека нет стержня и желания развиваться, то Школа дает мощный посыл к формированию такого желания.

Огромный плюс Школы я вижу в том, что на ее семинарах встречаются люди часто с противоположными мнениями и политическими позициями. Здесь каждый, вне зависимости от темы и статуса, настроен на диалог.

Все это создало для меня образ Школы не только как опоры гражданского общества в России, но и как места встреч с потрясающими людьми: именно здесь я познакомился с многими нынешними друзьями и коллегами, с которыми мы реализовали и готовим ряд политических и бизнес-проектов.

Я благодарен учредителям, экспертам и выпускникам Школы за моральную поддержку, оказанную мне во время избирательной кампании в Государственную думу в 2003 году. Некоторые эксперты и слушатели тогда приезжали в Республику и работали в моем избирательном штабе. И то же самое происходило в 2007 году, во время моей очередной думской предвыборной кампании.

Сейчас в Государственной думе 15 депутатов — слушателей и выпускников Школы. Мы совместно готовим, разрабатываем проекты законов, приглашаем друг друга к соавторству в них и к участию во внутривластных мероприятиях. Несмотря на разную фракционную принадлежность, мы стараемся говорить на одном языке, освоенном в Школе. Это язык взаимопонимания и учета диаметрально противоположных позиций.

Не могу не сказать о зарубежных семинарах Школы. Так, многое из увиденного, например, в Швеции в плане доступности социальных услуг, развитости здравоохранения и профсоюзного движения я, будучи членом Комитета по труду и социальной политике Государственной думы, пытался включить в проекты законов. Нередко вполне успешно. Более того, став членом правления Фонда социального страхования РФ, я получил возможность обсуждать необходимость введения социальных инноваций, наподобие тех, о которых узнал на зарубежных семинарах Школы, с представителями уже федеральной исполнительной власти.

Я стараюсь участвовать в деятельности Школы: мой фонд «Солидарность» поддерживал ее издательские проекты и помогает в организации и проведении региональных семинаров в Кабардино-Балкарии.

Иван Бурмистров,

г. Калуга.

*Депутат городской Думы,
председатель комитета по правовому
обеспечению местного самоуправления,
выпускник 2002 г.*

Депутатом городской Думы я стал, будучи директором информационной компании. Признаюсь, четкого понимания, чем я должен заниматься конкретно, вначале не было. Очевидным

представлялось одно: необходимо что-то изменить к лучшему, и я был выбран в Думу. Во многом на это мое решение повлияла встреча с Школой. Местное самоуправление с точки зрения правовой базы делало в Калужской области первые самостоятельные шаги. Общение с экспертами и коллегами на семинарах из других регионов очень помогло в поиске ответов на сложные вопросы и новых идей.

В городе отсутствовали независимые СМИ (газета обанкротилась), чиновники отличались закрытостью, обратная связь с населением практически отсутствовала. В ответ на просьбу мэра создать информационный центр я создал сначала городскую газету «Калужская неделя», через год удалось вывести из состояния банкротства городское радио, были построены современные студии ТВ. Я делал все возможное, чтобы власть стала прозрачной.

Благодаря Школе я познакомился с многими интересными людьми, настоящими профессионалами в своем деле. Если ищу решение каких-то производственных вопросов, созваниваюсь с коллегами, и мы находим решения. Это хорошая традиция взаимовыручки среди выпускников Школы.

За последние восемь лет в Калуге появилось много выпускников Школы, носителей идей гражданского просвещения. Это позволяет периодически проводить дискуссии по наиболее проблемным с привлечением как федеральных, так и региональных экспертов.

Время идет, многое меняется, в том числе и Школа, но не меняются ценности, которые она несет. Школа дает возможность объективно взглянуть не просто вокруг себя, но прежде всего внутрь себя. Что я могу, соответствую ли тому, что делаю, что могу изменить в себе? Только после того, как ответишь на эти вопросы, можно браться за все остальное.

Максим Бурмицкий,

г. Новокузнецк.

Председатель правления АНО «Южно-сибирский правозащитный центр», исполнительный директор РОО «Агентство правовых действий», эксперт российской общественной инициативы «Гражданин и Армия», выпускник 2005 г.

Мое знакомство с Московской школой политических исследований состоялось в 2004 году на региональном семинаре в Красноярске. В 2005 году я окончил федеральный класс, а в 2006 году вместе с делегацией Школы принял участие в Международном университете демократии в Страсбурге.

В 2008 году получил приглашение и выступал на региональных семинарах Школы в качестве эксперта.

Сотрудничество с Школой дало мне очень много для профессионального роста; в частности, после окончания Школы было создано Молодежное агентство гражданского просвещения в г. Новокузнецке. Сегодня эта организация является членом Human Rights Education Youth Network — сети НКО при Совете Европы.

Благодаря сотрудничеству были успешно реализованы проекты федерального масштаба. Готовятся к реализации международные проекты в сфере гражданского просвещения.

Флор Асадуллин,

Республика Башкортостан, г. Уфа.

Председатель правления Республиканской общественной организации «Город без наркотиков»; избирался депутатом Государственного собрания Республики Башкортостан, выпускник 2007 г.

После окончания Московской школы политических исследований понима-

ешь, сколько еще нереализованных возможностей, что все еще впереди, и становится жаль каждого дня, прожитого впустую.

Реально Школа повлияла на меня тем, что я теперь встаю каждый день в 6.00 и полтора часа изучаю английский язык. Я написал книгу «Честно о наркотиках, или Как уберечь ребенка» и издал ее тиражом 10 тысяч экз. Я понял, что надо путешествовать, и уже успел побывать в 10 странах; осознал необходимость учиться и поступил в Российскую Академию государственной службы при Президенте РФ.

Я перестроил работу нашей общественной организации, мы ушли от пиара и занялись реальной работой; мы многому научились и продолжаем учиться друг у друга. Кроме того, в Школе я обрел новых друзей.

Алан Казбекович Багиев,

Республика Северная Осетия — Алания.

Руководитель информационно-аналитического экспертного подразделения администрации и Правительства республики, выпускник 2007 г.

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с замечательными людьми, основателями Школы. Они научили меня мыслить, анализировать, указали новый жизненный путь. Нелегкий, но правильный и благородный.

Как выпускник, ощущаю себя частью общности единомышленников, готовых создавать будущее страны, желающих видеть ее цивилизованной, благополучной и гармонично вписывающейся в современный мир. Это придает стимул, желание творить будущее, работать и совершенствоваться...

Государственная служба, общественная деятельность, любая общественно-политическая сфера приложения моих

сил — везде я осознаю значимость того багажа знаний, который дала мне Школа.

А еще: Москва и Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Казань, Новосибирск и Махачкала, Нальчик и Калининград, Ставрополь и Краснодар, Украина и Армения, Чехия и Болгария, Азербайджан и Казахстан и еще много городов, регионов и государств, где у меня теперь есть друзья, коллеги, единомышленники, с которыми общаюсь, а при возможности встречаюсь. И все это благодаря Школе!

Андрей Старков,

г. Магнитогорск.

Директор магнитогорского «Дома кино», депутат Магнитогорского законодательного собрания, выпускник 2007 г.

Школа способствовала осознанному выбору мной политической сферы деятельности. Я принял решение участвовать в выборах в муниципальный орган власти — Городское собрание и выдвинул свою кандидатуру.

В ходе предвыборной кампании на помощь пришли знания и навыки, полученные на семинарах Школы, память актуализировала дискуссии, практические занятия, ролевые игры, тренинги. Победа на выборах стала признанием того, что я не зря учился.

Но и после того, как я стал депутатом, знания не остались не востребованными. Я продолжил политическую деятельность уже на новом поприще. Сегодня это правление Уральской федерации содействия бизнесу, работа в Общественном координационном совете по малому и среднему бизнесу г. Магнитогорска, пост председателя Молодежного регионального собрания депутатов Челябинской области.

Продолжаю заниматься своим образованием и в полной мере сознаю значение просветительской деятельности. Поэтому стараюсь способствовать проведению мероприятий в сфере гражданского просвещения, в частности, приглашаю экспертов Школы на выездные заседания Молодежного регионального собрания депутатов Челябинской области.

Считаю полезным развитие дальнейших контактов с Школой на региональном уровне, поскольку они дают импульс для поиска и реализации новых идей, а сопричастность к Школе помогает повышать самооценку, расширяет кругозор и круг общения!

Главное, что я вынес из Школы, это активная жизненная и политическая позиция, поиск нетрадиционных путей решения сложных проблем. И самое важное — никогда не сдаваться!

Евгения Шамис,

г. Москва.

Генеральный директор бюро тренинга и консалтинга «Personnel Touch», выпускница 2007 г.

Школа помогла мне сформировать более широкую картину происходящего в России и в мире. Причем это не была фиксированная картина ситуации: все выводы я делала сама, на основании выступлений экспертов и общения с ними. Благодаря такому подходу я увидела новые взаимосвязи и смогла найти новые решения задач и вопросов как в своем бизнесе, так и у клиентов в ходе сессий и при разработке управленческих решений. Результат — новый уровень контактов среди клиентов, новые заказы.

Я поняла, что хочу решать вопросы, связанные с развитием России не только в бизнес-сообществе, но и в сфере управления государством.

В 2008 году уже в качестве эксперта

Школы я выступала на семинарах в Нальчике и Калининграде по вопросам развития интеллектуального потенциала регионов. Мне важно действовать, помогать стране не только как эксперт — теоретик, но и как практик.

Мы нечасто приобретаем новых друзей в зрелом возрасте, благодаря Школе это происходит практически со всеми. Здесь находят не только друзей, но и единомышленников, партнеров, клиентов. Проекты развития и регионов, и страны, и мира в целом сложные. Поэтому важно использовать опыт и примеры реальных действий, создавать команды с такими людьми. Ответственные команды. Школа собирает хороших людей вместе — это очень важно.

Московская школа политических исследований способна выводить из комфортной точки «ничего неделания», подвигать участников измениться, предпринимать усилия, работать на свои интересы. Понятно, что не все реально готовы меняться и что-то делать. А с другой стороны — столько людей это делает!

Дмитрий Грушевский,

г. Волгоград.

Директор Нижневолжского бюро Издательского дома «Коммерсантъ», выпускник 2007 г.

Школа — эталон, по которому сверяются ценности, мысли и действия. Практически каждую свою идею, которая противоречит ментальности и стереотипам юга России, я сначала проверяю в общении с друзьями и коллегами — выпускниками и экспертами Школы.

Во-вторых, Школа для меня — место возникновения инноваций на стыке идей, концепций и культур по технологии, описанной в работе одного из

моих любимых авторов, публициста Франса Йоханссона. Инновации появляются в Голицыно, на региональных семинарах Школы, затем становятся повседневной практикой подразделений ИД «Коммерсантъ»: новые технологии управления, развития персонала, работы в условиях полиэтнического региона, социологических, политологических и экономических исследований.

В-третьих, Школа — это профессиональные связи, которые переходят в дружбу. Общение с выпускниками Школы подтолкнуло меня к созданию экспертного исследовательского центра по институциональным проблемам юга России, который заработает уже летом.

Павел Сарычев,

г. Хабаровск.

Главный редактор радио «Восток России», выпускник 2007 г.

Семинары Школы не только расширяют кругозор, но и оказываются полезными в повседневной работе. На ее семинарах, как в России, так и за рубежом, мне довелось познакомиться с многими интересными людьми, которые стали принимать участие в проектах, реализуемых нашей радиостанцией в Хабаровске.

В частности, после федерального семинара в подмосковном Голицыно и знакомства с помощником Президента РФ по экономике Аркадием Дворковичем мы организовали в прямом эфире радио «Восток России» пресс-конференцию по перспективам экономического развития страны и Дальнего Востока. «Радиомост Хабаровск-Москва» оказался успешным проектом и вышел за пределы Москвы и России.

Следующим городом был Вашинг-

тон, на этот раз на связь вышел друг и эксперт Школы Том Грэм. Том легко согласился на разговор по телефону в прямом эфире нашей радиостанции. Эфир был посвящен российско-американским отношениям после избрания президентом США Барака Обамы. Для нас его комментарий был «на вес золота»! Ведь мнение человека, который в свое время являлся одним из строителей российско-американских отношений, для нашей дискуссии в прямом эфире было крайне важным. Сейчас Том постоянный эксперт радио «Восток России» по российско-американским отношениям.

Поездка в США, которая была организована Школой и программой «Открытый мир», во многом скорректировала мои представления о Соединенных Штатах. В сентябре 2008 года мы посетили города Вашингтон и Сент-Луис, штат Миссури. Программа была насыщенной и позволила за небольшой срок (14 дней) получить собственное представление о стране, познакомиться с политическим устройством США. Профессиональный восторг вызвал не только у меня многоэтажный «Музей новостей» в Вашингтоне, который рассказывает об истории фабрики новостей, работе журналистов в разных условиях и ситуациях.

Знакомство с региональной и муниципальной политической элитой Сент-Луиса произвело необычайное впечатление. Наши встречи в городском и окружном парламентах позволили получить представление об американских политиках местного уровня, методах политической борьбы и дискуссии.

Это лишь немногие примеры того, как Московская школа политических исследований на практике стала надежным другом и партнером для меня и моих коллег в Хабаровске.

Константин Вишнеvский,
г. Ставрополь.
*Директор PR-агентства «СтаvAB»,
председатель некоммерческой
общественной организации
«Ставропольский краевой центр
общественных инициатив
“Альтер Вита”»,
выпускник 2007 г.*

Убежден, что в России нет проектов, равных Школе по силе влияния и способности изменять внутренние установки личности. Школа заставляет думать даже тех, кому это занятие не свойственно. После возвращения с семинаров даже в самых тяжелых условиях хочется делать нечто полезное. Школа заряжает хорошей порцией мотивации и мужества для активной общественной деятельности.

Просвещение способно преодолеть пассивность и инертность. Именно поэтому так много внимания мы уделяем гражданскому просвещению, регулярному проведению круглых столов и семинаров, главным образом для молодежи.

В 2008 году на базе Ставропольского государственного университета организацией «Альтер Вита» совместно с сотрудниками университета начали проводиться факультативные занятия для студентов факультета филологии и журналистики по программе «Журналист — Гражданин». Студенты, посещающие эти занятия, принимают участие в подготовке и выпуске электронной версии краевого журнала «Журналист — Гражданин». Его номера рассылаются более чем на триста электронных адресов и размещаются на интернет-ресурсах.

Проведена Ставропольская краевая ярмарка молодежных проектов. По результатам оценок экспертной комиссии десять социальных проектов были рекомендованы к финансированию в Московское представительство Меж-

дународного совета по научным исследованиям и обменов (IREX).

Одним из результатов реализации разноплановых мероприятий стало повышение степени доверия к работе организации «Альтер Вита» у некоторых представителей органов федеральной, краевой и муниципальной власти. «Альтер Вита» стала коллективным участником «Коалиции против ненависти».

Владимир Котельников,
г. Апатиты, Мурманская область.
*Исполнительный директор
некоммерческого партнерства
«Технопарк — Апатиты»,
выпускник 2008 г.*

В 2000 году я впервые побывал не региональном семинаре Школы в городе Зеленогорске под Санкт-Петербургом. До некоторой степени этот семинар стал для меня поворотным этапом в моей деятельности. Именно тогда все разрозненные кусочки мозаики моего профессионального опыта стали выстраиваться в единую картину понимания, что собственно мне лично как человеку необходимо делать, чтобы не пинали чиновники хотя бы в моей профессиональной деятельности.

После этого семинара я стал искать контакты с зарубежными экспертами, которые занимаются инновационной деятельностью, принимая участие в шведских, финских и норвежских проектах по инновационной деятельности, обрстая новыми знаниями и новыми впечатлениями о том «как это делается у них».

В это время я начал пересматривать концепцию своей деятельности и понял, что не смогу обойтись без создания некоммерческой организации, которая не только занималась бы инновационной деятельностью, но и защи-

щала права разработчиков и инвесторов в процессе коммерциализации научных разработок. И в 2004 году создал некоммерческое партнерство «Технопарк — Апатиты».

В 2008 году я стал выпускником федерального класса Школы, и мы провели два семинара с ее экспертами в Апатитах, чем вызвали гнев некоторых политических сил в регионе и поддержку, хотя и очень слабую, наиболее самостоятельной части населения.

В этих условиях я сформулировал свою деятельность как формирование среды обитания для моих партнеров: предпринимателей, ученых и наиболее активных членов общественных организаций. Мы совместно стали готовить пакет документов для регистрации в регионе независимой ассоциации малых и средних предпринимателей. Хочется верить, что мой опыт и опыт других выпускников Школы поможет сделать нашу региональную среду более дружественной человеку. Все мы — выпускники Школы — обязаны формировать среду, в которой живем, основываясь на полученных в ней знаниях и опыте тех, кто добился реальных результатов.

Дарья Куренная,
г. Калининград.
*Предприниматель, заместитель
директора ООО «Ремакс»,
выпускница 2008 г.*

При первом знакомстве с Школой она воспринималась мною как среда, в которой я смогу найти интересных людей и важные темы. Однако сейчас могу сказать, что она оказала на меня и мою жизнь гораздо более глубокое и сильное влияние.

В первую очередь мне хотелось бы подчеркнуть воздействие Школы на мое мировоззрение и систему ценностей. Такие понятия, как «просвеще-

ние», «гражданское общество», «демократия», «либеральные ценности», обрели для меня реальный смысл. Обрели влияние и вес. Кроме того, я абсолютно по-другому, более вдумчиво и глубоко анализирую ту политику, которую проводят различные государства, и процессы, происходящие в мире.

И, конечно, нельзя не отметить то воздействие, которое оказали новые контакты, полученные в Школе, на мою профессиональную деятельность и личное развитие. Я приобрела новых партнеров в бизнесе, плодотворное сотрудничество с которыми продолжается до сих пор. Причем стоит отметить отдельно, что такое сотрудничество начиналось в условиях высокой степени доверия. Выпускники Школы являются интересным высокоинтеллектуальным сообществом, объединенным общими ценностями.

Материал подготовила
Анастасия Гонтарева

CONTENTS

To Our Reader

Youri Senokosov 5

Seminar

The Infrastructure of Freedom of Speech
Mikhail Berger 7

Discussion 15

A Free Mind 21

Theme of the Issue

Russian Local Self-Governance:
Current Status and Development Trends 23

Russia: A Space of Depopulation
Gleb Tyurin 29

Subsidiarity in its Contemporary Social and Political Interpretation
Serguei Bol'shakov 34

Challenges and Threats

Russia and the West: The Path to A New World Order
Nikolai Zlobin 43

Immoral Bankers? Not So Fast...
Stephen Nelson 50

Elections

Electoral Campaigns of the “Party of Power”: An Anti-crisis Menu
Natalya Balakireva 56

Discussion

Is Russia Capable of Educating A Political Elite?
Serguei Magaril 62

“A Twilight Society”
Dmitrii Gorin 73

Values and Interests

Cold War Within
Maxim Trudolyubov 79

Viewpoint

The Law of the Pendulum
Aleksander Volkov 86

A Life in the Profession

Anastasia Lebed':
“As an artist, my first impression is that of an image...”
Evgeniya Formal'nova 94

From the History of Russian Liberalism

Zemstvo and Its Struggle for the First Russian Constitution
Evgenii Efremov 99

Announcement

Russia 1993–2008: Results of the Transformation
Crisis of Liberalism: Views of a Political Scientist
Andrei Ryabov 105

Books

Counter-Point
Aleksander Arkhangelksii 112

Nota bene

Alumni Talk About the School 116

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, КРИЗИС

СЕМИНАР

(Голицыно, июнь 2009)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Егор Гайдар

Борис Дубин

Андрей Захаров

Наталья Зубаревич

Владислав Иноземцев

Хайронг Лай

Жан-Луи Лоран

Ричард Пайнс

Сергей Петров

Кирилл Рогов

Марк Франко

Игорь Юргенс

Квитанция	<p>АНО «Московская Школа Политических Исследований» (получатель платежа) ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2009 г.) (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Извещение	<p>АНО «Московская Школа Политических Исследований» (получатель платежа) ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2009 г.) (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	<p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

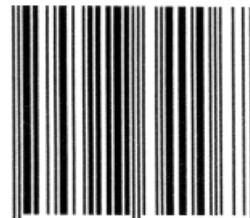
1. **Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
2. **Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)699-01-73 или по эл. почте msps@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
3. **Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)699-01-73.

Подписано в печать 15.06.2009.
Формат 70×108/16.
Усл.-печ. л. 8.
Тираж 999 экз.
Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: mmps@mmps.su
<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-006-7

9 785917 340067